№ 4
2017

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 11.09.2000 (свидетельство ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)

ISSN 1811–1629

http://mirs.ropryal.ru/

THE SCHOLARLY AND METHODOLOGICAL JOURNAL "THE WORLD OF RUSSIAN WORD" (Mir russkogo slova)

Comes out quarterly

The journal is registered by the Russian Federation Ministry for Printing, TV and Radio Broadcasting, and Mass-Media Communications at September 11th, 2000 (certificate ПИ № ФС77-30539, date of issue December 20th, 2007)

ISSN 1811–1629

http://mirs.ropryal.ru/

Учредитель и издатель

Некоммерческое партнерство «Общество преподавателей русского языка и литературы»

Адрес редакции:
199034, Санкт-Петербург, а/я 33
e-mail: editor@ropryal.ru

Редакционный совет

Л. А. Вербицкая — *акад. РАО, д-р филол. наук, проф., Президент СПбГУ, Президент РОПРЯЛ, Президент МАПРЯЛ, Президент РАО*
В. В. Воробьев — *д-р филол. наук, член-корр. РАЕН, проф., зав. каф., РУДН*
Л. П. Клобукова — *д-р пед. наук, проф., акад. МАНПО, зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова*
Ю. Е. Прохоров — *д-р пед. наук, д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*
В. М. Шаклеин — *д-р филол. наук, проф., член-корр. РАЕН, зав. каф., РУДН*
С. И. Богданов — *д-р филол. наук, проф., и. о. ректора, РГПУ им. А. И. Герцена*
М. Ю. Сидорова — *д-р филол. наук, проф., проф. МГУ им. М. В. Ломоносова*
С. Н. Голубев — *канд. филол. наук, Ген. директор ЗАО «Златоуст»*
Э. Эндрюс — *д-р наук, проф. Дюкского ун-та*
К. А. Рогова (главный редактор) — *д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ*

Журнал включен в:

– Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и представлен в Научной электронной библиотеке;
– Европейский индекс цитирования по гуманитарным и общественным наукам ERIH PLUS;
– Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (с 2007 года);
– Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

The Founder and Publisher

The non-profit partnership "Association of Teachers of Russian Language and Literature" ("ROPRYAL")

Editorial board's address: P. O. Box 33, St. Petersburg, RU-199034, Russia
e-mail: editor@ropryal.ru

Editorial board

L. A. Verbitskaja
St. Petersburg State University, Russian Academy of Education
V. V. Vorobjov
Peoples' Friendship University of Russia
L. P. Klobukova
Lomonosov Moscow State University
Yu. E. Prokhorov
St. Petersburg State University
S. I. Bogdanov
Herzen State Pedagogical University of Russia
V. M. Shaklein
Peoples' Friendship University of Russia
M. Yu. Sidorova
Lomonosov Moscow State University
S. N. Golubev
Zlatoust Ltd. company
E. Andrews
Duke University
K. A. Rogova — editor-in-chief
St. Petersburg State University

The journal is included into

– Russian Science Citation Index (RSCI), and is represented in Scientific Electronic Library (elibrary.ru);
– European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS);
– Scientific Electronic Library CyberLeninka.

Подписной индекс в каталоге Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

По вопросам подписки и доставки журнала за пределами СНГ обращайтесь к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20; тел./факс (495) 152-54-81; тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы"»
127015, г. Москва, а/я 2; тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15; mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б, Международный центр научной и технической информации; тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41, +7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ"»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая общественная организация «Ассоциация выпускников советских и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая общественная организация «Общество выпускников советских и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24; ruskistudenticg@yahoo.com

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА ПОЛНОСТЬЮ ПОКРЫТЫ ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ФОНД РУССКИЙ МИР

№ 4

2017

Главный редактор:
К. А. Рогова —
д-р филол. наук, проф., проф. СПбГУ

Над журналом работали:
Редактор:
Д. А. Щукина —
д-р филол. наук, проф., зав. каф., Горный ун-т
Вып. редактор:
М. С. Шишков —
канд. филол. наук, доц.

Корректор:
Н. В. Лутц
Перевод аннотаций:
А. Д. Степанов

Оригинал-макет:
М. С. Шишков

Тираж 400 экз.

Подписано в печать 12.01.2018
Отпечатано в типографии
«СМДЖИ Принт»,
197022, Санкт-Петербург,
Каменноостровский пр., д. 61,
лит. А, пом. 11Н

При перепечатке
материалов ссылка на журнал
«Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи
не возвращаются

Плата с аспирантов
за публикацию рукописей
не взимается

Правила направления,
рецензирования и опубликования
научных статей в журнале
«Мир русского слова»:
http://mirs.ropryal.ru/rules/

В НОМЕРЕ CONTENTS

[ОФИЦИАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ] [OFFICIAL MATERIALS]

4 РОПРЯЛ в 2017 году: методические разработки, региональные исследования и конгресс в Башкирии
ROPRYAL in the Year 2017: Methodological Tools, Area Studies, and the Congress in Bashkiria

6 IV Международный педагогический форум
4th International Pedagogic Forum

[ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ] [LINGUISTIC REMARKS]

9 Г. Н. Скляревская
Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия
G. N. Skliarevskaya
Metaphor and Ccomparison: Logical, Semantic and Structural Differences

18 Чжоу Хайянь
Анализ структуры «инфинитив + слово на *-о*» в аспекте теории переходности В. В. Бабайцевой
Zhou Haiyan
On the Structure of the Construction of Russian Infinitive + Word Ending in '*-o*' in the Aspect of Babaytseva Transition Theory

23 Л. Либерчук
100 слов о 100-летнем юбилее революций в России и реформы русского правописания
L. Liberchuk
100 Words about 100th Anniversary of Russian Revolution and the Reform of the Russian Spelling

[КУЛЬТУРА РЕЧИ] [SPEECH CULTURE]

25 И. Н. Апухтин
Медиатекст за гранью
I. N. Apukhtin
Media Text Beyond the Borders

33 С. Ф. Барышева
Лексико-грамматические маркеры разговорности в неофициальном сегменте интернет-коммуникации (на примере блогосферы)
S. F. Barysheva
Lexical and Grammatical Markers of Informality in the Unofficial Internet-Communication Segment: the Case of Blogosphere

39 А. В. Савченко, М. С. Хмелевский
«Господа или как вас там»: К вопросу о современном русском этикете обращения с параллелями в славянских языках
A. V. Savchenko, M. S. Khmelevski
"Hey, You Misters or Whatever": Forms of Address in Russian in Comparison with Slavic Languages

[ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ] [LINGUOCULTURAL STUDIES]

44 Ли Янь
Фреймовая структура номинации государственной инициативы КНР «Один пояс — один путь» в информационных материалах российских СМИ
Li Yan
The Frame Structure of Nomination of the Chinese State Initiative "One Belt, One Road" in the Russian Mass Media Texts

50 Н. Ю. Борисенко
Словарь образных сравнений как лингвокультурографический проект будущих преподавателей русского языка как иностранного
N. Yu. Borisenko
Dictionary of Figurative Comparisons as Linguocultural and Lexicographic Draft for Future Teachers of Russian as a Foreign Language

[ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА] [INTERACTION OF LANGUAGE AND LITERATURE]

56 М. В. Отрадин
Акт «самосознания и самопроверки» (о внутреннем сюжете книги И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»)
M. V. Otradin
The Act of "Self-Knowledge and Self-Examination": on the Internal Plot of "Frigate 'Pallada'" by Ivan Goncharov

62 Н. И. Павлова
Две записки Лары в композиции романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»
69 А. О. Большев
Мелодраматическая обида и трагическая вина
76 Ч. А. Горбачевский
«Хватит с нас этой возни с реабилитированными», или После лагеря — в большую жизнь

[МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА]

80 И. В. Одинцова
Когнитивная лингводидактика в ряду других когнитивных наук
87 Е. Н. Виноградова, Л. П. Клобукова
Лингводидактические проблемы описания предлогов на Базовом уровне общего владения русским языком как иностранным
100 А. О. Звездина, Д. А. Минина, Л. В. Московкин
Сферы русскоязычного общения иностранных студентов-нефилологов, обучающихся в вузах России

[НАШИ ЮБИЛЯРЫ]

8 Муза русской лексикографии
106 Живой как жизнь. К юбилею профессора А. Т. Хроленко

[ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВЫЕ КНИГИ. РЕЦЕНЗИИ]

22 Е. К. Николаева —
Новое в паремиологии. Рецензия на книгу: *Селиверстова Е. И.* Пространство русской пословицы. Постоянство и изменчивость (монография). — М.: Флинта : Наука, 2017. — 296 с.

108 О. В. Никитин —
Хроленко А. Т. Введение в экофилологию: Учебное пособие. — М.: Флинта : Наука, 2017. — 264 с.

[ХРОНИКА]

61 Русское слово — миру
68 52-й семинар русского языка в городе Тиммендорфер Штранде
79 Лингвистический взгляд через призму столетия революции (1917–2017): о Всероссийской научной конференции «Слово. Словарь. Словесность: язык революции — язык советской эпохи»

[РОССИЯ... НАРОДЫ, ЯЗЫКИ, КУЛЬТУРЫ]

113 И. М. Вознесенская
Лирическая тональность как стилеобразующая черта поздних рассказов К. Паустовского

N. I. Pavlova
The Place of Two Lara's Notes in the Composition of the novel «Doctor Zhivago» by Boris Pasternak
A. O. Bolshev
Melodramatic Resentment and Tragic Guilt
Ch. A. Gorbachevskij
"We've had Enough of the Fuss with the Rehabilitated People", or Out of the Hard Labor Camp into the Big Life

[RUSSIAN LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY]

I. V. Odintsova
Cognitive Linguodidactics among Other Cognitive Sciences
E. N. Vinogradova, L. P. Klobukova
Some Linguodidactic Problems of Prepositional Description on A2 Level (Common Language) of Russian as a Foreign Language
A. O. Zvezdina, D. A. Minina, L. V. Moskovkin
Russian Language Communication Spheres of Foreign Students Studying in Russian Non-Philological High Schools

[ANNIVERSARY]

The Muse of Russian Lexicography
Alive Like Life Itself. The Anniversary of Professor Alexandre T. Khrolenko

[PRESENTING NEW BOOKS. REVIEWS]

E. K. Nikolaeva —
Current Trends in Paremiology. The review of the book: *Seliverstova E. I.* Prostranstvo russkoi poslovitsy. Postoianstvo i izmenchivost' [Space of Russian Proverb. Constancy and variability: monograph]. — Moscow: Flinta and Nauka, 2017. — 296 p.
O. V. Nikitin —
Khrolenko A. T. Vvedenie v ekofilologiiu [Introduction to the Ecophilology: training manual]. — Moscow: Flinta and Nauka, 2017. — 264 p.

[CHRONICLE]

Russian Word for the Whole World
52nd Seminar on Russian Language in Timmendorfer Strand
The Linguistic View through the Prism of 100th Anniversary of Russian Revolution (1917–2017): on All-Russia Scholarly Conference "Word. Dictionary. Literature. The Language of Revolution and Soviet Epoch"

[RUSSIA... PEOPLES, LANGUAGES, CULTURES]

I. M. Voznesenskaja
The lyrical Tone as a Stylistic Feature of the Late Short Stories by Konstantin Paustovsky

РОПРЯЛ В 2017 ГОДУ: МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И КОНГРЕСС В БАШКИРИИ

ROPRYAL IN THE YEAR 2017:
METHODOLOGICAL TOOLS, AREA STUDIES, AND THE CONGRESS IN BASHKIRIA

В 2017 году Российское общество преподавателей русского языка и литературы выполнило ряд проектов, связанных с изучением проблем языковой адаптации иностранных граждан в России, а также провело мероприятие по вопросам оценки качества преподавания русского языка в школах с региональным и этнокультурным компонентом в обучении. В ближайших планах общества — проведение VI Конгресса в Башкирии.

На протяжении последних двух лет представители РОПРЯЛ принимают активное участие в обсуждении вопросов, связанных с тестированием языковых компетенций трудящихся мигрантов в России. Значимым этапом в этой работе стал выпуск методического пособия **«Практика организации и проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства РФ»**, презентация которого состоялась 31 мая в Российской академии образования.

Пособие было разработано РОПРЯЛ при участии представителей Московского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского университета дружбы народов и Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Содержание пособия охватывает все аспекты и стадии проведения экзамена. Так, в книге представлены практические инструкции по разработке контрольно-измерительных материалов, описаны наиболее частотные ситуации общения, темы общения, социокоммуникативные роли говорящих, приведены рекомендации по формированию текстотеки с учётом требований лексических минимумов. Также в книге рассматриваются требования к организации работы на каждой из стадий проведения экзамена, от подготовки к его проведению до стадии возможного обжалования участником тестирования его результатов.

Проект был выполнен на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в рамках конкурса, проведенного Российским союзом ректоров (в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 № 68-рп). Пособие представлено в открытом доступе на сайте www.ropryal.ru.

Еще одно издание, с которым можно ознакомиться на сайте РОПРЯЛ, было реализовано в рамках сотрудничества РОПРЯЛ с АО «Российский сельскохозяйственный банк». Это информационно-аналитический сборник **«Русский язык как иностранный в системе подготовительных отделений российских вузов».** Приступая к выполнению проекта, специалисты РОПРЯЛ ставили перед собой задачу всесторонне охарактеризовать состояние подготовительных отделений на примере 9 университетов в каждом из федеральных округов Российской Федерации.

Сборник не рассматривает вопросы преподавания русского языка на подготовительных отделениях изолированно: учитывая знаковую роль данных отделений в системе обучения иностранных граждан в России в целом, в книге были проанализированы причины выбора российских вузов иностранцами, структурные формы организации подготовительных отделений, вопросы их маркетинговой деятельности, особенности развития академической инфраструктуры. Не осталось в стороне и содержание подготовительных программ: был проведен сопоставительный анализ аспектно-тематического наполнения этих программ, их продолжительности, рассмотрены вопросы учебно-методического обеспечения.

Большое внимание продолжает уделять РОПРЯЛ в своей деятельности региональным исследованиям, в том чисел в области школьной русистики. Так, 28–29 апреля в Учалинском районе Республики Башкортостан состоялся семинар **«Система оценки качества преподавания русского языка в школе: проблемы и перспективы»**. В мероприятии, организованном Российским обществом преподавателей русского языка и литературы при поддержке научного фонда Антонио Менегетти и фонда «Русский мир», приняли участие свыше 60 учителей русского языка общеобразовательных школ Башкирии.

Мероприятие явилось логическим продолжением исследования, выполненного РОПРЯЛ в 2016 году в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык». В ходе исследования эксперты РОПРЯЛ провели экспертизу качества преподавания русского языка в школах с региональным и этнокультурным компонентом в Республике Адыгея, Республике Саха (Якутия), Республике Татарстан и Чеченской Республике.

Результатом исследования стала картотека из 80 источников — нормативных актов, научных монографий, статей, методических пособий, актуальных при выполнении оценки качества в данной области. Кроме того, Обществом были проведены опросы более 700 учителей и директоров школ и сформирована Система оценки качества, содержащая научно обоснованные ответы на вопросы: какими методами пользоваться при оценивании качества преподавания русского языка, как соотносятся между собой меры внутренней и внешней оценки, какими критериями руководствоваться при оценке результатов методической работы.

В рамках семинара прозвучали выступления представителей вузов — членов РОПРЯЛ, имеющих солидный опыт в вопросах научного обоснования и исследования оценки качества. Большой интерес собравшихся вызвала лекция известного специалиста по вопросам разработки контрольно-измерительных материалов для Единого государственного экзамена (ЕГЭ), ведущего научного сотрудника Федерального института педагогических измерений (ФИПИ) И. П. Цыбулько. На семинаре состоялось выступление видного эксперта в области коррекционной педагогики, вице-президента Российской академии образования, академика Н. Н. Малофеева.

В 2018 году работа по названным направлениям будет продолжена: так, при поддержке АО «Россельхозбанк» готовится исследование практики работы подготовительных факультетов в 40 вузах России, а на основе проведенного мониторинга будет подготовлено методическое пособие. В рамках научно-методической поддержки школьной русистики в регионах России готовится семинар для педагогов, посвященный предметно-интегрированному языковому обучению в билингвальных школах.

Событийной доминантой 2018 года станет для РОПРЯЛ очередной, **VI Конгресс «Динамика языковых и культурных процессов в современной России»**, который состоится в октябре в столице Башкирии, Уфе. В настоящее время ведется работа над программой, ожидается участие не менее 400 делегатов из различных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Подводя итоги 2017 года, важно добавить, что в уходящем году заметно расширился численный состав РОПРЯЛ: к обществу присоединились 24 коллективных и 70 индивидуальных членов. Среди коллективных членов, как и прежде, основную часть составляют учреждения высшей школы — например, Институт международного развития и партнерства Университета ИТМО (Санкт-Петербург), Калмыцкий государственный университет (г. Элиста), Институт русского языка и культуры Псковского государственного университета, историко-филологический факультет Челябинского государственного университета. Кроме того, к работе РОПРЯЛ подключились разработчики проектов дистанционного обучения по русскому языку (компания, «Авангард», создатель проекта Lang-Land.com) и центры повышения квалификации (например, Центр повышения квалификации при лингвистическом центре «Релод» в Кирове). Сегодня РОПРЯЛ объединяет 250 членов в 67 городах России.

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

4TH INTERNATIONAL PEDAGOGIC FORUM

В Сочи 17–18 октября 2017 года состоялся IV Международный педагогический форум — уже традиционное мероприятие, объединяющее преподавателей русского языка и литературы школ, вузов, учреждений дополнительного образования, научных центров России и зарубежья. В этом году лекции, секционные заседания, мастер-классы и конкурсная программа форума были объединены темой «Текст культуры и культура текста».

«Интеллектуальная площадка» — именно так называют проводимый вот уже четвертый раз форум его организаторы и участники. Отличительная особенность мероприятия — в его утилитарной направленности: сюда приезжают, чтобы найти решения тем актуальным педагогическим проблемам, с которыми русисты ежедневно сталкиваются в своей работе. На каждом из форумов принимаются постановления, над которыми ведется работа в течение последующего года; именно поэтому в центр внимания каждого последующего года обязательно попадают итоги предыдущего.

Организаторами форума выступили Российское общество преподавателей русского языка и литературы, Общество русской словесности, Российская академия образования, фонд «Русский мир», Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Ассоциация учителей литературы и русского языка (АССУЛ), Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Московский педагогический государственный университет, Ассоциация преподавателей живых языков (FIPLV). В форуме приняли участие представители 32 стран мира, 60 регионов России, более 600 участников из 200 научных, образовательных и культурно-просветительских учреждений.

«Исходной точкой» для педфорума стало пленарное заседание, на котором прозвучал доклад члена-корреспондента Российской академии наук, профессора В. М. Алпатова о языковой политике в России. Второй докладчик, вице-президент МАПРЯЛ и профессор Хельсинкского университета Арто Мустайоки рассказал собравшимся об особенностях функционирования русского языка как lingua franca за рубежом.

Дальнейшая работа форума была организована по секциям: «Текст культуры и культура текста»; «Билингвальное образование в России и за рубежом: история и перспективы»; «Система подготовки и аттестации учителя-словесника»; «Словари и современная языковая норма»; «Русский язык в международном образовательном пространстве». Отдельные дискуссионные площадки в формате «круглых столов» были посвящены темам преподавания русского языка в условиях мультилингвизма, межкультурного диалога, сочетанию традиционных и инновационных средств в обучении русскому языку, функционированию научно-методических журналов по русскому языку и литературе, а также социолингвистическим исследованиям в области русского языка. Большой интерес у собравшихся также вызвал «парад педагогических проектов», проводимых Ассоциацией учителей литературы и русского языка.

Участники форума сошлись во мнении о том, что система школьного филологического образования текстоцентрична: именно тексты являются главным инструментом обучения и воспитания, и их необходимо рассматривать как способ сохранения «культурных кодов» для воспитания подрастающих поколений, совершенствования их литературного кругозора. Роль научно-популярного текста в учебном процессе должна быть расширена; передача знаний должна осуществляться в рамках модели «от читающего и пишущего учителя-словесника — к читающему и пишущему ученику». Стимулировать творческую активность педагогов на данном направлении могут как частные инициативы (гранты, конкурсы), так и системные — например, открытие диссертационных советов по методике преподавания литературы, совершенствование методиче-

ской культуры учителей по работе с материалами словарей, в том числе электронных.

В ходе обсуждений проблем преподавания русского языка в билингвальной среде педагоги из регионов России отметили важную функцию русского языка, состоящую в социализации молодежи и развитии у них когнитивных представлений об окружающем мире, общественном и духовном опыте предыдущих поколений, современном обществе, уровне и перспективах его технологического развития. Зарубежные русисты обратили внимание на значение культурно-исторического подхода, предложенного Л. С. Выготским, в процессе распространения русского языка: внимание при составлении программ преподавания русского языка, разработке учебной литературы и организации учебного процесса следует уделять языку как культурному коду, источнику развития личности. Представители высшей школы России сошлись во мнении, что необходимо установить единые требования к зарубежным абитуриентам, поступающим в российские вузы: в частности, сертификационные замеры уровня языка должны быть дополнены новой градацией, связанной с языком специальности (например, пороговый уровень языковой компетенции «B1» может быть модифицирован в уровень «B1+»).

Отдельное внимание в рамках дискуссий форума было уделено вопросу укрепления позиций русского языка в мире. Вновь было озвучено мнение о необходимости улучшения взаимодействия всех государственных и общественных организаций, действующих в сфере распространения русского языка и культуры за рубежом; координирующую роль в этом процессе может играть Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, основанная 50 лет назад и на сегодняшний день объединяющая свыше 200 академических центров и педагогов-русистов в 70 странах.

Особо отмечены на педагогическом форуме были и школьники, проявляющие особый интерес к русской словесности. Совместно с образовательным центром «Сириус» организаторы Педфорума провели заседание молодежной секции. В рамках секции 250 учащихся из 64 регионов России смогли принять участие в театральном проекте, проявили себя в одном из жанров литературного творчества, создав авторский текст, посвященный проблемам романтизма как художественного метода в литературе и искусстве. Кроме того, учащиеся познакомились с методиками социального проектирования и активного взаимодействия с потенциальными и реальными читателями, прослушали цикл лекций по литературе, стали участниками мастер-классов и литературных семинаров. По мнению организаторов секции, участие в этих мероприятиях помогло учащимся найти сферу жизненной самореализации и в перспективе позволит им разработать долгосрочный индивидуальный образовательный маршрут.

Наряду с обсуждением текущих вопросов участники мероприятия сформулировали предложения в повестку дня следующего педагогического форума. Делегаты форума пришли к консолидированному выводу о том, что в дальнейшей концептуальной проработке нуждаются такие вопросы, как дошкольное образование детей в области русского языка и литературы, методика обучения учащихся написанию сочинения, подходы к развитию русских школ за рубежом, онлайн-обучение русскому языку и литературе, содержание учебных программ по филологическим специальностям вузов, современная языковая норма, новые словари и их использование в образовательном процессе, а также разработка и внедрение программ детского и юношеского чтения.

Неотъемлемым компонентом содержательной программы каждого педагогического форума является конкурс педагогических проектов. В этом году на суд экспертов были представлены инициативы, выполненные тандемами «учитель — ученик». К очному туру конкурса было допущено 40 проектов в 4 номинациях: «человек читающий», «русский язык и риторика», «преподавание русского языка в условиях мультилингвизма», «культурно-просветительские мероприятия и пособия по русистике». Дипломы победителям конкурсной программы вручал специальный гость Педфорума — председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по образованию и науке, председатель Правления фонда «Русский мир» В. А. Никонов.

МУЗА РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

THE MUSE OF RUSSIAN LEXICOGRAPHY

Редакция журнала «Мир русского слова» попросила меня предварить статью Галины Николаевны Скляревской небольшой юбилейной здравицей. Принимая это почетное предложение, я не только перечел научные труды Юбиляра, но и вспомнил многие перекрестки наших общих с Галиной Николаевной филологических маршрутов. Студенческие заседания на филфаковском литературном кружке, где она читала свои первые стихи, аспирантура и ежедневные встречи в читальном зале нашей Библиотеки Академии наук, общие конференции, словарные дискуссии и, наконец, — работа бок о бок в нашей alma mater...

Само название публикуемой сегодня статьи — «Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия» мне кажется глубоко символичным для творческой и научной биографии Галины Николаевны. Филологический дуализм дарован ей со студенческих лет: будучи в душе поэтом, наш Юбиляр стала признанным Лексикографом. А ведь Поэзия и Лексикография (да к тому же еще — Компьютерная!) могут показаться двумя вещами несовместными. Но в жизни и творчестве Г. Н. Скляревской они не только совместились, но и слились в столь же цельную креативную амальгаму, как метафора и сравнение...

Свою статью наш Юбиляр начинает фразой «Я сравниваю — значит, я живу, — мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры...» И для автора статьи метафорическое биение словесного пульса стало мерилом всей жизни.

Семантическая система русской лексики описывается Г. Н. Скляревской во всем лексикографическом многообразии. И то, что в этом описании отражено поэтическое и духовное устремление автора, легко подтвердить, вчитываясь даже в названия некоторых из ее многочисленных публикаций: «Концепт любовь в христианском понимании: попытка лексикографического описания», «Сердце как орган познавательной и мыслительной способности человека: к вопросу о семантической структуре слова сердце в Священном Писании», «Антропоцентрическая лексикография: идеи и практика», «Современное русское православие глазами лексикографа», «Православная лексика. Концепты христианской культуры. Лингвистические аспекты православия». ... Новаторские лексикографические идеи воплощены Юбиляром в известных широкому читательскому кругу словарях — «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения», «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика», «Словаре православной церковной культуры»... Эти и другие знаковые проекты реализованы Галиной Николаевной потому, что она сумела собрать вокруг себя плеяду талантливых молодых исследователей и лексикографов, которые с таким же поэтическим вдохновением всматриваются в мир русского Слова и запечатлевают его в словарях.

Это запечатленение было ею провидчески предсказано давным-давно — в стихотворении, посвященном Юрию Сергеевичу Сорокину — мэтру отечественной лексикографии:

Писать словарь — такое ремесло
Я выбрала и сделала судьбою.
Перед собою, как перед толпою
«Мне повезло, — твержу, — мне повезло».

Я развязала тысячи узлов,
И мне понятно, мучаюсь зачем я,
Когда членю на плоские значенья
Живую плоть непокоренных слов.

Когда из года в год — из тома в том
Судьбы и службы тянет колесо нас,
Я чувствую приятную весомость
И тяжесть опыта...

(*Скляревская Г. Н.* Сочетание причин. Избранные стихотворения (1979–1989). — СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2008. — С. 55).

Повторяя вслед за Юбиляром эти выношенные под сердцем строки, хочу пожелать Галине Николаевне не только ощущения «приятной весомости» от весомого вклада в нашу Филологию, но и развязывания новых «тысячи узлов», которыми стянут современный мир русского Слова.

В. М. Мокиенко, проф. СПбГУ

Г. Н. Скляревская

МЕТАФОРА И СРАВНЕНИЕ: ЛОГИЧЕСКИЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

GALINA N. SKLIAREVSKAYA
METAPHOR AND CCOMPARISON:
LOGICAL, SEMANTIC AND STRUCTURAL DIFFERENCES

Соотношение метафоры и сравнения — это важный вопрос для понимания сущности и механизмов образования метафоры и тем самым для объяснения многих глубинных языковых процессов. Со времен Аристотеля бесспорным сохранялся взгляд на метафору как на сокращенное (свернутое), сравнение, который только в последние 50–70 лет был поколеблен новыми открытиями в семасиологии. В статье на конкретном лексическом материале обосновывается точка зрения, согласно которой метафора и сравнение представляют собой не видоизменение одного семантического явления и не ступени одного семантического процесса, но принципиально самостоятельные языковые явления, обнаруживающие различия в логическом, семантическом и структурном аспектах.

Ключевые слова: метафора; сравнение; референция; семасиология; семантические модели; лексикография.

The author argues that the ratio of metaphor and comparison is an important question for understanding the essence and mechanisms of metaphor formation, and thus for explaining many profound linguistic processes. The view of the metaphor as a reduced (collapsed) comparison was unquestionably preserved since the time of Aristotle, and only in the last 50–70 years has been shaken by new discoveries in semasiology. The article proves that metaphor and comparison are not a modification of one semantic phenomenon and not a stage of a single semantic process, but essentially independent linguistic phenomena that reveal differences in logical, semantic and structural aspects.

Keywords: metaphor; comparison; reference; semasiology; semantic model; lexicography.

«Я сравниваю — значит, я живу, — мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры. Ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть — сравнение» [15: 161].

В этом высказывании Мандельштама выражена мысль о неразличимости метафоры и образного сравнения[1], при этом сам факт их единства столь очевиден для автора, что он не считает нужным обосновывать свою позицию.

Представление о метафоре как сокращенном сравнении возникло и было развито, как известно, еще в античных теориях.

Квинтилиан называет метафору «укороченным сравнением». «Различие только в том, — уточняет он, — что в одном случае с предметом, который мы хотим описать, нечто сравнивается, метафора же заменяет название самого предмета» [1: 219]. А Цицерон придает этому высказыванию категоричность: «Метафора есть сравнение, сокращенное до одного слова» [Там же: 216]

Галина Николаевна Скляревская
Доктор филологических наук, профессор, зав. лабораторией компьютерной лексикографии Института филологических исследований
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
▸ gsklyarevskaya@mail.ru

Galina N. Skliarevskaia
Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Развернутое обоснование этой точки зрения находим у Аристотеля: «Сравнение — тоже метафора, так как между тем и другим незначительная разница. Когда Гомер говорит об Ахилле: <...> устремился, как лев, это сравнение, когда же он говорит: лев ринулся — это есть метафора: поскольку и тот, и другой храбры, поэт, пользуясь метафорой, назвал Ахилла львом» [2: 119]. Далее Аристотель многократно возвращается к этой мысли, настойчиво повторяя ее: «Сравнения следует употреблять так же, как метафоры, потому что они — те же метафоры, отличающиеся указанным выше» [Там же: 120]. «Все эти выражения можно употреблять и как сравнения, и как метафоры, так что все удачно употребленные метафоры несомненно будут и сравнениями, а сравнения — метафорами, требующими пояснения» [Там же]. «Сравнение, как было сказано раньше, есть та же метафора, но отличающаяся присоединением союза сравнения; оно менее приятно, так как длиннее, и не утверждает, что „это есть то“, но ум наш того и не требует» [2: 128]. «И сравнения, как было сказано выше, суть некоторым образом метафоры, пользующиеся успехом. Они всегда составлены из двух понятий, как метафора по соответствию, например, щит мы называем чашей Ареса, а лук — бесструнной формингой» [Там же: 132]. «Все это — сравнения, а что сравнения суть метафоры, об этом было сказано много раз» [Там же: 133].

Понимание метафоры как сокращенного сравнения, детально разработанное Аристотелем и поддержанное его авторитетом, выдержало испытание временем и сохранялось неизменным вплоть до нашего времени, ср., например, высказывание Дж. А. Миллера: «Я буду здесь защищать вариант традиционной точки зрения, состоящей в том, что метафора — это стянутое сравнение» [16: 236]. «По-видимому, метафору проще всего можно охарактеризовать как утверждение сравнения, в котором что-то опущено» [Там же: 260].

С наибольшей категоричностью эта позиция представлена в [5], содержащей множество семантических наблюдений и неожиданных тончайших выводов. Авторы детально, с дидактической настойчивостью определяют свою позицию, приводя по отношению к сравнению и метафоре два абсолютно идентичных определения, различающихся только терминами *эксплицитный* и *имплицитный*: «Сравнение представляет собой эксплицитное сопоставление, в котором один элемент сопоставления („образ“) содержит целый ряд семантических компонентов, из которых обычно только один является релевантным для второго элемента („темы“) и общим для двух элементов». При определении метафоры повторяется эта формулировка с тою лишь разницей, что термин *эксплицитный* заменен термином *имплицитный* [Там же: 139]. Таким образом, со всей определенностью сформулировано единство и идентичность метафоры и сравнения. Возможно, впрочем, данная позиция авторов приспособлена к решению практических задач перевода и не претендует на статус семантической концепции.

Однако с середины XX века традиционный (Аристотелев) взгляд на соотношение метафоры и сравнения был поставлен под сомнение, в частности, Э. Ортони: «Часто утверждается, что метафоры — это имплицитные сравнения, которым противопоставляются уподобления как сравнения эксплицитные. Я очень мало верю в истинность подобной точки зрения. <...> Тот факт, что метафоры часто употребляются для сравнения — если это факт — не значит, что метафоры я в л я ю т с я сравнениями» [18: 221–222]. А. Вежбицкая, признавая ощущаемую на протяжении столетий близость между метафорой и сравнением, основанную на общем семантическом элементе «можно сказать», вместе с тем настаивает на положении, согласно которому метафора и сравнение различаются глубинными структурами: «Сказать, что метафора — это сокращенное, редуцированное сравнение», — сказать, что отличие между метафорой и сравнением не является семантическим; иначе говоря, приведенная классическая формулировка помещает отличие между метафорой и сравнением в поверхностную, а не глубинную структуру [7: 142]. Обобщая эти положения, В. П. Москвин приходит к выводу, что «теорию эллиптического сравнения следует понимать лишь как объяснение деривационных отношений

метафоры и сравнения, а не в общепринятом семантически отождествляющем смысле» [17: 53].

Как считает Блэк (называющий сравнительную теорию метафоры сравнительной точкой зрения), «главное возражение против сравнительной точки зрения заключается в том, что она страдает расплывчатостью, граничащей с бессодержательностью» [6: 162].

Аргументацию в пользу новых воззрений современные лингвисты находят, в частности, в разном логическом статусе метафоры и сравнения, в соответствии с которыми сравнение — такая логическая форма, которая не создает нового и целостного информационного объекта, поэтому его нельзя приравнивать к метафоре, а метафору, соответственно, нельзя считать сокращенным сравнением.

Наиболее убедительной в этом вопросе представляется позиция Дж. Сёрля: «Теории метафоры от Аристотеля до наших дней можно условно разделить на два типа. Теории сравнения утверждают, что метафорические высказывания связаны со сравнением или сходством двух или более объектов, а теории семантического взаимодействия — что метафора связана с вербальной оппозицией или взаимодействием двух семантических смыслов — а именно, метафорически употребленного выражения и окружающего, буквального контекста» [20: 315]. Тезис о несовпадении метафоры и сравнения Дж. Сёрль обосновывает следующими положениями: 1) существует много метафор, не соотносящихся со сравнениями; 2) в теории сравнения мы не можем найти ответа на вопрос, как находить сходство и что именно имел в виду говорящий при использовании той или иной метафоры [Там же: 531–532].

Н. Д. Арутюнова как будто бы не отвергает традиционную точку зрения, утверждая, что «в метафорическом высказывании можно видеть сокращенное сравнение» [3: 18] и «близость к метафоре образного сравнения не вызывает сомнений. Исключение из сравнения компаративной связки *как* (*подобно, точно, словно, будто, как будто*) или предикативов *подобен, сходен, похож, напоминает* часто считается основным приемом создания метафоры» [Там же: 26–27]. В то же время она указывает на различия метафоры и сравнения, которые, по нашему мнению, можно считать убедительными в обосновании понимания метафоры и сравнения как разных семантических категорий.

Первое отличие заключается в том, что «метафора не только и не столько сокращенное сравнение, как ее квалифицировали со времен Аристотеля, сколько сокращенное противопоставление. Из нее исключен содержащий отрицание термин: <...> *Утешенье, а не коляска* (Гоголь); *черт, а не лошадь* (Л. Толстой); *не человек, а — дурная погода* (М. Горький)» [Там же: 18]. К примерам Арутюновой можно добавить: *не лица, а обмылки* (Улицкая); *нет, не луна, а светлый циферблат* (Мандельштам); *не нож, а бритва*; *не пирог, а песня; не ребенок, а милость Божия* и т. п.

Второе отличие Н. Д. Арутюнова видит в том, что, «для сравнение характерна свобода в сочетаемости с предикатами разных значений, указывающими на те действия, состояния и аспекты объекта, которые стимулировали уподобление» [Там же: 27], в то время как метафора лишена синтаксической подвижности и не принимает никаких модификаторов [Там же].

Третье отличие обосновано тем, что сравнение может указывать на преходящее, кажущееся, ограниченное одним аспектом подобие, а метафора выражает только устойчивое подобие, раскрывающее постоянный признак предмета и определяющее его сущность: не говорят **Вы сейчас медведь* или **На той неделе он был в лесу заяц*, в то время как для сравнения характерно ограничение временны́м отрезком или эпизодом: *В ту минуту он был похож на разъяренного тигра* [Там же].

Эти и некоторые другие наблюдения, как представляется, дают основания ставить вопрос об обосновании принципиальных различий между сравнением и метафорой. По нашему мнению, такие различия несомненно существуют и реализуются в следующих аспектах: 1) логики; 2) семантики; 3) структуры. Помимо этого, у метафоры и сравнения разная динамика и разные механизмы образования. Вполне понятно, что такая

рубрикация носит условный характер, поскольку за счет размытости границ каждый из представленных аспектов проявляется в разных рубриках.

С точки зрения **логики** сравнение, как было сказано выше, — один из приемов ознакомления с предметом в тех случаях, когда определение понятия невозможно или не требуется. Этот прием употребляется в том случае, когда интересующее нас понятие можно сопоставить с другими понятиями, похожими на него, и в результате такого сопоставления лучше уяснить данное понятие.

Итак, сравнение сопоставляет одно понятие с другим с целью объяснения данного понятия. В сравнении, по утверждению Ж. Дюбуа и его соавторов[2], «нет семантической фигуры, поскольку нет отклонения от лексического кода» [11: 207], следовательно, нет и логических отклонений. Со ссылкой на Цв. Тодорова Ж. Дюбуа со всей определенностью показывает семантический статус сравнения, не допускающий его приравнивания к метафоре: «Образное сравнение является всего лишь способом описания объекта, оно сближает разные предметы для того, чтобы лучше описать один из них или же сближает с той же целью два разных явления» [Там же]. Что касается метафоры, то она, в понимании Ж. Дюбуа, не только не подчиняется логике, но вообще представляет собой нечто из ряда вон выходящее: «С формальной точки зрения метафора представляет собой синтагму, где сосуществуют в противоречивом единстве тождество двух означающих и несовпадение соответствующих им означаемых. Этот вызов (языковому) сознанию требует осуществления редукции» [11: 195]. Ср. также: «Метафоры, эти маленькие семантические скандалы...» [Там же]; «Метафора взрывает реальность, вызывает шок» [11: 202]. В концепции Ж. Дюбуа, метафора — это семантическая фигура (которую он называет метасememой), соединяющая в одном знаке две реалии, относящиеся к разным классам предметов и несовместимые в жизни, при этом главное свойство метафоры — семантическая аномалия, семантический и сочетаемостный конфликт [Там же: 195].

Заметим, что распространенное утверждение о соединении в одном знаке двух сходных в каком-либо отношении, но чуждых друг другу по категориальной и классной принадлежности реалий имеет слишком обобщенный характер и нуждается в уточнении. Любая метафора, не только авторская, поэтическая, например, *Мельница — бревенчатая птица* (Есенин), но и языковая, самая обыденная, расхожая, такая, как *Иван — осел*, хотя и отражает подобие, но вместе с тем обязательно имеет элемент неправдоподобия — «как если бы» («модус фиктивности», в терминологии Телия [23: 48]). Неправдоподобие связано с допущением, что все свойства одного объекта переносятся на другой объект. В действительности это не так — в процессе метафоризации участвуют не все, а только некоторые признаки, что дает основания говорить о сохранении в метафоре двух разных понятий. Рассуждая на эту тему, С. Д. Кацнельсон со ссылкой на Г. Пауля анализирует метафору *свинья*: если допустить, что переносятся все признаки, «то получается нелепое утверждение, будто обзывая человека свиньей, мы вызываем магическое перевоплощение человека, наделяя его всеми качествами свиньи, в том числе и такими, как парнокопытность, тупорылость, клыкастость, способность хрюкать и т. п. Если же имеются в виду только некоторые качества свиньи, как, например, нечистоплотность, то понятия остаются разными и, настаивая на их объединении, мы получаем не менее нелепое утверждение, что разнородные понятия свиньи и неряшливого человека могут быть сплавлены в одно „сверхпонятие, некое понятие-монстр, совмещающее в себе признаки свиньи и человека“» [12: 49].

Взгляд на метафору как на алогичное и аномальное явление не нов. Еще Веселовский называл метафору «бессодержательной игрой логики» и «намеренным отклонением от нормы» [8: 442]. В современных исследованиях эти воззрения обретают более категоричный вид: «Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. Метафора — это вызов природе. Источник метафоры — сознательная ошибка в таксономии

объектов» [3: 17–18]; «метафора — такое соположение референтов, в результате которого возникает семантическая концептуальная аномалия» [14: 380]; «метафора — это категориальный (иначе — таксономический) сдвиг» [19: 158]. Развивая это свое положение, Падучева вслед за Арутюновой квалифицирует сдвиг как ошибку: «Исходная категория имени противоречит входящей в семантику предиката предпосылке о том, какой эта категория должна быть; возникает категориальная ошибка»[3] [Там же: 169]. Эти воззрения обобщенно можно представить как «алогичность метафоры, ее несоответствие реальным процессам действительности и природе рационального мышления» [10: 136].

Совершенно очевидно, что сравнение (так же, как конструкция подобия) не входит в этот ряд, поскольку не содержит не только «семантического скандала», но и никакого семантического сдвига: оба сравниваемых (или уподобляемых) понятия остаются каждый в пределах той категории, к которой они могут быть отнесены на рациональном основании, не совмещаясь и не сливаясь.

Итак, сравнение логично, отражает реальное соположение референтов, в то время как метафора, утверждая соединение несоединимого (человека и животное, одну стихию с другой, признак неживой материи приписывает живому и т. п.), представляет собой концептуальную аномалию, «категориальный сдвиг» и в целом — ошибку[4].

С точки зрения **семантики** сравнение — это словесное выражение, определенным образом синтаксически оформленное, в котором один объект образно уподобляется другому по одному общему признаку, например: *стройный, как тополь, красивая, как богиня, добрый, как ангел, хитрый, как лиса, красный, как рак*.

В норме сравнение формируется путем вычленения одного признака (реже двух, но обязательно семантически близких: *толст и грузен, как как бык, косолап и неповоротлив, как медведь*). Признаки, служащие основанием сравнения, всегда эксплититно представлены и поименованы, причем нередко такой признак реализует не свойство, а десемантизованную экспрессию усилительности (*голоден как волк* — очень голоден; *беден как церковная крыса* — очень беден). Признак, лежащий в основании сравнения, незаменим и неустраним, его нельзя расчленить или дополнить другими признаками. Нельзя сказать **голоден и зол, как волк*; **бедный и отвратительный, как церковная крыса* и т. п.

Метафора имеет другую семантическую природу: роль семантического посредника между исходным и метафорическим значениями выполняет *символ метафоры* — как правило, не один признак, а комплекс («пучок») нескольких семантических (коннотативных) элементов, обычно нерасчлененных, диффузных, скрытых в глубинах семантики [21: 44–48]. Например, в метафоре *кабан* символ метафоры составляет такое диффузное образование из признаков *толстый, грузный, чрезмерно сильный, грубый, бесцеремонный, невоспитанный.*

Структурно сравнение и метафора также обнаруживают глубокие различия: сравнение выступает как двучлен (субъект и основание сравнения, соединенные компаративной связкой), а метафора, будучи семантически двуплановой (субъект и объект метафоры), структурно представляет собой одночленное образование.

Устройство метафоры наглядно представлено в известной модели семантической (семной) структуры метафоры, разработанной В. Г. Гаком на примере метафоры *лиса* ‘хитрый человек’. Номинативное (исходное) ЛЗ слова *лиса* имеет определенный набор сем: категориальная архисема А (одушевленное существо) + родовая сема Z (животное) + видовая дифференцирующая сема В (животное с определенными признаками) + потенциальная сема С (присваиваемое этому животному качество — хитрость). К метафоризации приводят следующие семантические преобразования: устранение родовой и видовой сем и актуализация потенциальной семы [9: 151–152].

Сравним модели семантической структуры слова *лиса* в исходном и метафорическом значениях.

Семантика исходного значения: одушевленное существо, животное сем. псовых, хищник, рыжая, пушистая, с пушистым хвостом, которым заметает следы, ловкая в охоте и т. д. По всей веро-

ятности, именно такие свойства, как способность заметать следы и умение успешно охотиться, в общественном языковом сознании ассоциируются с хитростью (что, конечно, отнюдь не означает, что сема ‘хитрость’ входит в семантическую структуру исходного значения).

Модель семантической структуры слова *лиса* в исходном значении имеет такой вид:

Az + R + V + (C),
где A — архисема живое существо, z — сема «животное», R — сема родовой принадлежности, V — семы видовых признаков, (C) — потенциальная сема — приписываемое человеком качество хитрость.

При метафоризации происходят следующие семантические преобразования: сема «хитрость», не входящая в денотативное ядро слова *лиса*, в метафоре становится дифференциальной, определяя семантику лексического значения в целом и его денотат. В соответствии с этим формируется модель метафоры *лиса*:

Aa + C,
где a — человек, антропос.

Таким образом, символ метафоры может быть представлен как коннотативный признак исходного значения, преобразованный в процессе метафоризации в определяющий признак метафорического значения, иначе, как потенциальная сема исходного значения, занимающая в процессе метафоризации место дифференциальной семы метафоры. Модель метафоры простая и прозрачная, утверждает определенное качество, характеризующее человека.

В отличие от модели метафоры модель сравнения имеет сложную многочленную структуру, отражающую результат сопоставления двух объектов (в данном случае человека и животного в совокупности их реальных и приписываемых качеств):

Aa < (2) Az + R + V + (C),
где [<] — компаративная связка.

Что касается стадий и механизмов образования метафоры и сравнения, то здесь тоже не удается обнаружить хоть какие-то элементы единства.

Если считать, что в статике метафора представляет собой свернутое сравнение, то естественно предположить, что существует и динамический процесс семантического развертывания, постепенного превращения сравнительного оборота в метафорическое образование, и, следовательно, представить сравнение как этап или ступень на пути формирования метафоры. Эту точку зрения, высказываемую некоторыми исследователями, наиболее последовательно обосновала в свое время Л. С. Ковтун, рассматривавшая проблему применительно к задачам лексикографии. Формирование и усвоение метафоры она представляла как единый процесс, проходящий четыре стадии, среди которых первое по порядку место принадлежит сравнению: 1) сравнительный оборот; 2) образное применение слова; 3) переносный оттенок прямого значения; 4) переносное (метафорическое) значение [13: 47].

Такой путь поэтапного образования метафоры чрезвычайно привлекателен для лексикографов, однако он плохо согласуется с речевой практикой и реальным языковым материалом.

О возможности линейного пути развития семантики от сравнения к метафоре можно говорить только в тех (не слишком частых) случаях, когда семантический посредник между исходным и метафорическим значениями (символ метафоры или, в терминологии А. А. Потебни, средство апперцепции) состоит из одной семы, совпадающей с основанием соответствующего сравнения: *злой как собака* — вот *собака*! *хитрый как лиса* — он настоящая *лиса*; *неуклюжий как медведь* — этот *медведь* всем ноги отдавил; *спит как сурок* — наш *сурок* опять проспал; ср. также: *грязный как трубочист, здоровый как бык, упрямый как осел* и т. п. Подобные сравнения действительно соотносимы с соответствующими метафорами, функционируют в языке синхронно и в толковом словаре могут фиксироваться в одной словарной статье. Однако словарная работа убеждает, что прозрачность, логическая очевидность метафоры, эксплицитно представленная сема, связывающая метафорическое значение с исходным, представленная в сравнении и «разъясняющая» метафору, свойственны лишь незначительной части метафор. Более стандартна ситуация, когда такая «разъясняющая» метафору сема (или символ метафоры) даже не угадывается

в исходном значении слова. Действительно, например, семантика слова *гусь* в исходном значении ‘крупная водоплавающая птица с серым или белым оперением’ никак не соотносится с семантическим наполнением метафоры *гусь* ‘плут’. В семантике слова *бревно* ‘очищенный от веток и без верхушки ствол срубленного большого дерева или часть такого ствола’ не фигурируют семантические компоненты, реализованные в метафоре *бревно* ‘тупой, бесчувственный человек’; в слове *конура* ‘будка для собаки’ имплицитно присутствуют потенциальные семы ‘тесный, темный’, но, естественно, не фиксируются в толковании и реализуются только в метафоре ‘тесное, темное, грязное помещение, жилье’; из толкования слова *шарманка* ‘небольшой переносный механический орган без клавишного механизма, приводимый в действие вращением ручки’ невозможно извлечь информацию о его метафорическом преобразовании: ‘о чем-л. нудном, многократно повторяемом, надоевшем (обычно о разговоре)’. Ср. также: *холодный* 1) ‘основанный на доводах рассудка’; 2) ‘суровый, строгий’; *прозрачный* ‘легко воспринимаемый, простой, ясный’; *прозреть* ‘понять, осознать что-л.’; *хвост* ‘часть работы, задания, не выполненная, не законченная к сроку’; *крошка* ‘маленький ребенок’; *пронюхать* ‘разузнать что-л. тайком’; *заварить* ‘затеять’ и т. п.

Во всех этих случаях очевидно, что коммуникантам известны те ассоциативные признаки, которые использованы в метафоре, хотя они и не обнаруживаются, скрыты в глубинах семантики исходного значения.

Итак, сравнение — утверждение сходства путем его лексической фиксации. В сравнении все слова нормальны и совместимы друг с другом, причем это касается не только общеязыковых, стандартных сравнений типа *мальчик неуклюжий (неловкий, косолапый), как медвежонок, девочка хорошенькая (нарядная), как кукла, трава мягкая, как бархат, кожа гладкая, как шелк, мысли разлетелись, как птицы*, но и индивидуальных, поэтических: *Божье имя, как большая птица, Вылетело из моей груди* (Мандельштам).

Различия между сравнением и метафорой убедительно подтверждается и на эмпирическом уровне, в частности при лексикографическом анализе лексического материала. Если принять, что путь формирования метафоры через сравнение закономерен, то можно было бы ожидать его универсальности. Вместе с тем обширные лексические материалы показывают обратное: между сравнением и метафорой наблюдается множество несовпадений и несоответствий. Назовем главные из них (подробнее см.: [22]).

1. Сравнение не имеет семантически соответствующей метафоры: сравнения *мокрый как мышь, трезв как стеклышко, голоден как волк, устал как собака, язык как бритва, ноги как вата, податливый, как воск, вертится, как волчок и т. п.* в узусе не формируют метафор **мышь* ‘промокший человек’; **стеклышко* ‘трезвый человек; **собака* ‘усталый человек’ и т. д., при этом такое несоответствие касается даже случаев синкретических, чувственных сравнений, таких, как *холоден как* ***лед*** (нельзя сказать *этот лед ни разу за весь разговор не улыбнулся), *покраснел, как* ***рак*** (*стал настоящий рак от злости), *бледный как* ***полотно*** (*посмотрите на это полотно, что с ним?) и под. Если следовать концепции «свернутого сравнения», то в данном случае можно говорить о сравнении, которое «не свернулось» в метафору.

2. Метафора не поддержана соответствующим сравнением: есть метафоры *шляпа, ворона* ‘рассеянный человек’; *размазня, тряпка, тюфяк* ‘безвольный, бесхарактерный человек’; *жаба, крыса* ‘отвратительный, отталкивающий человек’, и т. п., но нет узуальных сравнений **бесхарактерный, как тряпка, *рассеянный, как шляпа* и т. д.

3. В метафоре и сравнении реализуются разные признаки. Лексикографы постоянно ищут пути к семантической согласованности, к прозрачности структуры словарной статьи, которая, как многим представляется, должна была бы демонстрировать мотивированность каждого ЛСВ, его логическую зависимость от предшествующего (в идеале — «вытекание» каждого последующего ЛСВ из предыдущего). Однако лексикографическое упорядочение, увязывание метафорических значений и оттенков практически всегда наталкивается на сопротивление языкового материала. И, надо заметить, таких «упорядоченных» случа-

ев в языке (и, соответственно, в словаре) очень мало. В языковой действительности связи и соотношения оказываются иными: сема, представленная в сравнении, может не согласовываться с символом метафоры, и в этом случае сравнение не сближает, а, напротив, разъединяет исходное и метафорическое значения, исключая даже возможность общего семантического элемента. Речь идет о том, что в метафоре может реализоваться (и часто реализуется) иной, чем в сравнении, семантический компонент: сравнения *шипит как змея, речка извивается змеей* не имеют семантического соответствия с метафорой *змея* 'коварная, злая женщина'. Ср. также сравнения *беден, как церковная крыса* (основание сравнения 'беден'), однако метафорическим именем *крыса* мы называем не бедного, а отвратительного, отталкивающего человека; *нем как* рыба и метафора *рыба* 'равнодушный, бесчувственный человек'; *пьян, как сапожник* и метафору *сапожник* 'плохой специалист'; сравнение *дождь льет, как водопад и* метафора *водопад* 'большое количество чего-л., обычно появившееся внезапно'; *голодный, как волк* и метафора ***волк*** 'опытный много испытавший специалист' (*старый морской волк, известный газетный волк*); *напился, как свинья* и многозначную метафору *свинья* а) 'неопрятный человек'; б) 'невежественный человек'; в) 'непорядочный человек'; г) 'неблагодарный человек'; *скачет, как козел* и *козел* как метафорическое оскорбление мужчины.

Приведенные примеры несоответствий, свидетельствующие о разрушении основания сравнения в метафоре, косвенно подтверждают тот факт, что сравнение и метафора имеют разную семантическую структуру и разные механизмы образования и ставят вопрос о правомерности традиционного отнесения сравнения к тропам.

Сравнение, по нашему мнению, не относится к тропам, не представляет собой семантической фигуры, так как в нем нет необходимого для тропа отклонения от семантического кода — его семантические компоненты не соединяются в одном знаке, а представлены оба. В сравнении, как уже было сказано, один объект характеризуется посредством другого (объект сравнения и средство сравнения). Иными словами, сравнение нельзя назвать метасемемой, оно лишь описывает одно понятие посредством другого на основании сходного, очевидного и бесспорного признака (*И кудри их белы, как утренний снег.* Пушкин). В сравнении нет семантической аномалии, которая характерна для метафоры.

Является или не является метафора сокращенным (свернутым) сравнением — это важный вопрос для понимания сущности и механизмов образования метафоры и тем самым для объяснения многих глубинных языковых процессов. От ответа на этот вопрос зависит многое. Если мы отвечаем «да», это значит, что метафора образуется логическим путем и последовательно: от вычленения признака, представленного в сравнении, через его реализацию в метафоре (хитер как лиса — он настоящая лиса). Если мы отвечаем «нет», это значит, что метафора образуется спонтанно, посредством не логической операции сопоставления двух объектов, а некоего импульса, мгновенно соединяющего эти объекты. Тогда факты совпадений (*Иван хитер, как лиса* и Иван настоящая *лиса*) нужно рассматривать не как лингвистическую универсалию, а как случайное совпадение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Компонент «образное» чрезвычайно важен, поскольку в языке есть конструкции, содержащие реальное, не образное сравнение, основанное на сопоставлении двух объектов (например, *она стройная, как модель, он поет, как оперный певец, девочка красивая, как ее мать, у меня сумка, как у подруги* и т. п.), которые не подходят под терминологическое определение сравнения.

[2] Соавторы Ж. Дюбуа: Ф. Мэнге, Ф. Эделин, Ф. Пир, Ж.-М. Клинкенберг, А. Тритон.

[3] В этой связи мы позволим себе не согласиться с утверждением Л. В. Балашовой, что «термин ошибка, безусловно, должен быть взят в кавычки, поскольку она относится только к формальному контекстному окружению метафоризуемой единицы» [4: 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.

2. *Аристотель.* Риторика. Поэтика. М., 2000.

3. *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс. Вступит. ст. // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.

4. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М., 2014.

5. *Бикман Дж., Келлоу Дж.* Не искажая слова Божия. Принципы перевода и семантического анализа Библии. СПб., 1994.

6. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172.

7. *Вежбицкая А.* Сравнение — градация — метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 133–152.

8. *Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля (1898) // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 125–199.

9. *Гак В. Г.* К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. М., 1972. С. 144–157.

10. *Глазунова О. И.* Логика метафорических преобразований. СПб., 2000.

11. *Дюбуа Ж.* и др. Общая риторика. М., 1986.

12. *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.

13. *Ковтун Л. С.* Описание метафоризации значений в толковом словаре литературного языка // Современность и словари. Л., 1978. С. 46–60.

14. *МакКормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 358–386.

15. *Мандельштам О.* Черновые наброски к «Разговору о Данте» // Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987.

16. *Миллер Дж.* Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 236–283.

17. *Москвин В. П.* Русская метафора: Очерк семиотической теории. М., 2007.

18. *Ортони Э.* Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры. М., 1990. С. 213–235.

19. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

20. *Сёрль Дж.* Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 307–341.

21. *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993.

22. *Скляревская Г. Н.* Метафора — «свернутое сравнение»? // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докладов междунар. конф. Пятые Шмелевские чтения. 23–25 февр. 2002. М., 2002. С. 90–92.

23. *Телия В. Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 26–52.

REFERENCES

1. *Antichnye teorii iazyka i stilia [Ancient theories of language and style]* (1936). Moscow; Leningrad. (in Russian)

2. Aristotel' (2000). *Ritorika. Poetika [Rhetoric. Poetics]*. Moscow. (in Russian)

3. Arutiunova N. D. (1990) Metafora i diskurs. Vstupitel'naia stat'ia [Metaphor and discourse. Introduction]. In: *Teoriia metafory [Theory of metaphor]*. Moscow, pp. 5–32. (in Russian)

4. Balashova L. V. (2014) *Russkaia metaforicheskaia sistema v razvitii: XI–XXI vv. [Russian metaphorical system in development: XI–XXI centuries]*. Moscow. (in Russian)

5. Bikman Dzh., Kellou Dzh. (1994) *Ne iskazhaia slova Bozhiia. Printsipy perevoda i semanticheskogo analiza Biblii [Not distorting the word of God. Principles of translation and semantic analysis of the Bible]*. St. Petersburg. (in Russian)

6. Blek M. (1990) Metafora [Metaphor]. In: *Teoriia metafory [Theory of metaphor]*. Moscow, pp. 153–172. (in Russian)

7. Vezhbitskaia A. (1990) Sravnenie — gradatsiia — metafora [Comparison — gradation — metaphor]. In: *Teoriia metafory [Theory of metaphor]*. Moscow, pp. 133–152. (in Russian)

8. Veselovskii A. N. (1940) Psikhologicheskii parallelizm i ego formy v otrazhenii poeticheskogo stilia (1898) [Psychological parallelism and its forms in the reflection of poetic style (1898)]. In: Veselovskii A. N. *Istoricheskaia poetika [Historical poetics]*. Leningrad, pp. 125–199. (in Russian)

9. Gak V. G. (1972) K probleme obshchikh semanticheskikh zakonov [To the problem of a common semantic laws]. In: *Obshchee i romanskoe iazykoznanie [General and Roman linguistics]*. Moscow, pp. 144–157. (in Russian)

10. Glazunova O. I. (2000) *Logika metaforicheskikh preobrazovanii [The logic of metaphorical transformations]*. St. Petersburg. (in Russian)

11. Diubua Zh. et al. (1986). *Obshchaia ritorika [General rhetoric]*. Moscow. (in Russian)

12. Katsnel'son S. D. (1965) *Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie [Content of the word, meaning and symbol]*. Moscow; Leningrad. (in Russian)

13. Kovtun L. S. (1978) Opisanie metaforizatsii znachenii v tolkovom slovare literaturnogo iazyka [Description of values metaphorization in the explanatory dictionary of the literary language]. *Sovremennost' i slovari [Modernity and dictionaries]*. Leningrad, pp. 46–60. (in Russian)

14. MakKormak E. (1990) Kognitivnaia teoriia metafory [Cognitive theory of metaphor]. In: *Teoriia metafory [Theory of metaphor]*. Moscow, pp. 358–386. (in Russian)

15. Mandel'shtam O. (1987) Chernovye nabroski k «Razgovoru o Dante» [Rough sketches for „Conversation on Dante"]. In: Mandel'shtam O. *Slovo i kul'tura [Word and culture]*. Moscow. (in Russian)

16. Miller Dzh. (1990) Obrazy i modeli, upodobleniia i metafory [Images and patterns, assimilation and metaphor]. In: *Teoriia metafory [Theory of metaphor]*. Moscow, pp. 236–283. (in Russian)

17. Moskvin V. P. (2007) *Russkaia metafora: Ocherk semioticheskoi teorii [Russian metaphor: an Essay on semiotic theory]*. Moscow. (in Russian)

18. Ortoni E. (1990) Rol' skhodstva iv upodoblenii i metafore [The Role of similarity in the analogy and metaphor]. In: *Teoriia metafory [Theory of metaphor]*. Moscow, pp. 213–235. (in Russian)

19. Paducheva E. V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic models in the semantics of vocabulary]*. Moscow. (in Russian)

20. Serl' Dzh. (1990) Metafora [Metaphor]. In: *Teoriia metafory [Theory of metaphor]*. Moscow, pp. 307–341. (in Russian)

21. Skliarevskaia G. N. (1993) *Metafora v sisteme iazyka [Metaphor in the language system]*. St. Petersburg. (in Russian)

22. Skliarevskaia G. N. (2002) Metafora — «svernutoe sravnenie»? [Metaphor — „stack comparison"?] In: *Problemy semanticheskogo analiza leksiki [Problems of the semantic analysis of vocabulary]*. Proceedings of the International conference 5th Shmelyov Readings (23–25.02.2002). Moscow, pp. 90–92. (in Russian)

23. Teliia V. N. (1988) Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaia funktsiia [Metaphor as a model of masloproduct and its expressive-evaluative function]. In: *Metafora v iazyke i tekste [Metaphor in language and text]*. Moscow, pp. 26–52. (in Russian)

[предлагаем вашему вниманию]

Павлова А. В., Светозарова Н. Д. **Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 664 с.**

В книге речь идет о наиболее сильном (главном) ударении во фразе. Его иногда называют логическим, или смысловым. Книга состоит из глав и разделов, освещающих фонетику, грамматику, семантику и прагматику фразового ударения. Текст сопровождается многочисленными примерами. В конце книги приводится небольшой словарь, который призван иллюстрировать связь лексической семантики с акцентным поведением слова при его употреблении в тексте. Основная задача словаря состоит в том, чтобы продемонстрировать существование связи между интонацией и лексической семантикой.

Для студентов, аспирантов и преподавателей гуманитарных факультетов вузов.

Чжоу Хайянь

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ «ИНФИНИТИВ + СЛОВО НА *-О*» В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ПЕРЕХОДНОСТИ В. В. БАБАЙЦЕВОЙ

ZHOU HAIYAN

ON THE STRUCTURE OF THE CONSTRUCTION OF RUSSIAN INFINITIVE + WORD ENDING IN '-O' IN THE ASPECT OF BABAYTSEVA TRANSITION THEORY

В статье рассматривается конструкция «инфинитив + слово на *-о*», анализ которой связан с определением места слов на *-о* в системе частей речи, а также с рассмотрением включающих её предложений как двусоставных и/или односоставных, личных и безличных, что определяется явлением переходности в русской языковой системе.

Ключевые слова: инфинитив; категория состояния; функциональные омонимы; переходные явления.

The article discusses the construction "infinitive + the word ending in '-o'", trying to determine the place of such words in the parts of speech system. The sentences with this construction are regarded as two-part and/or one-piece, personal and impersonal, which is determined by the phenomenon of transition in Russian language system.

Keywords: infinitive; category of state; functional homonyms; transient phenomena.

В учебнике русского языка для китайских первокурсников часто встречаются предложения типа «инфинитив+слово на *-о*», например: *Хотя я уже немного говорю по-русски, но читать стихи на русском языке трудно* [12: 137]. Понимание значения этого типа предложений не представляет трудностей для китайских студентов, но его структура часто становится поводом для дискуссий. Это касается не только принадлежности слов на *-о* к частям речи, принципа разделения односоставных и двусоставных предложений, личных и безличных предложений, но и порядка слов, который оказывает существенное влияние на структурно-семантическую организацию предложения. По этим вопросам единого мнения среди русских грамматистов нет.

Как известно, определение принадлежности слова к частям речи опирается на морфологическую форму, обобщённое значение и синтаксическую функцию. Принадлежность слова на *-о* к частям речи нельзя определить только с морфологической точки зрения, так как среди слов на *-о* бывает и имя существительное (типа тепло, добро, зло), краткая форма прилагательного, наречие (используемое в качестве обстоятельства) и слова категории состояния.

Большинство исследователей [7: 95, 315; 9: 204; 10: 231] рассматривают предложение типа «инфинитив + слово на –о» как двусоставное личное предложение, но расходятся в определении принадлежности слова на *-о* к частям речи. Н. М. Шанский и А. Н. Тихонов [10: 231] относят его к словам категории состояния и указывают, что одной из функ-

Чжоу Хайянь

Доктор филологических наук, доцент, преподаватель Института иностранных языков

Пекинский университет

ул. Ихэюань, д. 5, район Хайдянь, Пекин, 100871, Китайская Народная Республика

► Hyzh906@126.com

Zhou Haiyan

Peking University

No. 5 Yiheyuan Road Haidian District, Beijing, 100871, P. R. China

ций слов категории состояния является функция сказуемого в двусоставном предложении с подлежащим-инфинитивом, например: *Мужей обманывать грешно*. С точки зрения синтаксической функции слово на *-о* часто рассматривается в качестве главного члена в безличном предложении, оно является абсолютно самостоятельным, не зависит ни от какого слова и обозначает состояние, а не признак предмета или действия. Таким образом, если предложение со словом категории состояния является безличным, тогда не может быть и речи о разделении подлежащего и сказуемого. По нашему мнению, утверждение двусоставности предложения и отнесение слова на *-о* к словам категории состояния противоречат друг другу.

Л. Д. Чеснокова [9: 204] относит к наречиям слово на *-о*, которое выполняет функцию сказуемого в двусоставном предложении. По её мнению, эти наречия обозначают признак действия и составляют предикативное примыкание по отношению к подлежащему-инфинитиву. В «Русской грамматике» [7: 95, 315] предложение данного типа описывается как структурная схема Inf — $Adv_{-o,}$ например: *Кататься весело, Ждать мучительно*, семантика данной схемы — это отношение между отвлечённо представленным действием или процессуальным состоянием и его предикативным признаком — качественной квалификацией. Но способно ли наречие употребляться в качестве сказуемого? Всем известно, наречия обычно сочетаются с глаголами, прилагательными и наречиями, обозначая признак действия, состояния или признака в качестве обстоятельства времени, места, образа действия и так далее. А. М. Пешковский [6: 102] чётко отметил: «...наречия, вопреки своей основной природе, могут сочетаться и с существительным, например: *чтение вслух*, *разговор по-французски* и так далее. Это тесно связано с глагольностью всех таких существительных. Небезынтересно отметить здесь, что и на такое ограниченное употребление при существительном способны не все количественные наречия и качественные на *-о*». Следует сделать вывод, что функция сказуемого не является основной функцией наречия.

По нашему мнению, слово на *-о* в предложении типа «инфинитив + слово на *-о*» нельзя считать относящимся к какой-то определённой части речи: к кратким прилагательным, словам категории состояния или наречиям. Краткое прилагательное среднего рода, наречие и слова категории состояния часто образуют так называемые функциональные омонимы*. С этимологической точки зрения наречие на *-о* и слово категории состояния происходят от краткого прилагательного, иными словами, это результат лексикализации краткого прилагательного, то есть краткая форма прилагательного превращается в самостоятельную часть речи. По мнению В. В. Виноградова [5: 402], «категория состояния развивается в современном русском языке преимущественно за счёт наречий и имён прилагательных. Краткие формы имён прилагательных, утратив склонение и укрепившись в позиции сказуемого, приобретают оттенок времени». В. В. Бабайцева [1: 258], придерживаясь интегративного подхода, считает, что слово на *-о* в предложении типа «кататься весело» сочетает в себе свойства и прилагательного и имён состояния. Мы присоединяемся к этой точке зрения.

Другим спорным вопросом является определение конструкции «слово на *-о* + инфинитив» типа «читать трудно / трудно читать». В сегодняшней русской лингвистике существует две точки зрения: Н. С. Валгина [4: 98, 176] относит предложения «читать трудно» к двусоставным личным, а предложение типа «трудно читать» к безличным односоставным предложениям, её поддерживают многие лингвисты; другие, в том числе А. А. Шахматов [11: 134], — относят оба типа предложений к двусоставным. По мнению Шахматова, различие между такими предложениями «не грамматическое, а психологическое». В первом нашем предложении на первое место выдвинуто представление о процессе (читать), во втором представление о его характере (трудно), таким образом «в предложениях установлены в центре внимания различные представления».

Строго говоря, по структурно-семантическому принципу эти два вида предложений не относятся к типичным двусоставным или од-

носоставным предложениям, а составляют переходные синкретичные структуры между этими двумя видами предложений. На самом деле, определение структуры «слово на *-о* + инфинитив» зависит от целого ряда факторов. В. В. Бабайцева утверждала, что «соотносительность в синхронном срезе некоторых групп (слов на *-о*) наречий, безлично-предикативных и модальных слов объясняется их этимологической общностью. Все они сформировались на основе категории прилагательного, образовав в современном русском языке группу функциональных омонимов. В определенных синтаксических условиях (в контаминационных или трансформационных звеньях) в словах на *-о* сочетаются свойства разных частей речи, образуя гибридные типы слов, в которых усиление признаков одной части речи ослабляет свойства другой» [3: 157]. Мы проанализируем эти предложения с помощью шкалы синхронной переходности В. В. Бабайцевой [2: 15, 22, 27], в которой собственно маркированными являются случаи А (в нашем случае — краткое прилагательное или наречие) и Б (слово на *-о* в качестве категории состояния). Варианты Аб, АБ, аБ — представляют собой гибридные образования [3: 152]. Итак, мы заполняем образцами звенья шкалы переходности, на которой **А** — слово на *-о* в качестве краткого прилагательного или наречия, а звено **Б** — слово на *-о* в качестве категории состояния:

А. *Тут решение трудно.*
Аб. *Доказать их причастность к убийствам очень трудно.*
АБ. *Бороться надо за каждую должность. / Надо бороться за свою мечту.*
аБ. *Трудно собрать необходимую информацию для анализа.*
Б. *Мне будет трудно.*

В звене А представлено типичное двусоставное предложение, это может быть предложение типа «существительное (местоимение) в качестве подлежащего + краткое прилагательное на *-о* в качестве сказуемого»:

Но есть ли основание отказаться от нового только потому, что оно ***трудно****.* (Н. К. Крупская).

Существуют и предложения с обстоятельством, обозначаемым наречием на *-о*, например:

Во-первых, программы таких разработок ***трудно*** *отличимы или вовсе не отличимы от легитимных научных исследований.* (А. Спирин).

На этих звеньях слова на *-о* обладают чёткой принадлежностью к части речи (прилагательное, наречие), они либо выполняют функцию сказуемого, либо употребляются в качестве обстоятельств.

В звеньях Аб и аБ расположены предложения, имеющие в плане выражения похожие составы «инфинитив + слово на *-о*» и сильно отличающиеся в плане содержания друг от друга, и это различие заключается не только в порядке слов, оно связано с принадлежностью слов к частям речи и с критерием определения типов предложений. Обычно считается, что порядок слов в русском языке свободный, но русский язык принадлежит к типу SVO, то есть типичная модель порядка слов для русского языка — это подлежащее (subject) + сказуемое (verb) + дополнение (object). Тогда в звене Аб начальный инфинитив выполняет функцию подлежащего, слово на *-о* употребляется в качестве сказуемого и даёт оценку и объяснение подлежащему. Если в предложении появляются другие члены (второстепенные члены или вводные слова) или после инфинитива имеется дополнение, тогда всё это помогает подчеркнуть двусоставность предложения, например:

Посмотреть правде в глаза, безусловно, очень трудно (М. Давыдова);
Сделать это, признаёмся сами себе, было не очень трудно (А. Митьков).

В этих предложениях слово на *-о* ближе к краткому прилагательному. Что касается звена аБ, слово на *-о* чаще предшествует инфинитиву, в таком случае подчёркивается односоставность предложения, слово на *-о* ближе к категории состояния, семантика предложения — это целостное описание состояния, например:

Начинающей фирме трудно найти деньги для того, чтобы нанять дорогих сотрудников (Л. Малков);
Поэтому скоро мне стало трудно выходить на улицу (А. Геласимов).

Слово на *-о* «в этом предложении обладает наивысшей степенью смысловой и интонационной

слитности, поэтому составляет синтаксическую структуру односоставного предложения» [8: 18].

Слова на *-о* в звене АБ обладают двумя признаками: 1) они имеют такие модальные значения, как необходимость, возможность и долженствование; 2) они едва ли составляют омонимические отношения с краткими прилагательными и наречиями. Их самая главная функция — это употребление в качестве главного члена в безличном предложении, к ним примыкает инфинитив. Слово на *-о* и инфинитив этого звена тесно связаны друг с другом не только в структурном, но и в семантическом аспекте, так что изменение порядка слов не изменяет типа предложения, например:

Можно попробовать войти в контакт с ребёнком... (Ю. Ковалева);

Один раз для разнообразия попробовать можно, но нельзя же этим заниматься всю жизнь! (В. Краснов).

К звену Б отнесено собственно безличное предложение с семантикой состояния у слова на *-о* в главном члене, например:

— В воздухе было немножко сыро, на вокзале — сотни людей (В. Шукшин);

Но вот именно на День Валентина мне иногда становится грустно (С. Ткачева);

Послушай, друг, тошно мне, больно! (А. Савинов).

Проведение анализа на основе шкалы переходности А — Аб — АБ — аБ — Б сделало очевидным, что сама принадлежность слов на *-о* к частям речи неоднозначна, как и их синтаксическая функция: появление инфинитива усиливает сложность предложения в структурно-семантическом плане, подтверждая мысль В. В. Бабайцевой о том, что «сложность структуры и семантики конструкций обусловлена синкретизмом компонентов, её составляющих: инфинитив сочетает свойства существительных и глаголов, слово на *-о* — свойства прилагательных и имён состояния» [1: 258]. Вертикально наблюдая за шкалой А — Аб — АБ — аБ — Б, мы можем заметить, что чем ближе слово на *-о* к прилагательному, тем ближе инфинитив к функции подлежащего, тем ярче выражается личное значение предложения (Аб), и наоборот, чем дальше слово на *-о* от краткого прилагательного, тем дальше инфинитив от функции подлежащего, тем теснее его примыкание к слову на –о, тем «безличнее» предложение (аБ). За этими синхронными переходными явлениями скрыт и процесс диахронного перехода слов на *-о* «А → Аб → АБ → аБ → Б»: слова категории состояния в звене Б как раз и образованы от краткого прилагательного и наречия в звене А.

Китайский и русский языки, относясь к разным группам, сильно различаются. Китайские русисты стараются найти чёткое объяснение языковым явлениям, нехарактерным для китайского языка, включая типы предложений и содержание частей речи. Но языковые правила обычно ориентированы на типовые явления, они слабо применимы для анализа переходных и синкретичных явлений, которые как раз и представляют большую трудность для иностранцев в изучении русского языка. Предложения со словами на *-о*, как мы старались показать, охватывают разнообразные структуры, представляющие переходные явления, связанные с богатством языка, способным выразить многообразие смыслов.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Функциональные омонимы — это этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к разным частям речи. См.: [2: 194].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабайцева В. В.* Система односоставных предложений в современном русском языке. М., 2004.

2. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.

3. *Бабайцева В. В.* Избранное. 1955–2005: Сб. науч. и науч.-метод. ст. / Под ред. проф. К. Э. Штайн. М.; Ставрополь, 2005.

4. *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка. М., 1991.

5. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947.

6. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

7. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

8. *Тухватулина С. И.* Предложения типа Кататься весело и Весело кататься с точки зрения смысловой и интонационной целостности // Русский язык в школе. 2014. № 1. С. 16–21.

9. *Чеснокова Л. Д., Печникова В. С.* Современный русский язык. Морфология. М., 1997.

10. *Шанский Н. М., Тихонов А. Н.* Современный русский язык. Т. 2. М., 1981.

11. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М., 1941.

12. *Ши Тецян, Чжан Цзиньлань*. Русский язык (1). Пекин, 2015.

REFERENCES

1. Babaitseva V. V. (2004) *Sistema odnosostavnykh predlozhenii v sovremennom russkom iazyke [System of the one-composite sentences in the modern Russian language]*. Moscow (in Russian)
2. Babaitseva V. V. (2000) *Iavleniia perekhodnosti v grammatike russkogo iazyka [The phenomenon of transition in the grammar of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)
3. Babaitseva V. V. (2005) *Izbrannoe. 1955–2005: Sbornik nauchnykh i nauchno metodicheskikh statei [Selected works. 1955-2005: Collection of scientific and scientific-methodical articles]* (ed. prof. K. E. Shtain). Moscow; Stavropol. (in Russian)
4. Valgina N. S. (1991) *Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka [Syntax of modern Russian language]*. Moscow. (in Russian)
5. Vinogradov V. V. (1947) *Russkii iazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (grammatical theory of the word)]*. Moscow. (in Russian)
6. Peshkovskii A. M. (1956) *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in a scientific light]*. Moscow. (in Russian)
7. *Russkaia grammatika [Russian Grammar]* (1980), vol. 1. Moscow. (in Russian)
8. Tukhvatulina S. I. (2014) Predlozheniia tipa Katat'sia veselo i Veselo katat'sia s tochki zreniia smyslovoi i intonatsionnoi tselostnosti [Sentences such 'Katat'sia veselo' and 'Veselo katat'sia' in terms of the semantic and intonational integrity]. *Russkii iazyk v shkole [Russian language at school]*, no. 1, pp. 16–21. (in Russian)
9. Chesnokova L. D., Pechnikova V. S. (1997) *Sovremennyi russkii iazyk. Morfologiia [Modern Russian language. Morphology]*. Moscow. (in Russian)
10. Shanskii N. M., Tikhonov A. N. (1981) *Sovremennyi russkii iazyk [Modern Russian language]*, vol. 2. Moscow. (in Russian)
11. Shakhmatov A. A. (1941) *Sintaksis russkogo iazyka [Syntax of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)
12. Shi Tieqiang, Zhang Jinlan (2015). *Russkii iazyk [Russian language]*, part 1. Beijing. (in Russian)

НОВОЕ В ПАРЕМИОЛОГИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
СЕЛИВЕРСТОВА Е. И. ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ ПОСЛОВИЦЫ. ПОСТОЯНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ (МОНОГРАФИЯ). — М.: ФЛИНТА : НАУКА, 2017. — 296 с.

E. K. NIKOLAEVA
CURRENT TRENDS IN PAREMIOLOGY

(Продолжение на с. 38, 49, 55)

Профессор СПбГУ, доктор филологических наук Е. И. Селиверстова уже долгое время изучает функционирование русских пословиц в языке и речи, пытаясь понять закономерности и границы изменчивости этих устойчивых единиц, выработать свою методику их описания и анализа. Монография «Пространство русской пословицы. Постоянство и изменчивость» — плод ее многолетней работы — во многом подводит итог наблюдениям автора о рождении и функционировании паремий, расширяя наше представление о процессах паремиотворчества, о жизни пословицы в языке и речи.

В рецензируемой монографии Е. И. Селиверстова предлагает рассматривать пословицы не как отдельные выражения или разряд устойчивых единиц языка, обладающих определенными особенностями, а как элементы паремиологического пространства — системы, охватывающей не только всю пословичную парадигматику, но и единицы иного порядка: в терминологии автора, это мотивы, коды, идеи, формульные фрагменты, — в частности, биномы, — набор пословичной лексики. Таким образом, паремиопространство представляет собой сложно организованную («многомерную», с. 6) систему, в рамках которой стабильность и вариативность единиц подчиняются некоторым законам и определяются рядом параметров, которые и описывает автор в своей монографии.

Проблема соотношения устойчивости и вариантности признана фразеологами одним из важнейших противоречий фразеологии, обеспечивающим ее функционирование и развитие, поэтому вариантности идиом (фразеологии в «узком» понимании) уделялось и уделяется много внимания в современных фразеологических исследованиях (см. обзор работ в рецензируемой монографии, с. 7–24), однако, как справедливо отмечает автор, «специфика и закономерности варьирования паремий остаются по-прежнему недостаточно определенными» (с. 24). После выхода в свет исследования Е. И. Селиверстовой эта лакуна в области изучения пословиц оказалась во многом заполненной. Благодаря анализу богатейшего материала — 15 000 пословиц и поговорок, организованных в ассоциативно-вербальные блоки вокруг наиболее активных в паремиологическом пространстве компонентов, автору удалось обобщить весь накопленный фразео-паремиологический опыт в области варьирования устойчивых единиц и предложить читателю свою четко построенную систему происходящих в пословицах вариантных замен.

Одна из глав монографии посвящена лексическому варьированию пословиц (с. 58–126). Скрупулезно проанализировав все типы лексических замен, которые могут быть выделены на основе традиционно изучаемых парадигматических связей (синонимия и обеспе-

Посвящается моему Учителю, ведущему профессору-орфографисту Санкт-Петербургского университета Вере Федоровне Ивановой

100 СЛОВ О 100-ЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ И РЕФОРМЫ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ

100 WORDS ABOUT 100TH ANNIVERSARY OF RUSSIAN REVOLUTIONS AND THE REFORM OF THE RUSSIAN SPELLING

Сто лет назад в России произошли события, вошедшие в историю как Февральская и Октябрьская революции, изменившие не только политический строй страны, но и способствовавшие изменению русского правописания. 11 (24) мая 1917 года на заседании специальной Орфографической комиссии при Академии наук было принято «Постановление» об упрощении орфографии, а 17 мая циркуляр Министерства просвещения предложил ввести реформу в школах с нового учебного года. 23 декабря 1917 Народный комиссариат просвещения издал декрет об обязательном новом правописании в школах, однако только Совет Народных Комиссаров 10 октября 1918 декретом утвердил реформу для печати. Эти четыре постановления революционных лет определили изменение правописания, называемое реформой русской орфографии.

Комментарий 1. Теоретические и практические положения реформы русской орфографии особенно активно обсуждались лингвистами, учителями, писателями, переводчиками и законодателями в русской научной прессе и журналах для учителей с конца XIX века (например, «Для народного учителя», «Филологические заметки») и стали особенно актуальны после публикации книги Я. К. Грота «Русское правописание» (1885). С целью разработки проекта реформы орфографии в 1904 году при Императорской Академии наук, высшей научной инстанции в образовании России, была создана Орфографическая комиссия, в которую входили известные ученые, а также орфографическая подкомиссия, в которой работали академики А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, И. А. Бодуэн де Куртене, Р. Ф. Брандт, П. Н. Сакулин. Первое заседание комиссии возглавлял президент Академии великий князь К. К. Романов. Предложенный в 1904 году проект реформы правописания не был утвержден, и его усовершенствование продолжалось до 1912 года, когда на заседании Орфографической комиссии в Академии наук рассматривался новый план орфографической реформы, однако его утверждение было отложено. Во время Первой мировой войны вопросы правописания обсуждались на Первом Всероссийском съезде по народному образованию (1914), а также на Первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка (1916–1917). Два орфографических проекта 1904 и 1912 гг. стали основой для обсуждения и голосования на Совещании орфографической комиссии 11 (24) мая 1917 под председательством акад. А. А. Шахматова, когда были приняты 11 пунктов изменений правописания, вошедших в историю как реформа русской орфографии 1917–1918 гг. Исторические события революционных лет 1917–1918 гг., уникальный шанс истории обусловили принятие законодательства об упрощении русского правописания.

Комментарий 2. В соответствии с пунктами реформы из алфавита были исключены буквы «фита», «ять», «и-десятиричное» и написание твердого знака «Ъ» в конце слов. С целью упрощения **правописания были изменены правила написания** окончания прилагательных, причастий и местоимений, а также слов с приставками на «з» и правила переноса слов. В результате реформы русского письма обучение орфографии в школе стало более единообразным, логичным и простым, русская печать и книгоиздание были унифицированы. Эти изменения упростили процесс изучения орфографии и ускорили ликвидацию неграмотности в России.

Комментарий 3. После Октябрьской революции реформа правописания была важной законодательной акцией. Три декрета Советского правительства (Декрет Наркомпроса о введении нового правописания от 23 де-

кабря 1917 года, Декрет Совнаркома о введении новой орфографии от 10 октября 1918 года, Постановление Председателя ВСНХ «Об изъятии из обращения общих букв русского языка» от 14 ноября 1918 года) предписывали переход к новой орфографии. В связи с оппозицией большевистской власти неблагоприятная атмосфера возникла в издательствах и типографиях Петрограда. Нарком по печати В. Володарский издал специальный декрет по издательствам печати, в котором было указано, что «появление каких бы то не было текстов по старой орфографии будет считаться уступкой контреволюции». Для определенных групп русского зарубежья орфографическая реформа стала символом большевизма: парижские русскоязычные издания (например, «Последние новости» (ред. П. Милюков), «Возрождение» (ред. П. Струве) во Франции и русскоязычная газета «Россия» в Нью-Йорке) продолжали использовать дореформенную орфографию и «старые» буквы до конца тридцатых (во Франции) и семидесятых (в США) годов XX века.

Комментарий 4. В конце XX века в связи с перестройкой, дезинтеграцией Советского Союза и переосмыслением революционных событий и деятельности большевиков на лингвистических дискуссиях и конференциях поднимался вопрос о «большевицкой» реформе орфографии и возвращении «старых» букв в русское письмо, символизирующих духовные традиции Руси (например, конференция «Судьба русской орфографии» (СПб., 1996)). Однако профессор Е. Ф. Карский в статье «О реформе русской орфографии» («Русский филологический вестник», 1904) указал на наличие «омертвений» в русской орфографии, характеризуя в первую очередь букву ъ как «тунеядец, эта пиявка, высасывающая лучшую кровь русского народа, этот нарост — род грамматического рака — на хвосте русских слов», пожирающий более 8 процентов времени и бумаги, ежегодно стоящий России более 4 млн рублей и не приносящий ей «ни выгоды, ни чести» [1: 183]. Таким образом, **исторические документы** (не фейковые репортажи), хранящиеся в архивах, отражают хронологию подготовки проектов реформы русской орфографии, начавшихся в XIX веке, продолжавшихся в XX веке до февральских революционных дней 1917 года и знаменательного орфографического постановления 11 (24) мая 1917 года, которое было законодательно закреплено Советскими декретами 1917–1918 гг.

Комментарий 5. Значение орфографии и «власть» орфографии. В языкознании орфография — теоретический курс, который представляет собой фундаментальную область письменного языка и играет важную роль в формировании навыков письменной речи и навыков чтения на основе предписывающих правил и традиций (например, знание правил правописания обеспечивает учащимся высокую оценку на экзамене). Орфография — самый консервативный социальный институт: это мера образованности людей, их языковой культуры и знания литературы. С орфографией связан фактор самоуважения и социального уважения, например, в языковой среде, где распространены диалектные варианты правописания, незнание орфографических норм может стать источником «языковой уязвимости», по выражению В. Лабова. Орфография влияет на восприятие письменной речи тех, кто ее представляет, например, орфографические ошибки могут сделать человека мишенью для насмешек и унижения. Орфографические изменения и реформы могут иметь позитивное и негативное значение: людям может быть причинен вред, вызванный орфографическими правилами: так, архаичное правописание или намеренно ошибочное написание некоторых слов (например, **мір, Россія**, с «и-десятиричным») может стать поводом для социального конфликта и формирования «образа врага». Цель орфографии — продвижение кодифицированного языка и правил письменной коммуникации, представленных в словарях, печатных текстах и электронных письменных средствах массовой информации.

Дэвид Кристал, автор энциклопедии «Язык», отмечает, что «в течение нескольких столетий письменный язык занимал приоритетное место в обществе. Письменный язык, представленный в литературных произведениях, был стандартом лингвистического превосходства. Считалось, что стабильность и авторитетность языка представлены в его письменной форме» [2: 180].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Григорьева Т. М.* Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004.

2. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. 1997.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Иванова В. Ф., Тимофеева Г. Г. Октябрь и реформа русского правописания // Русская речь. 1988. № 5. С. 52–56.

Иванова В. Ф. Современная русская орфография. М., 1991.

Иванова В. Ф., Тимофеева Г. Г. Реформы азбуки и правописания // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. С. 412–413.

Линна Либерчук, д-р филол. наук,
Институт мировой политики (Washington, DC)

И. Н. Апухтин

МЕДИАТЕКСТ ЗА ГРАНЬЮ

IGOR N. APUKHTIN
MEDIA TEXT BEYOND THE BORDERS

Статья посвящена вопросам изменения классического журналистского текста с появлением такого журналистского / псевдожурналистского формата, как «блог», что привнесло в лексику материалов множество просторечий и жаргонизмов, утвердившихся как «нормальное явление», а также влияние на современный русский язык процессов стремительного развития научно-технической сферы, в которой для обозначения понятий и явлений в русском языке нет необходимых лексических единиц.

Ключевые слова: медиатекст; журналистский текст; блог; просторечие.

The article is dedicated to the changes of traditional journalistic language with the emergence of such phenomena of journalism / pseudojournalism as "blogs", with their "normative" use of colloquialisms and jargon. The author also discusses the processes of rapid development in the scientific and technical spheres, and their influence on modern Russian language with its lack of necessary lexical units for designating new concepts and phenomena.

Keywords: media texts; traditional journalistic language; blogs; colloquialisms.

Игорь Николаевич Апухтин
Главный редактор
Невское информационное агентство
▸ 9054528@gmail.com

Igor N. Apukhtin
Nevskoe information agency
Tilkhortetsky pr., bld. 27/2, of. 263,
St. Petersburg, 195427, Russia

Развитие такой интернет-медиасреды, как блоги, то есть электронные дневники, доступные любому интернет-пользователю, и использование обратной связи в виде комментариев пользователей, кардинально изменили отношение к средствам массовой информации как к эталонам речи и журналистских жанров. Блогерство как социальное и как лингвистическое явление стало одной из важнейших составляющих информационной среды, по крайней мере для тех, кто предпочитает традиционным медиа (газеты, радио, телевидение) самый оперативный канал доставки информации.

Блогерство можно определить как социальный и лингвистический феномен, возникший в процессе развития конвергентных медиа (осуществляющих взаимопроникновение и даже слияние различных типов изданий). По сути, блогер — это тот, кто ведёт дневник, используя простые дневниковые записи в любой языковой форме. Это, разумеется, самая элементарная трактовка формы современных электронных дневников. Суть гораздо сложнее.

Средства массовой информации — и это известный постулат — так или иначе отражают точку зрения тех кругов, которые их финансируют. Журналистика была медиабизнесом с начала своего существования. Кроме того, в определённый момент медиа превратились в инструмент, формирующий мысленастроения читателей (затем слушателей, а затем и зрителей). К примеру, Уильям Хёрст в начале XX века в ответ на телеграмму своего корреспондента, находившегося на Кубе в попыт-

ках найти там хоть что-то похожее на военный конфликт и обнаруживший, что ничего подобного не происходит, ответил: «Давайте мне информацию, а войну я из неё сделаю».

XIX век с его технологическим прорывом позволил в виде машин, дающих возможность печатать тиражи газет в десятках тысяч экземпляров, фотографии, поначалу монохромной, а затем и цветной, изобретениями А. Бэлла (телефон), Э. Берлинера (который развил идеи Эдисона в области записи звука до граммофона), А. Попова (радио) привёл возможности влияния информации на эмоции и разум потребителя к состоянию индустрии. Братья Люмьер и их последователи заставили трепетать перед движениями теней на белом полотнище миллионы человек, навязывая им образ мысли, образ поведения — пресловутый modus vivendi. Б. Розинг и В. Зворыкин сделали доступными передачу этих «теней» на расстояние. Странная история: первые опыты с электричеством были проведены в IV веке до нашей эры. Двадцать два столетия спустя эти опыты привели к созданию первых машин, передающих информацию на расстояние. Ещё полвека спустя информация в письменном — телеграфном — виде стала доступной повсеместно, а ещё через полтораста лет изображение и речь могли быть отправлены через системы спутниковой связи и приняты в любой точке нашей планеты.

Попытки объединить информационные электрические сети в единую структуру были впервые сделаны в 1962 году, когда Джозеф Ликлайдер (Joseph Carl Robnett Licklider) опубликовал работу «Galactic Network». И уже 29 октября 1969 года в 21:00 между двумя первыми узлами сети ARPANET, находящимися на расстоянии в 640 км — в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса (UCLA) и в Стэнфордском исследовательском институте (SRI), — был проведён сеанс связи.

В первый раз удалось отправить всего два символа «LO» (изначально предполагалось передать «LOG») после чего сеть перестала функционировать. LOG должно было быть словом LOGIN (команда входа в систему). В рабочее состояние систему вернули уже к 22:30, и следующая попытка оказалась успешной. Так — из локального задания американского оборонного ведомства родился Интернет [1]. Пройдёт менее двадцати лет, и компьютеры станут обыденностью. Почтовые программы позволят отправлять любую, в том числе графическую и видеоинформацию. Двадцать два века труда — и менее двухсот лет до информационного взрыва, порождения силы электричества.

Академик А. Д. Сахаров, узнав об этом открытии, написал в своей работе «Мир через полвека»: «В перспективе, быть может, поздней, чем через 50 лет, я предполагаю создание всемирной информационной системы (ВИС), которая сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной... Даже частичное осуществление ВИС окажет глубокое воздействие на жизнь каждого человека, на его досуг, на его интеллектуальное и художественное развитие. В отличие от телевизора, который является главным источником информации многих современников, ВИС будет предоставлять каждому максимальную свободу в выборе информации и требовать индивидуальной активности» [2].

Однако в руки каждому, кто по материальным возможностям способен купить компьютер (а теперь и его микроподобие — смартфон или электронный планшет) и подключиться к Сети, попало мощное оружие воздействия на себе подобных.

К чему был сделан такой длительный экскурс в историю развития электронных средств коммуникации и каким образом он соотносится с миром слова?

Речь идёт о скорости создания информации, передачи информации, восприятия (обработки) информации и ответной реакции на полученную и обработанную информацию.

Мир стал информационно-скоростным. Редакторы электронных версий выпусков новостей агентств и печатных изданий даже не утруждают себя вычиткой материалов корреспондентов, которые автоматически выкладывают свои сочинения на электронных ресурсах. Многочисленные опечатки, непопадания в падежи, во времена, в которых ставятся глаголы, при-

вели к тому, что внизу страниц, где публикуются статьи, можно найти примечание: «Если вы нашли ошибку в статье — выделите её и нажмите Ctrl+Enter, мы её исправим. Спасибо!» То есть читатель становится ещё и редактором.

> *Плохой журналист до зубовного скрежета страдает тавтологией и грязными текстами. А если он работает еще и в паре с ленивым редактором, то гаси свет. Тавтология и общая невычитанность — самый тревожный признак для работодателя, я рекомендую в запущенных случаях немедленно расставаться с такими сотрудниками или не принимать их на работу вовсе, получив на руки плохое тестовое задание.*
>
> *Тавтология свойственна абсолютно всем, кто пишет — на заборе или в журнал «Наука и жизнь». Однако аккуратный, прилежный журналист вычитывает свой текст и сдает его редактору максимально чистым. Плохой журналист отдает то, что породил сон его разума, полагая, что свою работу он уже выполнил. Такой журналист одинаково небрежно относится к разработке темы, построению взаимоотношений с информационными партнерами и так далее* (*Блищ Д.* Семь признаков плохого журналиста, https://blisch.by/bad-jr).

Одна из особенностей современного человека заключается и в том, чтобы суметь из невероятного по насыщенности (а то и тяжести) потока вычленить полезную для конкретного индивидуума информацию, обработать её в своём сознании, а затем как-то отреагировать на неё. Либо в виде тщательного анализа с дальнейшей реакцией в виде статьи на своей интернет-странице, на странице печатного издания или информационного агентства, которое допускает возможность размещения комментариев под своими материалами, либо короткого сообщения (message, в электронном виде, разумеется) в разновидности электронных дневников в социальных сетях.

При этом всё чаще звучит мнение, что «технологический прогресс ставит под удар профессию журналиста: социальные сети дают возможность пользователям самостоятельно рассказывать и показывать друг другу новости» (Елена Кром, руководитель проекта «Будущий Петербург», редактор РБК Петербург, http://www.rbc.ru/spb_sz/15/04/2016/5710bb379a79476b010a740a).

Первой «ласточкой» было создание «Живого Журнала» («ЖЖ»). Идея предоставить возможность каждому, кто умеет хотя бы в азах разбираться в клавишах компьютерной клавиатуры, выходить в Сеть и понимать написанные подсказки для того, чтобы не на бумаге, а на экране монитора создать запись, которая потом останется на хранении где-то на удалённом сервере (если пользователь её не удалил) и станет доступной аудитории из множества миллионов пользователей Сети, была действительно революционной. Выплеснуть свои мысли, эмоции, поделиться, получить ответ — это естественно, поскольку человек — существо социальное, ему необходим контакт и отклик.

Блогерство с достаточной степенью условности можно разделить на несколько составляющих:

- блогер — профессиональный журналист, который по тем или иным причинам, имея свою точку зрения, ищет независимого издания;
- блогер — профессиональный журналист, который принял решение сотрудничать с тем или иным электронным медиа под псевдонимом, скрывающим его лицо; он, как правило, работает исключительно на заказ от работодателя, выдавая текстовый или изобразительный материал, нередко противоречащий его убеждениям; разновидность — блогер-тролль, расшифровка этого термина кроется в древних скандинавских легендах. Сегодня под этим nick-name подразумеваются люди, которые скрывают своё имя под вымышленными, часто бессмысленными, псевдонимами и аватарами — изображениями, не имеющими к ним никакого отношения;
- блогер — человек, который никогда не сотрудничал с СМИ, но в силу своего склада ума и таланта готов создавать медиатексты, которые воспринимаются аудиторией, но которые по тем или иным причинам не могут быть опубликованы в официальных публичных медиа;
- блогер — любой человек, который владеет методом набора на клавиатуре слов, поступающих в виде реакции пальцев на пришедшую в голову мысль, или суррогат мысли, что составляет физиологическую моторику в чистом виде.

Тема блогерства — огромное поле для исследователей многих специальностей, от лингвистов для социологов и медиков. Остановимся на языковой стороне выступлений в блогах.

Вот абзац из выпуска электронного журнала (блога) «Медиафрения» № 224, профессионального журналиста (с 1998-го по 2009-й год был секретарем Союза журналистов России), который вынужден сегодня создать свой собственный интернет-ресурс (дневник — блог), Игоря Яковенко

(речь идёт о конфликте между двумя телеведущими, Владимиром Соловьевым и Иваном Ургантом, который в своей программе жестко пошутил над возможным названием «Воскресного вечера»):

Довольно унылая история о том, как поссорились Иван Андреевич с Владимиром Рудольфовичем наводит на размышления о двух разных процессах. Один из них происходит в головах и душах служителей телевизора. От постоянного нахождения в этом ящике они полностью утрачивают всякую связь с реальностью. Начинают себя воображать царями, богами, отождествляют себя со страной, или как минимум, с каналом. Чувство собственного достоинства у них разрастается до таких размеров, что мешает при ходьбе, спать им приходится стоя, а в самолете они вынуждены покупать два билета: один для себя, другой для своего достоинства. При этом про наличие чувства собственного достоинства у других людей обитатели телевизора вообще не подозревают (http://yakovenkoigor.blogspot.ru/2017/09/224.html).

Очевидно, что это слог профессионального журналиста. Он обращается к классической ситуации, описанной Гоголем, и даёт одинаково нелицеприятную характеристику обоим героям, ставшую источником возникшего конфликта: *они утрачивают всякую связь с реальностью; отождествляют себя со страной;* прибегает к гиперболе в выделении главного источника конфликта — непомерно разросшегося чувства собственного достоинства у обоих.

Владимир Яковлев — сын одного из лидеров советской и российской журналистики XX века Егора Яковлева, который когда-то создал «Общую газету», пойдя по стопам отца, в медиасреде создал и запустил в российскую жизнь сперва газету, а затем и издательский дом «КоммерсантЪ». Сегодня он живёт за рубежом, но продолжает заниматься журналистикой. Его сетевой проект называется «Мулбабар»*. На страницы этого сетевого издания попадают тексты многочисленных журналистов-волонтёров, кому есть что сказать не гонорара ради, и просто владеющих словом неравнодушных людей, тех, кто проходит редакторский фильтр В. Яковлева. Вот один из фрагментов:

Королев сидел в открытом грузовике. Декабрь 1938 года. Колыма. Мороз. Ни одного шанса доехать из лагеря до пересылки. Впереди долгий путь до Москвы через опоздание на корабль, который утонет, смертельную лихорадку, Владивосток. Потом будет шарашка Туполева, собственное бюро, великолепная «семерка», 12 апреля 1961 года. Но на самом деле ничего этого не будет потому, что Королев через час замерзнет насмерть, и его похоронят где-то в общей могиле без креста и некролога. Мимо проходила группа «блатных». Они остановились и стали разглядывать доходягу. Такая манерка. Старший спросил: «За ксивой?» Королев кивнул. «Замерзнешь...» Сказать Королеву было нечего. Тогда старший снял с себя шубу, кинул ее в кузов. Через четыре года Королев станет свободным и всемогущим. И всю жизнь будет жалеть, что не спросил имени блатного, который скинул ему шубу с авторитетного плеча (https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1146833408684501&id=100000735583205).

Очерковая стилистика сквозит в каждом слове: в этом жанре допустима сложная временная организация, так при описании критического момента из жизни легендарного Королёва — его спасения старшим из группы «блатных» — в повествование включена потенциальная ситуация, которой, к счастью не случилось: *опоздание на корабль, который утонет*, и события, реально последовавшие после описываемого события: *Через четыре года Королев станет свободным и всемогущим.* Несколькими предложениями создан образ известных событий: *Декабрь 1938 года. Колыма. Мороз* и включён штрих, характеризующий персонажа: *всю жизнь будет жалеть, что не спросил имени блатного, который скинул ему шубу.*

Весной 2016 года в Петербурге был убит журналист Дмитрий Циликин. Вот начало записи из блога одного из коллег-журналистов, Дм. Губина:

Скверное начало: в шесть утра, шагнув на питерский перрон с московского поезда, узнать из твиттера о смерти Димы Циликина. 54 года, чуть старше меня, жил один, был зарезан у себя дома, информации о взломе нет никакой: значит, убийцу впустил сам. Богачом не был. Дальше имеются варианты, но их немного, тут поставлю точку. Важно другое. Дима Циликин был дитем питерских конца 1980-х — начала 1990-х, когда вечно блуждающая ось мировой культуры переместилась в голодную разрушающуюся северную столицу, сквозь трещины в которой бурно и буйно начало расти все, что было способно к радостному танцу свободы, — полная противоположность 1920-м, мандельштамовской траве забвения...

...Я же говорю: время ушло далеко, а Циликин уходить не захотел или не смог. Но этот мальчишка, черт побери, вписал свои золотые слова, заголовки, идеи в тот век! <...> Вечной памяти ему не будет, потому что вечной

памяти не бывает, но он успел причаститься той эпохи и успел причастить других, и за то одно мной навсегда любим. Этот умный, классически образованный, чуть двусмысленный, чуть провинциально надменный мальчик, которому отпущены теперь все грехи (http://www.rosbalt.ru/piter/2016/04/01/1503022.html).

Разумеется, и это — текст, написанный журналистом. Или писателем. В построении мысли, в музыке текста профессионализм различим абсолютно. Своего рода некролог становится одновременно и характеризацией эпохи.

Совсем другая история. Интернет-издание Журнал «Сноб». Блог некогда популярного ведущего петербургской телевизионной программы «600 секунд», ныне позиционирующего себя как публициста (и небезосновательно) Александра Невзорова. Выдержка из одной из последних статей:

Конечно, в истории этой страны были бурления толп и отстрелы царей. Но все катаклизмы заканчивались простой заменой одного деспота на другого. Сменялась символика и атрибутика, но принципы власти оставались неизменными. Цари, генсеки и президенты наследовали друг от друга приятное право казнить или миловать миллионы. Конечно, кто-то из венценосцев писал державность акварелью, а кто-то маслом. Но суть никогда не менялась. Хорошему землетрясению безразличен стиль архитектуры. Оно крошит готику с таким же удовольствием, как и модерн. Оно непринужденно сносит целые страны. Революция, к сожалению, не так всеядна и всесильна. К тому же она знает Россию на вкус и хорошо помнит, как пару раз давилась ею и срыгивала, не доведя дело до конца. Конечно, она всегда бродит рядом, выбирая момент для нового броска. Ведь революция — это не просто рвотный рефлекс страны в ответ на самодурство и воровство. Не гильотины. И не забитые трупами подвалы ЧК. Подвалы и гильотины — всего лишь пикантные, но не обязательные специи к блюду государственного преображения (https://snob.ru/selected/entry/106504).

Здесь явно прослеживается нарочитая вычурность образов («бурления толп и отстрелы царей»; «землетрясению безразличен стиль архитектуры» и т. п.). Но именно эта вычурность, хитрое сплетение часто несопоставимых образов некогда сделало программу А. Невзорова безусловным лидером среди информационно-публицистических программ конца 80-х — середины 90-х годов XX столетия.

Во всех четырех приведённых выше фрагментах — вне зависимости от того, разделяют ли их позицию читатели, присутствует журналистское мастерство, владение словом. От почти салтыково-щедринского сарказма и иронии Яковенко до вычурности Невзорова, от элегичности зарисовки о Королёве до некрологической простоты в материале памяти Циликина. Можно приводить тысячи примеров настоящей журналистики, которая перекочевала в дневниковые записи потому, что публикация этих текстов в изданиях, которые выходят в свет из типографий, по разным соображениям не вписывается в круг текущих актуальных проблем.

И вот — vise versia — только один из примеров типичного блогерства, текстов, написанных не журналистами, но пользователями Интернета (взято из «Живого Журнала»):

Среди мигрантов в Европе появилась новая массовая тенденция: они отказываются от ислама и принимают христианство. Причина — далеко не интерес к христианской религии. Принятие христианства дает больший шанс на получение убежища. Только в 2015 году из 55 случаев отказа 42 были пересмотрены в положительную сторону — из-за принятия христианства заявителями.

Между тем возвращение на Родину наказуемо смертью. Отречься от ислама — значит, отрезать путь домой. За этот год только в одной лишь церкви в Берлине христианство приняли 600 иранцев и выходцев из Афганистана. Еще несколько сотен мигрантов проходят специальные курсы подготовки к принятию новой религии. Их даже не пугает психологическое и физическое насилие со стороны мусульман, главная цель — получение теплого места в Европе . ... В местах массового содержания беженцев было несколько прецедентов физического насилия над представителями ЛГБТ.

Пасторы европейских церквей заявляют о своей вере в искренность намерений мигрантов. Вот только сами мигранты, за исключением нескольких человек, открыто признаются в корыстности своих мотивов. При видеосъемке они закрывают лица руками, чтобы их не узнали на Родине. Что можно ожидать от людей, готовых ради предоставления хороших условий отречься от своей религии, от части своей истории? (http://deagosto.livejournal.com/304497.html).

Автор этого, как принято теперь в интернет-сообществах называть подобный жанр, «поста» (от английского post — почты или опубликованного в печати письма, смысл термина в Интернете теперь несколько шире) скрыт под ником «Ленинградский КИД». Приведённый выше текст содержит слова-маркёры и обороты,

которые несут негативную окраску: «что можно ожидать от людей, готовых отречься?»; «отречься от»; «далеко не интерес»; «отрезать путь домой» и т. п. С такими маркёрами работают в основном профессиональные пропагандисты. Насколько велико доверие «скрытому автору» со стороны читателей — один из вопросов, на который сегодня ответ получить не удаётся.

А вот ещё один текст, который должен считаться медиатекстом, поскольку опубликован в упомянутом Живом Журнале — «народном СМИ»:

> *Как вытащить брак из клоаки? Две главные мысли преследуют бедных жен, которые недовольны мужем, но надрываются на кухне после работы: 1. Я слишком мягкая и не умею отстоять свои границы; 2. Я не за того замуж пошла, надо было искать хорошего* (http://evo-lutio.livejournal.com/277995.html).

Текст принадлежит пользователю, скрытому под ником Эволюция. Образец текста человека, который привык общаться на бытовом уровне. Если зайти по ссылке на «домашнюю» страницу автора, то можно в заголовке прочитать следующую информацию:

> *Психоалхимия. february 8th, 2015. Ссылка на площадку, где публикуются и будут публиковаться дальше материалы об энергетической системе человека и сознательном изменении личности. Кроме того, на сайте есть возможность выразить мне материальную благодарность.*

Или (орфография и пунктуация сохранены):

> *Сегодняя* (так в оригинале, с двойным «я» на конце; разумеется, опечатка. — *И. А.*) *знаковый для меня день. Сегодня произошел рывок на еще одну ступеньку по лестнице, по которой я иду. Как будто спала пелена с глаз и я перестала воспринимать мужа, как родительскую фигуру. Причем архитепичную фигуру, которая держит где-то там за пазухой ключи от моего счастья (признание не данное отцом). И не дает, а я прошу, пытаюсь «строить отношения», чтобы все таки получить эту «любовь»=«признание ценности».*

Сниженная лексика — «*клоака*»; орфографические ошибки — «*архитепичную*» (исходное слово — «архетип», а не «архитеп»); несогласованность предложений — «*Кроме того, на сайте есть возможность выразить мне материальную благодарность*»; вычурность оборотов с логической ошибкой — «*...фигура, которая держит где-то там за пазухой ключи от моего счастья (признание не данное отцом)*» — сразу вспомнилось знаменитое из «Отцов и детей» И. С. Тургенева: «О друг мой Аркадий Николаич — воскликнул Базаров: — об одном прошу тебя: не говори красиво». Разумеется, в этом примере ни о какой профессиональной журналистике речь не идёт — обычный язык женщины, привыкшей болтать со своими подружками, но при этом посчитавшей, что в письменном виде болтовня получится интереснее, чем в устной форме.

Третий пример из «Живого журнала» мы, было, взялись процитировать, но вовремя остановились: эмоциональность помноженная на агрессию и определённую безграмотность, снабжённая в виде довесков нецензурной лексики, вряд ли стоит дальнейшего распространения. Желающие могут пройти по ссылке: http://zergulio.livejournal.com/3811243.html.

Итак, Интернет как средство коммуникации дал возможность распространять своё мнение и свои мысли людям, которые так или иначе владеют основами компьютерной (не обязательно языковой) грамотности. При этом для людей, профессионально занимающихся журналистикой, по тем или иным причинам не публикующимся в «традиционных» медиа, сетевые СМИ являются площадкой для того, чтобы их «одинокий голос человека» был услышан. Для какой-то, довольно большой части людей блогерство предоставляет возможность заявить о себе, возможность быть услышанными, хотя лишь единицам удаётся стать признанными авторами текстов (фотографии, видеорепортажи или зарисовки). И для очень большой части пользователей этими инструментами — электронными дневниками, которые предполагают возможность публикации не только текста, но и фотографий, и видеоматериалов — это возможность не более чем выплеснуть негативные эмоции. Но ни к литературе, ни к журналистике, ни к искусству фотографии и кинематографу это не имеет ни малейшего отношения.

Некогда (в 60-е — 70-е годы XX столетия) в Нью-Йорке существовала радиостанция «44-й канал». Она прославилась тем, что после полуночи в эфир мог позвонить любой человек и откры-

тым текстом в прямом эфире с использованием, в том числе обсценной лексики, выразить абсолютно любую мысль или свое отношение к любому событию или персоне. Сегодня в этой нише безраздельно господствует Интернет как средство безграничного распространения информации, как инструмент, при помощи которого открывается шлюз для потока любого сознания, и ясного, и сумеречного. Предоставив, таким образом, потребителю информации выбирать наиболее интересный ему источник. Разумеется, профессиональные журналисты, вне зависимости от выбранной ими позиции, пользуются наибольшим доверием, поскольку владеют словом, изображением, а часто совокупностью того и другого.

Но, как известно, инструмент можно использовать по-разному.

Вне зависимости от предлагаемых обстоятельств, профессиональный журналист создаёт выверенный, грамотный с точки зрения орфографии, пунктуации и стилистики текст, с точностью и эмоциональностью передающий главную мысль, которую хочет выразить. При этом не важен абсолютно канал распространения мысли: традиционные СМИ или страницы дневников в Интернете, которые принято называть блогами.

Те, кто научился использовать страницы шаблонов дневников в мировой Сети, но не умеет владеть словом, искусством подачи мысли, а зачастую и не выражает никакой мысли, тоже считаются блогерами. В итоге уровень мастерства блогера определяет, как ни странно, счётчик, показывающий количество посещений его страницы и отметок «мне понравилось» (на языке пользователей Интернета «лайков»).

Разумеется, есть исключения. Есть те, кто умеет в популярной форме донести до читателя мысль, связанную с исследованиями в области точных наук. Но это относится к совершенно иной, научной, а не публичной информационной среде, которая исключительно разнообразна, но в которой профессиональный журналист, владеющий искусством слова, всегда оказывается на первых ролях. Вопрос в том, насколько он становится образцом для подражания в среде блогеров?

Возвращаясь к началу этой статьи, где говорилось о роли развития технологий в области информации, приведем ещё одну цитату из материала Елены Кром: «Один из возможных ответов на эти вызовы дает декан факультета журналистики МГУ, профессор, академик Иван Засурский: „Сегодняшним студентам нужно учиться понятийному мышлению — способности проанализировать информацию на тех высоких скоростях, на которых она передается, составить независимое мнение и принять самостоятельное решение. Ни одна информационная система этого не обеспечивает“. Возвращаясь к судьбе журналистов, он говорит, что настоящий профессионал обеспечит себе занятость, даже если закроются все газеты и не станет телевидения: „Я считаю, что будет взрыв спроса на digital printing; что предстоит расцвет литературы non-fiction; что каждый журналист должен быть способен написать стоящую книгу, снять фильм, записать радиопрограмму“. По его мнению, профессионал новой формации — это человек с широким набором навыков, в том числе технических, готовый быть сам себе работодателем» (http://www.rbc.ru/spb_sz/15/04/2016/5710bb379a79476b010a740a).

Но, разумеется, такой человек должен в совершенстве владеть словом. Интернет-среда, позволившая совместить слово и изображение в любых формах, пропорциях и соотношениях, безгранична по своей сути. В ней есть место каждому, кто достиг профессиональных высот или только начинает свой путь. Профессиональная журналистика отличается от любительской даже неподготовленным читателем моментально — по оборотам речи, стилистической манере и безупречному владению автором русским языком.

И ещё один важный момент, связанный с изменением профессионального тематического языка новостей и аналитики. Он связан с бурным, взрывным развитием новых технологий. В финансовый мир ворвались такие понятия, как *криптовалюта*, *биткоин*, *блокчейн*; ещё вчера «интернет-вещей» (система, при которой роботизированные устройства, включенные в информационную беспроводную сеть, могут самостоятельно общаться друг с другом и принимать решения в интересах

своего владельца), «искусственный интеллект», «нейронет» (передача информации непосредственно из мозга одного человека в мозг других) были уделом писателей-фантастов — сегодня это наступающая реальность, при этом развитие технологий из года в год идёт в геометрической прогрессии. Соответственно и язык журналиста наполняется новыми словами, обозначающими новые предметы, процессы, понятия, при этом чаще всего в русском языке таких слов не существует и в медиатекстах, выходяших за грань понимания рядового потребителя информации, используются заимствования прежде всего из английского технического языка. При этом журналист должен абсолютно точно знать значение каждого из слов, чтобы верно донести мысль до читателя. И здесь, в свою очередь, также начинается соревнование между профессиональными журналистами и блогерами, среди которых оказываются специалисты в зарождающихся новых областях человеческого знания и деятельности и которые в силу своей специфической информированности могут более верно и точно объяснить суть того или иного явления или процесса.

Кроме того, интернет-среда, сама став субкультурой, породила множество новых понятий, для обозначения которых (учитывая, что изначально Интернет — среда англоязычная) русский язык также усвоил многочисленные заимствования, создав новую разновидность сленга. В этой среде хипстеры ловят хайп, а то и создают его, креативят новые лайфхаки и зависают в мессенджерах через мобильные девайсы — смартфоны, планшеты или айпады. Гики уходят в виртуал, а важные тренды обозначаются хэштегами (не будем говорить о том, что разработчики программного обеспечения общаются на своём, понятном исключительно им языке; впрочем, как и физики, химики, биологи etc.). Но тексты, в которых используется приведенная выше лексика, как предназначенные для публичного прочтения и размещенные в тех или иных изданиях, включая зарегистрированные СМИ, также расцениваются как медиатекст, который, разумеется, находится за привычной гранью: в классической журналистике, как известно, постоянное и широкое использование сленга не допускается. Вместе с тем, как уже было сказано, стремительное развитие науки, техники, технологий и создание сопутствующих интеллектуальных сред потребовало расширения понятийного аппарата, и русский язык вынужденно заимствует слова, передающие значения и понятия из источника оригинала.

Таким образом, медиатекст сегодня во многом оказывается за различными гранями: с одной стороны, скатывается в просторечие домохозяек и нарочитую грубость любителей употреблять в текстах нецензурную брань, с другой — пытается поспеть за бурным, стремительным развитием областей человеческой деятельности с параллельным формированием нового понятийного аппарата. С одной стороны, находится в тисках стремнины бурного всевозрастающего информационного потока и информационного шума (суть не имеющей значимости информации), с другой — в парадигме сохранения красоты подлинно литературного русского языка вне зависимости от ускорения развития информационного потока, что культивируется мастерами профессиональной журналистики. Между этими гранями — колоссальные расстояния, но, так или иначе, разнообразие речевых форм в сочетании с изобразительными — фото-, видео- и аудиосоставляющими — формируют многообразие палитры современного информационного пространства.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Мулбабар — на языке шумеров означает «Юпитер». Подробнее о проекте можно прочитать в интервью В. Е. Яковлева изданию Meduza здесь: https://meduza.io/feature/2015/03/25/my-vse-cheburashkiny-deti.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борн Д.* Интернету — 40 лет. Как всё начиналось... URL: http://www.3dnews.ru/news/internetu_40_let_kak_vssh_nachinalos/

2. *Сахаров А. Д.* Мир через полвека. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_31.html

REFERENCES

1. Born D. *Internetu — 40 let. Kak vse nachinalos'... [40 years Anniversary of the Internet. How it all began...]* Available at: http://www.3dnews.ru/news/internetu_40_let_kak_vssh_nachinalos/ (in Russian)

2. Sakharov A. D. *Mir cherez polveka [The world in half a century].* Available at: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_31.html (in Russian)

С. Ф. Барышева

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ РАЗГОВОРНОСТИ В НЕОФИЦИАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БЛОГОСФЕРЫ)

SVETLANA F. BARYSHEVA
LEXICAL AND GRAMMATICAL MARKERS OF INFORMALITY
IN THE UNOFFICIAL INTERNET-COMMUNICATION SEGMENT: THE CASE OF BLOGOSPHERE

В статье на материале блогосферы по тематике ‘туризм и путешествия’ анализируется проявление одной из главных тенденций развития языка Интернета — контаминации устной и письменной форм речи, Во-первых, определяются виды и соотносительная частотность разговорных лексических и грамматических единиц в блогосфере в целом безотносительно к конкретному тексту («сегментная разговорность»). Во-вторых, ставится вопрос о типологии текстов по соотношению лексико-грамматических маркеров разговорности («текстовая разговорность»).

Ключевые слова: Интернет; блогосфера; лексические маркеры разговорности; грамматические маркеры разговорности.

The article analyses contamination of oral and written speech forms as a main trend of Internet language development on material of travel and adventure blogs. Firstly, the author defines varieties of lexical and grammatical units in blogosphere and their frequency without regard to any particular text (“segmental informality”). Secondly, she raises the question of relationships between texts typology and lexical and grammatical markers of informality (“textual informality”).

Keywords: Internet; blogosphere; lexical markers of informality; grammatical markers of informality.

Светлана Фридриховна Барышева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

▸ baryshevasf@yandex.ru

Svetlana F. Barysheva

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Исследование языка Интернета является одним из приоритетных направлений нового лингвистического направления — медиастилистики.

Одна из главных стилистических особенностей языка интернет-коммуникации — контаминация двух форм речи: устной и письменной, что отражают термины «устно-письменная речь», «письморечь», «письменная разговорная речь», «квазиписьменная форма коммуникации», «промежуточный тип коммуникации» и т. п. Появляются термины, обозначающие субъектов интернет-дискурса как «письменно-слушающий» и «письменно-говорящий» [4: 336] и характеризующие их как «новый тип языковой личности» [2: 6].

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17–04–00032а
«Влияние Интернета на жанровые и стилистические параметры медиатекстов»

Тенденция контаминации форм речи и стилей возникла еще в XX веке, при этом первичным было, по-видимому, проникновение книжной речи в разговорную (знаменитый канцелярит, ср. также замечание Т. Г. Винокур конца 60-х годов о «массовом проникновении книжной речи в разговорную речь»). В наше время, в эпоху Интернета, эта тенденция подкрепилась обратным процессом — массовым проникновением разговорной речи в письменную, сближением языка письменной интернет-коммуникации с устно-разговорным языком, так как Интернет расширяет сферу спонтанного общения. Интернет в неофициальном сегменте все больше приближается к параметрам разговорной речи, характеризуясь неофициальностью общения, стилизованной спонтанностью и стилизованной непосредственностью общения.

Языковому воплощению обеих форм речи и контаминации книжно-разговорных стилей в текстах Интернета уже уделялось научное внимание (см. работы в списке литературы). Исследователи отмечают, что соотношение книжно-письменных и устно-разговорных параметров может быть разным и зависит от жанровых и функциональных признаков медиатекста. Предметом нашего исследования стали языковые маркеры устно-разговорной речи в текстах блогосферы (тематика 'туризм и путешествия'). Поскольку блоготекст структурно состоит из нескольких частей, отличающихся по форме и особенностям речи, мы ограничились анализом только одной, базовой части — рассказом-монологом автора, оставив за скобками комментарии читателей и ответные авторские реплики. Соответственно в центре нашего внимания — языковые маркеры разговорности в самом «неразговорном» структурном блоке — в письменном монологическом тексте. В числе языковых маркеров анализируются лексико-грамматические единицы в двух аспектах: 1) виды разговорно-устных явлений лексики и грамматики в письменных текстах данной тематической сферы; 2) соотносительная частотность этих явлений.

Качественно-количественный анализ языковых единиц представлен в таблицах, где приведен перечень лексических и грамматических особенностей устно-разговорной речи, расположенных по принципу убывающей частотности в текстах данной блогосферы. Частотность представлена в трех градациях: частая, средняя и редкая; соответствующие им единицы можно

Таблица 1. **Лексические разговорные явления и их отражение в блогоречи**

Разговорная и эмоционально-экспрессивная лексика			▪
Новообразования			▪ Примеры из одного отчета: *гостишка, отельеры, покатушки, ресепшионистка, турьё, туриствовать, отцивилизуют, стошка баксов, путешественнический долг*
Специфические способы номинации	Разнообразные стяжения	с помощью суффикса -к-	▪ *Гостинка* (Гостиный двор)
		стяжения за счет сущ.	▪ *На смотровой вечером — ни души*
		метонимии	▪ *круизный народ*
	Слова-дуплеты		▪ *железные дороги — это необычная штука!*
	Слова-указатели и слова-актуализаторы		▪ *ощутимый такой контраст*
	Описательные номинации (*тут стояла в синей кофте*)		▪ *Из тех, что без знания иностранных языков, на высоких каблуках и богаты-ы-ы-е-е-е*
Спонтанная сочетаемость			▪ *планировали в нее заехать поплотнее*
Активность нелитературных элементов		вульгаризмы и обсценная л-ка	▪ *Туда понабилась туева хуча народу*
		жаргон	▪ *Банку это пофигу, банку это фиолетово*
		просторечия	▪ *голодны опосля возлияний*
		диалектная лексика	

охарактеризовать, соответственно, как ярко разговорные, умеренно разговорные и слабо разговорные. Трем градациям соответствуют три цветовых обозначения: ▪, ▪ и ■. В таблицах приведены примеры-иллюстрации из текстов описываемой блогосферы.

Таблица 1 фиксирует в числе ярких лексических маркеров устно-разговорной речи два явления: разговорно-эмоциональную лексику и лексические новообразования. Актуальность последних (новообразований) показана в таблице на примере лексических неологизмов одного отчета.

Примеры самой частотной группы — стилевых разговорных номинаций — проиллюстрируем на двух текстах. Первый текст отличается вкраплениями только разговорных номинаций, второй — разговорных и книжных, что иллюстрирует контаминированный, т. е. устно-письменный, характер блоготекстов (в этих и последующих примерах орфография и пунктуация авторская). Разговорные номинации выделены жирным курсивом, книжные — жирным прямым шрифтом:

А. ***Потусовавшись*** *у сувенирных лотков, садимся в автобус и проезжаем несколько сот метров вглубь улицы Карла Маркса...* ***Глазеем*** *по сторонам... вокруг такие же тихие особнячки 19 века... Следующая остановка у церкви Вознесения Господня с Тихвинским приделом...* «***восемнашка***», *как говорят некоторые* (URL: http://ourtravels.ru/viewtopic.php?f=3&t=4235).

Б. *Нашелся-таки один англоговорящий, но и он при слове fortress* ***сделал круглые глаза — мол,*** *ничем помочь не может. И даже демонстрация вчерашних призренских фото с табличкой «kala» (кула по-сербски башня, крепость)* **не возымела результата**. *Мы, уже почти отчаявшись найти злополучную крепость, зашли в первое попавшееся кафе, где вкусно пахло жареным мясом. Кафе оказалось оборудовано официантом, прекрасно говорящим по-английски. На слово «крепость» он также отреагировал удивлением, но когда я сказала про «старинное каменное здание на холме», он понял — башня! Оказывается, звечанцы* **идентифицируют данное фортификационное сооружение** *именно со словом «башня», хотя оно является именно крепостью. До крепости мы в итоге дошли по вымощенной дорожке* (URL: http://grannushka.livejournal.com/21747.html).

В целом лексику исследуемой блогосферы (в части монологического рассказа) можно охарактеризовать как реализацию литературно-нормированного языка: здесь нет лексического «разгула и беспредела», нет экспрессии за счет грубого нарушения литературных норм. Объяснения этому кроются в функциональной направленности текстов описываемой сферы. Основная функция этих текстов — не экспрессивная, а информационная и аксиологическая. Исследователи, говоря об особенностях блога как жанра, отмечают, что блог, в отличие от печатных и электронных СМИ, делает ставку не на факт, а на мнение о факте (В. Ю. Кожанова). Мы можем отметить, что особенностью блогов о туризме является ставка в первую очередь на факт: чаще всего это интеллектуальные тексты с большим количеством фактологической информации, с историческими и культурологическими справками. Это не чисто развлекательная, не «праздноречевая» коммуникация, а коммуникация ради знания и познания.

Как видно из таблицы 2, самым частотным морфологическим разговорным маркером в проанализированных нами текстах является включение в текст частиц, междометий и модальных слов. В свою очередь, среди этой группы бесспорным лидером по частотности является частица *ну*, функции которой весьма разнообразны: она может вводить побуждение, вопрос и нейтральное утверждение, может выполнять функцию межфразовой скрепы.

Таблица 2. **Морфологические разговорные явления и их отражение в блогоречи**

Активность частиц, междометий, модальных слов	■
Активность им. падежа существительных	▪ *– для Алексей Паршин* *– гуляли по Торжку, улица Луначарского*
Особые звательные формы обращений	▪ *Вер, нам очень повезло с погодой.*
Сокращение окончаний	▪ *взять карту и оплачивать все ей [ею]*
Игровые грамматические искажения	▪ *Кому интересно увидют да и съездиют*

Таблица 3. **Синтаксические разговорные явления и их отражение в блогоречи**

Все виды односоставных предложений	■
Разнообразие предложений по цели высказывания	■
Короткие простые предложения	■
Сложносочиненные и бессоюзные сложные предложения	■
Парцелляции	■ *Зато вода чистая. И прохладная*
Присоединительные конструкции	■ *У меня похожий маршрут, и тоже на футбол*
Вставки	■ *Уложена куча вещей, надеваемых во временном промежутке с марта по июнь (а что? а вдруг?)*
Неполные предложения	■ *Мне очень понравился смородиновый*
Эллиптические предложения	■ *На улицах много указателей*
Смещенные конструкции	■ *Цены в целом все дешево*
Слова-предложения	■ *Да. Это да. Да-да. Ну да ладно*
Междометные фразы	■ *Вот это да!*
Клишированные конструкции с переменным компонентом (*Нет бы... Тоже мне...*)	■ *Поплавали и будет!*
Разговорные инверсии	■ *У меня противоположные абсолютно ощущения*
Особые формы сказуемого (*пойдем сходим; взял и уехал, ну и помог так помог*)	■ *Знай шатайся по кругу, фоткай город со всех сторон*
Добавления, исправления по ходу	■ *До наших дней сохранились неплохо. Хотя нет, есть и излишества и украшения*
Прерванность речи	■ *да и форс-мажоры никто не отменял, так что...*
Конструкции с двойным обозначением (типа *Небо, оно все в тучах*)	

Отметим, что приведенный в таблице 3 блок синтаксических конструкций включает разнопорядковые единицы. Здесь есть специфические конструкции устного разговорного синтаксиса, обусловленные спонтанностью разговорной речи (например, самоперебивы, смещения, рассогласование частей предложения, двойное обозначение подлежащего). Есть конструкции, выражающие эмоциональность и экспрессивность и свойственные книжно-письменной речи (например, публицистической). Они включены в блок разговорных, так как имеют генетическое происхождение из устно-разговорной формы речи. В целом же весь блок объединяет стилевой параметр «некнижных» конструкций.

В числе наиболее частотных явлений «некнижного» синтаксиса блоготекстов — все виды односоставных предложений и все виды предложений по цели высказывания. Отметим высокую частотность парцелляций, присоединительных конструкций и вставок, чья «устная природа», видимо, также ассоциируется в сознании языка с непринужденной диалоговой формой речи и позволяет пишущему передать процессуальность устной речи, синхронность мысли и речи.

Помимо описания используемых единиц-маркеров и их количественного соотношения **по ярусам языка** имеет смысл сопоставить **сами ярусы** по «силе маркированности» и привлеченности единиц «разговорности».

Самым осознаваемым и, соответственно, наиболее «ярко разговорным» является, по-видимому, лексический уровень: в тексте практически всегда присутствуют вкрапления разговорной и экспрессивной лексики. Неология может вообще отсутствовать или, напротив, быть приметой авторского идиостиля.

Собственно разговорные синтаксические явления, обусловленные спонтанностью разговорной речи (например, слабооформленные

типа смещенной конструкции или с добавлениями, исправлениями на ходу), в монологах-рассказах данной блогосферы фиксируются очень редко. Причиной этого может быть неосознаваемость этих явлений или трудность их фиксации на письме. Синтаксическая стилизация диалогичности и неофициальности осуществляется в основном за счет просто «некнижных конструкций», число которых может варьироваться от нескольких до десятка. Приведем примеры текстов, различающихся способами стилизации синтаксической «устности» (пунктуация и орфография авторские):

А. *Та часть, что называется новым городом сильнее пострадала от землетрясения 1963 года. Многие дома здесь восстановлению не подлежали, и их возводили с нуля. В Старом же городе небольшие одно-двух этажные дома еще османской постройки решили сохранить и восстановили. В результате центр туристического притяжения сейчас это Старая Чаршия — целый район, заходя в которой ощущаешь себя как будто в старом турецком городке. Здесь и торгуют, и живут, и принимают гостей-туристов и устраивают праздники. Здесь соседствуют дорогие бутики с роскошными платьями, мясные лавки, менувачницы — пункты обмена валют и туристические агентства, буречницы и салоны ювелирных украшений. Как торговый центр города это место известно с 12 века. Раньше здесь было более тридцати мечетей и несколько караван-сараев. Сейчас Старая Чаршия имеет статус национального культурного заповедника* (URL.: http://rpostoronniy.livejournal.com/; маркеры разговорности — односоставные предложения).

Б. *Мы отправились гулять по Башчаршии, добравшись туда трамваем. Трамвай — отдельное удовольствие. Совсем дряхлый, наверняка довоенный. И пассажиры — ему под стать: колоритные старики, цыганки в цветастых юбках. Бросается в глаза большое количество инвалидов. В основном, мужчин. Среди тех, кто сегодня гуляет по Сараево, кто завтракает в «Макдоналдс» и шопится в торговых центрах, люди воевавшие. Стрелявшие в других и раненые другими. И безногими многие стали — тоже на войне. Это так непривычно — осознавать, что напротив тебя в транспорте, вполне возможно, едут убийцы — пускай и невольные. Ну а прощаться со столицей Боснии и Герцоговины лучше всего на смотровой площадке небоскрёба AvazTvistTover. И желательно делать это в потемках. Тогда подсветка внизу будет «говорящей». Она расскажет, что Сараево — не военный, а мирный и к тому же бурно развивающийся город. Правда, не без восточного колорита. На подступах к небоскребу — грязновато. Проход на смотровую — через платные турникеты (запаситесь монетами в 0.5 марки), и турникеты эти, на момент преодоления нами их рога-ток не работали. При этом деньги глотали. Пришлось, как метровским безбилетникам, перескакивать через препятствие. Ну хоть совесть спокойна: проход оплатили. На смотровой вечером ни души: знай шатайся по кругу, фоткай город со всех сторон, слушай его шум и завывание ветра. Ветер, как раз, не позволяет насладиться видами сполна: холодно. Но зрелищно, и бодрости опять-таки добавляет =)* (URL: http://forum.awd.ru/viewtopic.php?f=569&t=285022, маркеры разговорности: односоставные предложения + парцелляции + присоединительные конструкции + вставки + бессоюзные сложные предложения + вводные слова).

Приведенные примеры текстов с разной степенью «устно-разговорности» могут быть примером параметризации медиатекстов по соотношению лексико-грамматических маркеров разговорности в каждом конкретном тексте. Этот параметр может быть назван **текстовой разговорностью** в отличие от параметра **сегментной разговорности** — приведенного выше обобщенного перечня маркеров и их соотносительной частотности безотносительно к конкретному тексту.

Общие выводы

1. Имеющийся эмпирический материал, систематизированный в таблицах, доказывает наличие устной составляющей в блого-коммуникации и в целом ее устно-письменный характер: в письменной форме запечатлены разговорные явления всех ярусов языка (о фонетических вкраплениях см.:[1]). Это объективное следствие диалоговой природы блога (блог — это «отсроченный по времени полилог») и установки на неофициальность общения.

2. Наиболее частотными и, соответственно, ярко разговорными маркерами в письменных блоготекстах о туризме, по нашим данным, являются следующие: в области лексики — разговорно-эмоциональная лексика и лексические новообразования; в области грамматики — структурные типы односоставности, разорванности (парцелляции, вставки), модальности (вводные слова) и целеполагания (разные типы предложений по цели высказывания).

3. Есть некоторое расхождение в характере привлекаемых единиц из разных ярусов языка: если на уровне лексики наиболее частотными являются собственно разговорные единицы, то в об-

ласти синтаксиса — имеющие разговорное происхождение, но бытующие и в письменных текстах (публицистические и художественные). В целом монологической части блога свойственна, говоря словами С. А. Лысенко, «высокая степень синтаксической корректности» [3: 15]. Собственно разговорные синтаксические конструкции в блоготекстах практически не встречаются: они либо плохо осознаются носителями языка, либо не используются из-за трудностей письменной фиксации и восприятия.

4. Анализ единиц, маркирующих устно-разговорную речь, может проводиться в двух направлениях: анализ «сегментной разговорности» предполагает выявление корпуса единиц в рамках жанра безотносительно к конкретному тексту; анализ «текстовой разговорности» предполагает анализ конкретных текстов и возможность параметризации текстов по способам разговорной маркированности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барышева С. Ф.* Фонетические «заимствования» в интернет-коммуникации // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil / Hg. Tošović, Branko, Wonisch, Arno. Graz, Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität. 2016. С. 13–20.

2. *Гермашева Т. М.* Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Р. н/Д., 2011.

3. *Лысенко С. А.* Взаимодействие устной и письменной формы существования языка в интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 2010.

4. *Трофимова Г. Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России: функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. 2-е изд., испр. и доп. М., 2011.

REFERENCES

1. Barysheva S. F. (2016) Foneticheskie «zaimstvovaniia» v internet-kommunikatsii [Phonetic «borrowings» in the Internet communication]. In: *Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil [Interaction of the Internet and stylistics, the Internet and style]*, pp. 13–20. (in Russian)

2. Germasheva T. M. (2001) *Iazykovaia lichnost' sub'ekta blog-diskursa: lingvokognitivnyi aspect [Blog-discourse subject's language personality: linguistic cognitive aspect: self-review]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don. (in Russian)

3. Lysenko S. A. (2010) *Vzaimodeistvie ustnoi i pis'mennoi formy sushchestvovaniia iazyka v internet-kommunikatsii [The cooperation of verbal and written forms of language existence in interment communication]* (Extended abstract of candidate's thesis, Philology), Voronezh State University, Voronezh. (in Russian)

4. Trofimova G. N. (2011) *Iazykovoi vkus internet-epokhi v Rossii: funkzionirovanie russkogo iazyka v internete: konzepto-sushchnostnye dominanty [Language taste of internet epoch in Russia: Russian language functioning on the Internet: conceptual and existential dominants]*. Moscow. (in Russian)

НОВОЕ В ПАРЕМИОЛОГИИ

(Начало на с. 22. Продолжение на с. 49, 55)

чивающие ее грамматические и словообразовательные средства, тематические группы, гиперо-гипонимические отношения, замены, основанные на принципе метонимии, и др.), автор приходит к выводу о недостаточности такого подхода к изучению варьирования пословиц, о существовании более сложных и многообразных отношений между паремиологическими вариантами.

Почему все же в качестве взаимозаменяемых могут выступать и компоненты пословиц, не подпадающие под вышеописанные парадигматические связи? Что объединяет в рамках паремии отдельные ее компоненты и их возможные субституты? Ответу на эти вопросы посвящена III глава монографии («Отношения окказиональной синонимии между конкурирующими компонентами пословицы»), в которой автор представляет свой взгляд на решение вопроса о систематизации многочисленных отношений вариантности, которые не могут быть описаны в рамках традиционной теории лексического варьирования (с. 127–175). По мнению автора, варьирование паремий может быть интерпретировано не только как результат действия собственно внутриязыковых механизмов, но и как отражение народной культуры, фольклорных традиций. Автор показывает это на примере пословиц, содержащих культурные коды, символы народной духовной традиции (например, паремий, отражающих этнические стереотипы, архаичные фольклорные представления о нечистой силе, символы любовной лирики и др.). В ряде случаев варианты пословицы поддерживаются распространенностью, общеизвестностью используемого в ней фольклорного мотива (например, об опасности упоминания волка, о зловещем крике ворона, о сакральности водного пространства и т. д.). Благодаря вышеуказанным тенденциям, а также действию квантора всеобщности как регулятора лексических замен в составе пословицы, разной степени участия компонентов в формировании содержания паремий, стабильности пословичной идеи практически любое из слов, как пишет автор, «при всей внешней

А. В. Савченко, М. С. Хмелевский

«ГОСПОДА ИЛИ КАК ВАС ТАМ»: К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЭТИКЕТЕ ОБРАЩЕНИЯ С ПАРАЛЛЕЛЯМИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

ALEKSANDR V. SAVCHENKO, MIKHAIL S. KHMELEVSKI
"HEY, YOU MISTERS OR WHATEVER":
FORMS OF ADDRESS IN RUSSIAN IN COMPARISON WITH SLAVIC LANGUAGES

Александр Викторович Савченко

Кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славистики

Государственный университет Чжэнчжи (Тайвань)

№ 64, Сек. 2, ул. Чжинан, 116, Вэньшань, Тайбэй, 11605, Тайвань

▸ savchenko75@mail.ru

Михаил Сергеевич Хмелевский

Кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

▸ chmelevskij@mail.ru

Aleksandr V. Savchenko

National Chengchi University

No. 64, Sec. 2 Chinan Rd., 116 Wenshan, Taipei,11605, Taiwan

Mikhail S. Khmelevski

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Этикетные формулы обращения представляют собой одну из ключевых речевых категорий в любом языке. Вместе с тем существуют определенные проблемы в теоретическом и учебно-методическом осмыслении аспекта употребления обращений в речевой практике. Современная русская языковая ситуация свидетельствует об определённой «лакунарности» форм обращения или о наличии широко распространённых в обиходно-разговорном употреблении речевых штампов (по сравнению с европейскими и другими славянскими языками). В статье анализируется современный русский языковой этикет обращения на фоне других славянских языков (в особенности сербского).

Ключевые слова: формулы обращения; славянские языки; стилистика; методика преподавания; русский как иностранный.

The authors explore some theoretical and methodical problems of understanding and usage of address forms in colloquial speech, and argue that modern Russian language situation indicates a certain "lacunarity" of these forms in comparison with other Slavic languages, or demonstrates the use of wide-spread conversation clichés in everyday communication, formal and especially informal. The paper analyzes modern Russian language etiquette of address forms in comparison with other Slavic languages, particularly Serbian.

Keywords: address forms; Slavic languages; stylistics; teaching method; Russian as a foreign language.

Этикетные формулы обращения (в первую очередь приветствия и формулы обращения к другому человеку) — это тот «первый камень», который обычно закладывается в фундамент будущего здания «знания русского языка». Ошибочный выбор «стратегии обращения» может привести к различным «сбоям» в установлении контакта, вплоть до полной коммуникативной неудачи. Как справедливо отмечает В. А. Ефремов, «использование инициальной фатической реплики в современной социокультурной ситуации остается болезненной и весьма актуальной проблемой» [1: 54].

Проблеме употребления различных форм обращения в русском языке уделено достаточно много внимания: это и разделы в грамматиках и учебниках по русскому языку (в первую очередь для студентов-иностранцев), и многочисленные научные и научно-популярные статьи, этот вопрос нередко поднимают в передачах на радио и телевидении, приглашая к дискуссии профессиональных филологов и деятелей искусства. Тем не менее до сих пор лингвистами и носителями русского языка ощущается некая «лакунарность» в современном этикете обращения.

Формы обращения, принятые в современном русском узусе, можно условно разделить на следующие контексты употреблений.

Обращение к знакомому человеку:

а) ***официальный стиль***: например, ситуация *студент — преподаватель* (здесь, как правило, преобладает обращение по имени-отчеству (если они известны), или же формально-уважительное обращение в «*Вы*»-форме), или внутри одного коллектива в последнее время особо частотным стало обращение *коллега / коллеги*, в том числе в сочетании *(глубоко) уважаемые коллеги*, даже если они мало знакомы или знакомы виртуально (например, по деловой переписке);

б) ***«полуофициальный» стиль*** обращения, ярким примером которого является «кухня» современной журналистики: нередко во время включения в режиме прямого эфира и беседы ведущего новостной программы с журналистом-коллегой, находящимся по другую сторону экрана, сравнительно недавно широкое распространение получили формы обращения друг к другу по имени с характерной интонацией типа, «*ТатьЯяяна — МаксИиим*» (это своеобразные «обращения-побуждения», функция которых — проверить связь: слышит ли адресат адресанта, понятен ли ему вопрос; также подобная интонация служит своеобразным сигналом того, что говорящий закончил своё сообщение и передаёт слово второму участнику диалога «ведущий — корреспондент»);

в) ***непринужденный стиль*** общения: по имени или по отчеству (как правило с «редукцией»; часто это называют «новой формой разговорной звательного падежа»: *Маш, Ир, Петь* и т. п.) или просто по отчеству (*Палыч, Васильевна, Кузьминична...*). Такие формы обращения, разумеется, свойственны для шутливой, а не официально-деловой манеры общения. «Такое обращение вполне традиционно совмещает в себе фамильярность вместе с особой теплотой. Говорящий метафорически распространяет модель семьи на весь мир» [2: 78].

Обращение к незнакомому человеку:

а) ***общепринятые и нейтральные*** формы, как, например, в польском *panie — pani*, чешском *pane — paní*, сербском *gospodine — gospođo*, и их отсутствие в русском — об это речь ниже;

б) ***фамильярные, непринужденные*** формы (*братишка, тётенька, дяденька, сестрёнка, красавица, милочка* и т. п.).

Одним из факторов, оказавших в последние десятилетия влияние на частотность использования определённых форм обращений, а также на их состав, явились социально-политические явления, произошедшие в России: распад СССР и смена государственного строя. Наиболее показательным в этой связи представляется судьба самого распространённого в советский период обращения — *товарищ* (вариант: *товарищ + фамилия*; при этом эта форма одинаково использовалась как по отношению к мужчинам, так и женщинам), принятого на всех уровнях государственной системы: власть, интеллигенция, рабочий класс, военная сфера.

Ещё более «строгими», официально-деловыми являлись обращения *гражданин / гражданка*, наиболее распространённые в ситуациях обращения милиционера (в частности, до настоящего времени форма обращения «*гражданин начальник*» являлась общепринятой в местах лишения свободы), и его вариант во множественном числе — *граждане* — при обращении к группе людей. Сегодня формы *гражданин / гражданка* практически вышли из частотного употребления, а форма обращения *граждане*, хотя и в меньшей степени, чем раньше, используется как в формальном, официальном, так и в публицистическом дискурсе. Приведём наблюдение Ю. К. Лукояновой: «[Обращение] *гражданин* ассоциируется с задержанием, арестом и возможно лишь в тех случаях, когда то или иное лицо рассматривается как субъект гражданских правоотношений» [3: 229].

Подчеркнем, что в результате смены общественно-политических формаций в славянских странах в конце прошлого века произошли значительные изменения в национальных языках, эти изменения затронули в том числе и формы / нормы обращений. Как следствие процесса «десоветизации» во всех славянских языках, за исключением русского, «новую жизнь» получили исконные традиционные формы обращения: польск. *panie / pani* и специальная форма обращения к молодой девушке *panienko*, укр. *пане / пани,* чеш. *pane / paní* и специальная форма обращения к незамужней девушке — *slečno*, серб., хорв. *gospodine / gospođo* и специальная форма обращения к незамужней девушке *gospođice*, словен. *gospod / gospa.* Все они сегодня употребляются исключительно как нейтральное и стилистически не окрашенное обращение как к знакомому, так и незнако-

мому лицу, заменившее бывшее идеологически наполненное: укр. *товаришу,* польск. *towarzyszu,* чешск. *soudruhu,* слов. *súdruh,* серб., хорв. *druže / drugarice,* словенск. *prijatelj / prijateljica* или *tovariš / tovarišica.* Важно отметить, что если в украинском, чешском и словацком языках данные обращения полностью вышли из употребления, то сербские, хорватские и словенские лексемы, широко употребляясь в живой речи, полностью утратили своё идеологическое значение.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в славянских языках произошёл процесс возвращения «исторических» обращений (в первую очередь — официальных). «Оживают» и некоторые достаточно любопытные по своей семантике формы. Ярким таким примером может служить обретающее в последнее время «новую жизнь» старое традиционное украинское обращение *добродію / добродійко* (от «творящий добро»), которое употребляется как особо вежливая форма по отношению как к знакомому (*добродію Сидоренко*), так и к незнакомому лицу, соответственно без фамилии (*Добродію, скажіть, будь ласка...*). А также иронично-шутливое обращение, исторические корни которого уходят в эпоху Запорожской Сечи, — *козаче*.

Отличную от остального славянского мира картину мы наблюдаем в современном русском узусе. Пришедшие на смену ушедшему идеологически окрашенному *товарищ* старые дореволюционные формы до сих пор так до конца и не прижились в обиходном языке. «Возвращённые» в русский язык старые формы обращения, такие как *господин*, *госпожа,* до настоящего времени большинством носителей русского языка ощущаются как чуждые. В некоторых случаях они даже несут на себе отпечаток «классового неравенства» в оппозиции «новая элита» — «простой народ» (нередко можно услышать ответную реакцию: «*Господа все в Париже!*» или «*Какой я вам господин?! Я товарищ*»), за исключением официальных обращений и обращений к иностранцам: *господин президент, госпожа канцлер*.

Возвращению старых форм русских обращений в современный язык мешают, в частности, нелингвистические факторы, поскольку, в отличие от традиционных универсальных обращений, употреблявшихся в других славянских языках, в русском языке аналогичных форм, по сути, никогда не существовало. Ввиду ярко выраженного классового устройства дореволюционного общества России, в котором большая часть населения представляло собой крестьянство и мещанство, обращения *господин / госпожа, сударь, сударыня, ваше благородие* и т. п. были иерархически весьма четко ограничены и являлись своеобразным маркером для отнесения лица к привилегированному классу (ср. обращения, которые были приняты в низших сословиях: *мил человек, тетенька, дяденька, батюшка* и т. п. или по именам).

По-прежнему достаточно широкое употребление в языковом обиходе имеют такие обращения-«монстры», как *мужчина* и *женщина* (нередко с интонацией раздражения), характерные скорее для просторечия и имеющие сильный вульгарный оттенок.

В этой связи интересно провести параллель с сербским языком и отметить, что аналогичные по характеру номинирования адресата обращения *čoveče*, *ženo* (фактически аналогичные русским ненормативным, просторечным *мужчина* и *женщина*) довольно широко используются как нейтральные и являются более непринужденными, чем *gospodine*, например, в кругу хорошо знакомых людей: *Šta želiš, čoveče?! Nemoj, čoveče, ja ću platiti kafu*, причем обращение *čoveče* может быть адресовано как мужчине, так и женщине (в противовес этому сравним старое русское обращение *человек* как обращение к обслуге). Часто встречается и нейтральная по стилю форма множественного числа для обращения к группе знакомых людей: *Ljudi, idemo kući!*, в то время как в русском языке форма обращения, например в таком контексте: *Люди, пошли в клуб!*, имеет характер больше разговорно-молодежного сленга. Полным функциональным аналогом сербскому обращению можно было бы назвать русское *Народ, встречаемся завтра в 5!*

Следует, однако, признать, что широко используемые сегодня в качестве обращений выражения *молодой человек* и *девушка* укоренились и расширили сферу своего употребления

в языковом обиходе, и их наличие в речи можно считать вполне «легитимным» и вполне удачным. «Обращение *молодой человек*, — по мнению В. А. Ефремова, — нередко выполняет ту же роль, что и *девушка* по отношению к женщине: это обращение к обслуживающему персоналу, в котором в принципе не актуализирована сема „лицо юного или молодого возраста“, а значение слова редуцировано до „представитель мужского или женского пола“ (аналогичным для XIX века было обращение *мальчик* по отношению к слуге мужского пола любого возраста)» [1: 55].

Рассмотрим ряд обращений в ситуации неформального общения и сопоставим в данном ключе русский и сербский языки, чтобы подчеркнуть существующий контраст в этикете обоих близкородственных народов. Что касается русского этикета, то тут мы наблюдаем бóльшую консервативность в выборе форм обращения, даже в непринужденном общении, поскольку русский этикет априори исключает фамильярность, которая, скорее, вызывает негативную реакцию у адресата и соответствующим образом характеризует самого адресанта, уровень его культуры (в том числе и языковой). С одной стороны, в компании хорошо знакомых людей у русских вполне нормальными считаются обращения 1) между лицами мужского пола: *брат, братан, старик, друзья, мужики, парень (парни), пацаны* и др.; 2) мужчин к женщинам: *девушка, подруга, девчонки, девчата* (причем независимо от возраста) и др.; 3) среди лиц женского пола: *подруга, девочки, девчонки, девки* и др.; 4) женщин к мужчинам: *молодые люди, мальчики, ребята* (независимо от возраста), *мужчины, мужики* (эта форма часто, в отличие от этого же обращения среди мужчин, может носить неодобрительный характер) и т. п. С другой же стороны, данные обращения по отношению к незнакомым людям являются фамильярными, их употребление нередко присуще маловоспитанным или асоциальным индивидам: ср.: *Мужик, где тут банкомат? Красавица, как тебя зовут, а, красавица? Лапонька, а чего мы такие грустные? Брат, выручи 10 рублями на метро! Эй, парень, угостишь даму коньяком?* Подобного рода обращения лежат в плоскости экспрессивного словоупотребления.

Говоря о проблеме обращений в современном русском языковом обиходе, интересно посмотреть на этикет обращения в родственном сербском языке, который, в отличие от русского, характеризуется почти полным отсутствием дистанцированности между говорящими, в том числе и незнакомыми (за исключением сугубо официального общения), и фамильярностью, которая воспринимается как норма и редко вызывает отрицательную реакцию у адресата. В первую очередь речь идет о дистанцированном русском *ВЫ* в отличие от сербского *ТЫ* — как обращение к незнакомому вне зависимости от его возраста (ср.: у А. С. Пушкина: «*Пустое вы сердечным ты она, обмолвясь, заменила*»). По словам сербского лингвиста М. Шипки, «нарушению общественно обусловленных и установленных правил употребления *ты* и *Вы* в Сербии в большой мере способствовало масштабное переселение жителей сельской местности в города. В деревнях жители, как знакомые, так и незнакомые, обращаются друг к другу на *ты*, и этот обычай был перенесен и в городские центры, в урбанистическую среду» [5: 220]. Этим же можно объяснить и разницу в восприятии неформальных форм обращения в русском и сербском узусе. Сравним для примера рус. *Эй, красавица, садись за наш столик!* — и серб. *Lepotice / srećo moja, donesi mi kafu*. Обращения *lepotice / srećo moja* — ‘красавица / счастье мое’ в отличие от русского *красавица, лапонька* и т. п. в сербском контексте не будут выражать ничего, кроме 1) обращения к женщине, 2) комплимента, 3) вежливой просьбы.

Внутреннее значение лексемы, выступающей в функции обращения, стирается почти полностью (как мы уже отмечали), благодаря чему в сербском возможны такие формы обращения даже среди незнакомых или малознакомых лиц, как *brate* (что интересно — в том числе и среди лиц женского пола, причем в разговорном языке данная форма выступает даже больше в качестве интенсификатора действия, чем самого обращения), *sine* (ласковое обращение к ребенку вообще, причем не обязательно к своему (в том числе и к дочери), *kume* (обращение среди мужчин), *čoveče/ljudi* (обращение среди лиц обоих полов,

подчеркивающее отсутствие дистанции), *dečko* (‘молодой парень’ — обращение к мужчине любого возраста, кроме пожилых, — ср. с русским *парень*), *devojko / devojčice* (досл. ‘девочка’, обращение к молодой девушке, в отличие от аналогичного русского), *momče / momci* (‘парень’ обращение женщины к мужчинам разного возраста).

Среди обращений со стертой семантикой можно назвать и такие, как *brko* (букв. ‘усач’ — обращение к мужчине), *zemljače* (обращение даже не к земляку, а, например, человеку из одной компании: *Halo, žemljače, a kusur?*), *mali / mala* (непринужденное обращение к мужчине / женщине со стертым внутренним значением: *Reci, mala, i kad već nisi mala...*), а также целый ряд самых разных по значению лексем, как правило, сочетающих в себе какое-либо позитивное значение и высокую стилистическую окраску, в частности: *Gde si* ***legendo****?! Kako si,* ***sokole****?! Šta činiš,* ***majstore****! Šta piješ,* ***direktore****!* и т. п., причём выбор формы обращения зачастую не объясним, а носит лишь характер непринужденности общения. Подобные широко распространенные употребления в живом языке сербская исследовательница М. Бабич относит к «семантически пустым вокативам», утратившим внутреннюю мотивировку, приобретя при этом экспрессивно-эмоциональный оттенок значения [4: 55].

Фамильярность как норма общения и сведенная до минимума дистанцированность между участниками диалога в сербском узусе обусловливает частотность употребления таких метафоричных форм обращения как к знакомым, так и малознакомым людям, которые заключают в себе эмоционально-экспрессивное отношение адресанта и не вызывают негативной реакции у адресата (порой сложно переводимые на русский ввиду отсутствия в русском контексте подобного социолингвистического эквивалента). Среди них можно назвать такие наиболее частотные употребления, как: *Odakle dolaziš,* ***srećo****?* ***Care****, gde ideš sutra?* ***Kralju****, kde si bio juče? Gde da idemo,* ***Indijanac*** *moj? Gde ste vi, dragi* ***klošari****?* (букв. ‘бомж, бродяга’, в обращении выступает в качестве «семантически пустого вокатива» с яркой экспрессивной окраской), *Gde si,* ***mačko****?* (непринужденное обращение к девушке; букв. ‘кошка’), *Dunjo moja* (устойчивое поэтическое обращение к женщине; букв. ‘айва’) и мн. др.

Представленный нами русский материал в сопоставлении с аналогичными явлениями в близкородственных славянских языках позволяет шире взглянуть на изучаемую проблему и сопоставить, как разные языки заполняют такую экспрессивно-эмоциональную и универсальную категорию, как обращение.

В заключение отметим, что сербский путь развития данной категории никак не может служить примером для подражания в русском языке ввиду разности общепринятого этикета общения: русская «дистанцированность», чёткое деление на «официальность» / «полуофициальность» и «неофициальность» коммуникативной ситуации, противопоставлена сербской непринужденности, а соблюдение строгих рамок приличия в общении у русских — сербской фамильярности как общепринятой норме языкового поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефремов В. А.* Речевой этикет: обращения в современной речи // Русская речь. 2009. № 6. С. 53–59.

2. *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008. С. 78.

3. *Лукоянова Ю. К.* Основные изменения в русском речевом этикете на рубеже XX–XXI веков // Ученые записки Казанского ун-та. Т. 153, кн. 6: Гуманитарные науки. 2011. С. 227–233.

4. *Бабић М.* Вокатив као средство за изражавање експресивности // Динамика структура савременог српског језика. Источно Сараево, Филозофски ф-т. Пале, 2011.

5. *Шипка М.* Култура говора. Нови Сад, 2011.

REFERENCES

1. Efremov V. A. (2009) Rechevoi etiket: obrashcheniia v sovremennoi rechi [Speech etiquette: forms of address in modern speech]. *Russkaia rech' [Russian speech]*, no. 6, pp. 53–59. (in Russian)

2. Krongauz M. A. (2008) *Russkii iazyk na grani nervnogo sryva [Russian language on the verge of a nervous breakdown]*. Moscow (in Russian)

3. Lukoianova Iu. K. (2011) Osnovnye izmeneniia v russkom rechevom etikete na rubezhe XX–XXI vekov [Major changes in the Russian speech etiquette at the turn of XX–XXI centuries]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Scientific notes of the Kazan University]*, vol. 153, book 6: Gumanitarnye nauki [Humanities], pp. 227–233. (in Russian)

4. Babich M. (2011) Vokativ kao sredstvo za izrazhavanje ekspresivnosti [Vocative as a means of expressing the expressiveness]. In: *Dinamika struktura savremenog srpskog jezika [Dynamics of the structure of the modern Serbian language]*. East Saraevo, Pale. (in Serbian)

5. Shipka M. (2011) *Kultura govora [Culture of Speech]*. Novi Sad. (in Serbian)

Ли Янь

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА НОМИНАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЫ КНР «ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ» В ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛАХ РОССИЙСКИХ СМИ

LI YAN

THE FRAME STRUCTURE OF NOMINATION OF THE CHINESE STATE INITIATIVE "ONE BELT, ONE ROAD" IN THE RUSSIAN MASS MEDIA TEXTS

Работа посвящена анализу языковых средств вербализации в русском новостном газетном дискурсе фреймовой структуры номинации стратегии «Один пояс — один путь», предложенной КНР. Показывается многокомпонентная и многоярусная структура, в которой фреймы называют тактики осуществления стратегии, а единицы, содержащиеся в слотах, конкретизируют исполнение тактик.

Ключевые слова: «Один пояс — один путь»; фрейм; слот.

The article analyses the linguistic means of verbalization of the frame structure of nomination of "One Belt, One Road" Chinese State Initiative in Russian newspaper discourse, demonstrating its multi-component structure, where the frames represent tactics of the strategy implementation, and the slot units concretize the implementation of tactics.

Keywords: "One Belt One Road"; frame; slot.

1. Постановка проблемы

Среди появившихся в русской прессе понятий, отражающих российско-китайские связи, наибольшую значимость в последние годы приобрела номинация выдвинутой КНР стратегии «Один пояс — один путь». В номинации лежит идея Великого шелкового пути, соединявшего страны Евразии — от Западной Европы до Китая. Сегодня Великий шелковый путь начал символизировать взаимодействие Востока и Запада и стал мыслиться китайцами как общее историческое и культурное достояние всех стран мира. Не случайно выдвинутая в 2013 году Председателем КНР Си Цзиньпином стратегическая программа, суть которой заключается в укреплении действующих региональных двусторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействия при участии Китая, получила название «Один пояс — один путь» [4; 6: 391]. На основе продолжения и развития духа Древнего шёлкового пути стратегия «Один пояс и один путь» призывает к выработке новых механизмов регионального экономического партнерства, стимулированию экономического процветания вовлеченных стран, укреплению культурных обменов и связей во всех областях между разными цивилизациями, а также содействию мира и устойчивого развития [10]. Принципами Стратегии называются открытость, согласие и толерантность, инклю-

Ли Янь

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

Сямэньский университет

ул. Сыминь (Юг), д. 422, город Сямэнь, провинция Фуцзян, 361005, Китайская Народная Республика

► Liyan386@mail.ru

Li Yan

Xiamen University

No 422, Siming South Road, Xiamen, Fujian, 361005, P. R. China

This research topic is sponsored by Fujian Social Sciences Planning Program (No. 2013C082), Constructing the Test System of Professional Certification in Interpretation, and National Social Science Fund (No. 13BYY043), Xiamen University Fund for Prospering Philosophy and Social Science (No. 0650-Y07200)

зивность разных цивилизаций, уважение выбора пути и модели развития каждого государства, находящегося на этом пути. Активизация межцивилизационного диалога, стремление к общности при сохранении различий, взаимозаимствование полезного, расширение гуманитарных обменов, мирное сосуществование и общее процветание объявляются способами реализации указанных принципов [7].

Китай, внедряя свою государственную инициативу, предложил ряд тактик ее реализации, важнейшие среди них: 1) интегративная коммуникация между странами, предполагающая обмен мнениями между народами; 2) формирование инфраструктуры интегрирующей страны; 3) организация беспрепятственной торговли между странами; 4) финансовое взаимодействие. В работах отмечалось, что эта беспрецедентная программа по масштабам, охватывая так много стран, народов и отраслей сотрудничества, изменила структуру и способы китайской внешнеполитической пропаганды [11].

Продвижение такой инициативы со стороны Китая не могло не отразиться и на газетном дискурсе ближайшего соседа КНР — России. По нашим наблюдениям, утверждение этого понятия в русскоязычном новостном дискурсе в значительной мере меняет тональность его звучания, переводя в целом агональный дискурс в иной режим — сотрудничества, благожелательного, уважительного отношения к другому. Установка на сотрудничество проявляется в соответствии коммуникативного процесса речевому коду межкультурной коммуникации — «исторически сложившейся и конвенционально обусловленной системе лингвистических и паралингвистических знаков и правил, релевантных при трансляции и воспроизведении ключевых идей языковой картины мира» [8: 4].

2. Фреймовая структура «Один пояс — один путь» в массмедийном дискурсе России

По мнению ряда исследователей (Н. Н. Болдырев, М. В. Никитин, В. Н. Телия и др.), фрейм является наиболее удобным способом представления знаний, наиболее универсальной когнитивной моделью, обладающей четкой структурой. В качестве элементов фрейма выделяются слоты (в терминологии М. Минского — терминалы), каждый из которых ориентирован на конкретизацию какого-либо одного аспекта фрейма посредством заполнения «характерными примерами и данными». Слоты фрейма заполнены заранее заготовленными значениями. Слот — это определенные условия, способствующие раскрытию, конкретизации фрейма.

Исследуемая фреймовая структура в языковом плане представлена не одним словом, а устойчивым, типизированным сочетанием — «Один пояс — один путь». Анализ типовых репрезентаций указанной номинации и ее синонимов позволяет выявить и систематизировать лексические единицы в составе семантически заряженных фрагментов языковой ткани — «речевых контурах» [9: 39]. Подвергая контекстуальному анализу средства репрезентации рассматриваемой структуры в целом тексте, мы обнаружили, что они представляют собой такие своеобразные речевые контуры.

Источником материала послужил Национальный корпус русского языка (http://ruscorpora.ru/), а также сообщения «РИА Новости» за 2017 год. Анализ примеров речевой вербализации лексем, обозначающих данную стратегию, позволяет выделить следующие шесть фреймов, образующих фреймовую структуру «Один пояс — один путь», в русскоязычных газетных текстах. Эти фреймы можно разделить на две группы: выражающие информационное и интерпретационное содержание. Рассмотрим указанные группы фреймов.

Фреймы, раскрывающие информационное содержание

Первый фрейм содержит синонимы номинации тактики «интегративная коммуникация между странами». Все словосочетания фрейма возможно распределить по трем слотам (выражают главный и дополнительные значения фрейма), в которых отражаются характеристики интегративной коммуникации:

– первый слот раскрывает суть фрейма, называя формы и пространственные горизонты коммуникатив-

ного взаимодействия: «*межконтинентальный, межрегиональный диалог*», «*всеобъемлющие переговоры*», «*многоуровневые платформы и многосторонние консультации*», «*азиатский диалог по сотрудничеству*», «*форум на региональном и субрегиональном уровнях*», «*обсуждают*» *на площадке ЮНИДО*», «*интенсивный политический диалог*»;

– второй слот — цели и результаты коммуникации: «*культурная толерантность*», «*создание масштабного евразийского партнерства*», «*формирование широкого интеграционного контура*», «*гуманитарное общение*», и «*содействовать культурному развитию*», равноправные переговоры», «*усиление коммуникационной составляющей сотрудничества*», «*укрепление связей между людьми*», «*упрочить социальную базу дружбы*», «*содействие интеграции международного сообщества*»;

– третий слот — содержательные стороны коммуникации: «*обмен опытом*», «*план на благо и процветание развития всех стран*», «*обмен мнениями*», «*ознакомиться с самобытной культурой наших стран*», «*духовного обогащения региона*», «*пересечение разных культур*», «*обмена культурными и духовными ценностями*», «*культурный обмен*», «*обсуждают решения*», «*многополярность общения*».

Второй фрейм включает слоты, отражающие еще одну тактику указанной стратегии — создание международной инфраструктуры:

– отражение пространства таких отношений: «*углубление регионального сотрудничества*», «*сотрудничество Юг-Юг*», «*региональная интеграция*»;

– указание на формы создания инфраструктуры: «*совместное строительство*», «*выступать за гармонизацию региональных экономических форматов*», «*модернизировать свою инфраструктуру*», «*реконструкция систем уличного освещения*», «*оптимизирована конфигурация международных коридоров*», «*сфера транзитных перевозок*», «*план сопряжения инфраструктурной программы*», «*строительство автомагистрали „Север-Юг“*», «*расширение хорватского порта*», «*Евро-Азиатская транспортная магистраль*», «*строительство автодорог Север — Юг*», «*транспортная артерия*», «*создание высокоскоростного транспортного коридора*», «*развитие транспортных магистралей*», «*оптимальное наземное транспортное звено*»;

– сообщение о целях исполнения тактики: «*связать и объединить страны*», «*совместимость всего региона*», «*интеграционные форматы*», «*объединение китайской экономики с интересами вовлеченных государств*», «*способствовать более эффективному распределению ресурсов в регионе*», «*способствовать взаимовыгодному обмену и дополнению преимуществ*», «*создание оптимального распределения экономических ресурсов в регионе*», «*международное интеграционное экономическое объединение*» и другие.

Третий фрейм — организация беспрепятственной торговли между странами — включает три слота:

– первый (основной) называет процесс торговой интеграции: «*торгово-экономическое сотрудничество*», «*расширение многопланового сотрудничества*», «*экономическая интеграция*», «*экономическое взаимодействие*», «*взаимное обучение и взаимная выгода*», «*оптимизация пространственной структуры экономического развития*», «*укрепление рыночной интеграции*», «*прямые поставки товаров с Востока на Запад*»;

– второй (дополнительный) — приемы осуществления тактики: «*в условиях льготного налогообложения*», «*преференциальный торговый режим*», «*региональные торговые соглашения*», «*на льготных условиях*», «*свободная торговля*», «*коммерческая интеграция*», «*торгово-экономические блоки*»;

– третий (дополнительный) — место и результаты осуществления тактики: «*перекрестье торговых путей*», «*обоюдная выгода*».

Четвертый фрейм — финансовое взаимодействие — состоит из двух слотов:

– номинации финансовых инструментов организации сотрудничества: «*финансовые нормативы*», «*укрепление инвестиционного сотрудничества*», «*бондовая зона*», «*финансовое обеспечение проектной деятельности*», «*увеличение налоговых доходов*», «*общая сумма инвестиций*», «*укрепление инвестиционного сотрудничества*»;

– номинации форм и субъектов посредничества: «*межбанковское объединение*», «*крупнейший торговый партнёр*», «*торгово-экономический партнер*».

Фреймы, раскрывающие интерпретационное содержание

Пятый фрейм — «открытость, инклюзивность разных цивилизаций» — включает два слота:

– первый (главный) слот содержит контуры, которые выражают значение, по Бергсону, свойства «коллектива, не обособляющего себя от человечества и целого мира» [1: 6]: «*связи со всеми странами*», «*налаживание взаимосвязей между странами Евразии*», «*присоединение всех заинтересованных стран*», «*всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство*», «*открытая и экономическая дипломатия*», «*соединившие различные субрегионы*», «*взаимное познание*», «*политическое взаимное доверие*», «*поддерживать конкурентноспособность идей развивающихся стран*», «*гармоничное, инклюзивное межрегиональное развитие*»;

– второй слот содержит словосочетания, называющие условия осуществления открытости: «*принцип прозрачности*», «*принцип транспарентности*», «*уча-*

стие всех членов международного сообщества», «расширение масштабов своей открытости внешнему миру», «экономическая взаимодополняемость», «особые, стратегические отношения», «политическое взаимодоверие», «партнерство гармоничное», «значительная инклюзивная платформа», «формирование благоприятного общественного мнения».

Шестой фрейм со значением *согласие* включает также два слота:

– первый содержит единицы, выражающие значение «единомыслия, единодушия, общности точек зрения; взаимной договоренности» [5]: *«сотрудничество», «многосторонние форматы сотрудничества», «гуманитарное сотрудничество», «двусторонние дружественные отношения» «координация имеющихся форм», «координация политических усилий», «поддержка межконтинентального, межрегионального диалога между странами», «переговоры и обмен», «оптимистический лад»*;
– второй — единицы со значением «взаимоуважение», «мирные, дружественные отношения» [Там же]: *«тесное взаимодействие», «улучшение координации усилий заинтересованных сторон», уважение выбора пути и модели развития каждого государства», «на принципах взаимного уважения», «уважение интересов друг друга», «с учетом интересов всех участников» «взаимовыгодное сотрудничество», «взаимовыгодные условия».*

3. Функционирование фреймовой структуры «Один пояс — один путь» в газетном тексте

Анализ текстов показывает, что участие выделенных единиц придает этим текстам особую текстовую тональность [3: 120–121]. В силу ограниченности объема статьи приведем две публикации: 1) «Россия ведет переговоры с Китаем о сопряжении с проектом „Шелковый путь“» (27.10.2016); 2) «Эксперты: более шести миллиардов человек будут жить в городах к 2045 году» (20.10.2016).

Текст 1. «Россия ведет переговоры о сопряжении с реализуемым Китаем проектом „**Шелковый путь**“ для создания **масштабного евразийского партнерства**», — сказал президент РФ Владимир Путин на пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай».

«Региональные торговые соглашения должны дополнять, развивать, а не подменять универсальные нормы и правила. Россия выступает за гармонизацию региональных экономических форматов на основе **принципов прозрачности и уважения интересов друг друга**. Именно там мы выстраиваем деятельность Евразийского экономического союза, ведем переговоры с нашими партнерами, в том числе, о сопряжении с реализуемым Китаем проектом... „Шелкового пути“», — сказал Путин.

«Рассчитываем, что это позволит создать **большое евразийское партнерство**, которое в перспективе тоже превратится в один из центров формирования в Евразии **широкого интеграционного контура**. Для воплощения этой идеи уже начаты переговоры формате 5+1 по **соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между всеми участниками** этого процесса», — добавил он.

Китай в 2013 году объявил о **новой стратегии экономического развития «Один пояс — один путь»**, направленной на **создание инфраструктуры и налаживание взаимосвязей между странами Евразии**. **Стратегия включает** два ключевых направления развития**: экономический пояс Шелкового пути и морской Шелковый путь**. Речь идет о создании **торгового коридора** для **прямых поставок товаров с Востока на Запад на льготных условиях** («РИА Новости», https://ria.ru/economy/20161027/1480148709.html).

В данном тексте использованы речевые контуры первого фрейма: *шелковый путь масштабного евразийского партнерства, большое евразийское партнерство, широкий интеграционный контур, переговоры в формате 5+1, новая стратегия экономического развития «Один пояс — один путь», экономический пояс Шелкового пути, морской Шелковый путь, ведем переговоры.* Из речевых контуров второго фрейма использованы следующие: *создание инфраструктуры, налаживание взаимосвязей между странами Евразии.* Из речевых контуров третьего фрейма: *региональные торговые соглашения, соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между всеми участниками торгового коридора, прямые поставки товаров, с Востока на Запад, на льготных условиях.* Фреймы, отражающие интерпретационное содержание, в этом тексте представлены следующими контурами: *гармонизация экономических форматов, принцип прозрачности и уважения интересов друг друга, дополнять, развивать, а не подменять.*

Текст 2. По словам гендиректора ЮНИДО, «**инициатива „Один пояс — одна дорога“** подчеркивает **гармоничное, инклюзивное межрегиональное развитие** за счет **продвижения сотрудничества „Юг-Юг“**». «Мы поддерживаем **экономическое развитие и конкурентноспособность идей развивающихся стран**. **Инициатива „Один пояс — одна дорога“** нацелена на **поддержку межконтинентального, межрегионального диалога** ме-

жду странами, давая возможность принять участие в **региональном сотрудничестве и модернизировать свою инфраструктуру, способствовать торговле и инвестициям, укреплять финансовые нормативы, содействовать культурному развитию**», — добавил он.

Как рассказал РИА Новости Олег Полумордвинов — глава администрации Астрахани, единственного представленного на конференции российского города, «то, что более трех четвертей населения, особенно Азиатско-тихоокеанского региона, будут жить в городах, накладывает на руководство этих городов дополнительную ответственность».

Он напомнил, что Астрахань всегда находилась на **перекрестье торговых путей**, в частности **Шёлкового пути**, «а сегодня город является столицей России на Каспии, где у нас очень **тесные связи** со всеми странами и через нас могли бы пройти те технические решения, которые **обсуждают на площадке ЮНИДО**» («РИА Новости», https://ria.ru/world/20161020/1479665531.html).

Во втором тексте весьма активно используются речевые контуры, представляющие фреймы информационного плана: первый фрейм *(инициатива «Один пояс — одна дорога», продвижение сотрудничества «Юг-Юг», экономическое развитие межконтинентального, межрегионального диалога, региональное сотрудничество, обсуждают на площадке ЮНИДО)*, второй (*модернизировать свою инфраструктуру, технические решения*) и третий (*способствовать торговле и инвестициям укреплять финансовые нормативы, перекрестье торговых путей*) фреймы. Оценочное содержание представлено следующими контурами: *гармоничное, инклюзивное межрегиональное развитие, конкурентноспособность идей, тесные связи.*

Выводы

Фреймовая структура номинации коммуникативной стратегии «Один пояс — один путь» раскрывает предложенную КНР инициативу международного развития. Специфичность материала потребовала выработки специфического подхода: рассматриваются развернутые словосочетания — так называемые речевые контуры. Анализ текстов показывает, что в современном российском газетном дискурсе фреймовая структура номинации коммуникативной стратегии «Один пояс — один путь» не просто присутствует, но и образует дискурсную, межтекстовую структуру [2: 333], метасмыслами которой являются элементы, номинирующие и описывающие тактики ее реализации. Анализ показал, что фреймовая структура состоит из нескольких компонентов, представленных отдельными фреймами, называющими тактики осуществления стратегии, каждый из которых, в свою очередь, разделяется на слоты. Фрейм «Один пояс — один путь», выражаясь во множестве словесных сочетаний (по Б. Гаспарову — «речевых контурах»), структурирует рассматриваемые тексты в информационном и интерпретативно-оценочном аспектах, выступая как текстостроительным, так и интердискурсивным материалом. Использование выделенных в результате анализа «контуров», «опоясывающих» тексты и гармонизирующих их тональность, делает новостной российский дискурс дружелюбным, усиливает его диалогический тонус.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бергсон А.* Два источника нравственности и религии. М., 1932.

2. *Дускаева Л. Р.* Интенциональность журналиста и стилистико-речевые разновидности медиадискурса // Коммуникация. Мышление. Личность. Саратов, 2012. С. 333–339.

3. *Дускаева Л. Р., Протопопова О. В.* Сводки Совинформбюро 1941–1945: своеобразие выражения тональности // Медиалингвистика. 2015. № 4. С. 119–128.

4. *Ковалев А.* Китайский «Шелковый путь»: как объединить три континента // «Ruposters.ru». 28 мая 2015 г. URL: https://ruposters.ru/news/28–05–2015/kitajskij-shelkovyj-put-kak

5. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. URL: http://enc-dic.com/kuzhecov/Soglasie-48168.html

6. *Лю Цзея.* Стратегии развития нового Шелкового пути в XXI веке // Молодой ученый. 2015. № 15. С. 391–394.

7. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Документ Госкомитета по делам развития и реформ, Министерства иностранных дел и Министерства коммерции КНР (издано с санкции Госсовета КНР), март 2015.

8. *Цветова Н. С.* Коммуникативный потенциал современной российской этножурналистики // Мир лингвистики и коммуникации: Электронный науч. журн. 2014. № 35. С. 78–85.

9. *Gasparov B.* Speech, memory, and meaning: intertextuality in everyday language. Berlin; New York, 2010.

10. Си Цзиньпин: «И дай и лу» гоусян чжаньлюэ ии шэньюань [Си Цзиньпин: «Один пояс и один путь» име-

ет большое стратегическое значение)] // Гоцзи цзайсянь [«Международный Онлайн»]. 10.10.2014 (на китайском языке; 习近平»一带一路»构想战略意义深远. 国际在线, 2014年10月10日.)

11. *Чжоу Кэй.* Цюаньцюхуа бэйцзин ся «И дай и лу» цзяньшэ дэ дуйвай чуаньбо [Инициатива международного общения «Один пояс — один путь» на фоне глобализации] // Дуйвай чуаньбо [Внешние связи]. 2015. № 3. (на китайском языке; 周凯. 全球化背景下"一带一路"建设的对外传播.对外传播, 2015 (3)).

REFERENCES

1. Bergson A. (1932) *Dva istochnika nravstvennosti i religii [Two sources of morality and religion]*. Moscow. (in Russian)

2. Duskaeva L. R. (2012) Intentsional'nost' zhurnalista i stilistiko-rechevye raznovidnosti mediadiskursa [The intentionality of the journalist and stilistik speech varieties of media discourse]. In: *Kommunikatsiia. Myshlenie. Lichnost' [Communication. Thinking. Personality]*. Saratov, pp. 333–339. (in Russian)

3. Duskaeva L. R., Protopopova O. V. (2015) Svodki Sovinformbiuro 1941–1945: svoeobrazie vyrazheniia tonal'nosti [Sovinformburo 1941–1945: the originality of the expression]. *Medialingvistika [Media linguistics]*, no. 4, pp. 119–128. (in Russian)

4. Kovalev A. (2015) Kitaiskii «Shelkovyi put'»: kak ob"edinit' tri kontinenta [Chinese silk road: how to combine three continents]. *"Ruposters.ru"*. May, 28, 2015. Available at: https://ruposters.ru/news/28–05–2015/kitajskij-shelkovyj-put-kak (in Russian)

5. Kuznetsov S. A. (1998) *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language]*. St. Petersburg. Available at: http://enc-dic.com/kuzhecov/Soglasie-48168.html (in Russian)

6. Liu Jieya (2015) Strategii razvitiia novogo Shelkovogo puti v XXI veke [Development strategy of the new silk road in the XXI century]. *Molodoi uchenyi [Young scientist]*, no. 15, pp. 391–394. (in Russian)

7. *Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deistviia po sovmestnomu sozdaniiu Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka. [Excellent prospects and practical steps for the joint development economic zone of the silk road and sea silk road of XXI century]* (2015) (Dokument Goskomiteta po delam razvitiia i reform, Ministerstva inostrannykh del i Ministerstva kommertsii KNR (izdano s sanktsii Gossoveta KNR), mart [The document of the State Committee of development and reform, the Ministry of foreign Affairs and the Ministry of Commerce of China (published with the approval of the state Council of the PRC), March]). (in Russian)

8. Tsvetova N. S. (2014) Kommunikativnyi potentsial sovremennoi rossiiskoi etnozhurnalistiki [Communicative potential of the modern Russian etnoturistic]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: Elektronnyi nauchnyi zhurnal [World of linguistics and communication: Electronic scientific journal]*, no. 35, pp. 78–85. (in Russian)

9. Gasparov B. (2010) *Speech, memory, and meaning: intertextuality in everyday language.* Berlin; New York. (in English)

10. Xi Jinping: «Yidai Yilu» gouxiang zhanlu:e yiyi shenyuan [Xi Jinping: «One belt and one road» is great strategic importance] (2014). *Guoji zaixian [International Online]*, 10.10.2014 (习近平»一带一路»构想战略意义深远. 国际在线, 2014年10月10日.) (in Chinese)

11. Zhou Kai (2015) Quan qiuhua Beijing xia "Yidai yilu" jianshe dedui waichuan bo [An initiative of the international communication «One belt and one road» on the background of the globalization]. *Duiwai chuanbo [External relations]*, no. 3. (周凯. 全球化背景下"一带一路"建设的对外传播.对外传播, 2015 (3)). (in Chinese)

[представляем новые книги. рецензии]

НОВОЕ В ПАРЕМИОЛОГИИ

(Начало на с. 22, 38. Окончание на с. 55)

„чужеродности" отдельных компонентов — втягиваемых (даже по ошибке) в орбиту паремийной вариантности, имеет шанс прижиться в ней, получить статус субститута» (с. 175).

Особый интерес паремиологов может вызвать введенный автором в научный оборот термин «пословичный конденсат» — промежуточное звено между обозначаемой пословицей ситуацией и самой паремией, «двухкомпонентное (реже — трехкомпонентное) безóбразное выражение, отражающее в конденсированном виде значение пословицы» (с. 141). Понятие пословичного конденсата способствует решению извечного вопроса о разграничении пословиц и поговорок: позволяет понять, почему нецелесообразно разграничение пословиц и поговорок по линии «образное — необразное», что в свое время было предложено известными паремиологами В. П. Жуковым и Г. Л. Пермяковым.

Наличие конденсата, стоящего за развернутым толкованием пословицы, позволяет объяснить и некоторые явления вариантности паремий. Существование пословичных конденсатов Е. И. Селиверстова относит к чертам стабильности в паремике и в то же время обоснованно утверждает, что именно они обеспечивают пословичную динамику — легкость взаимозамен компонентов пословицы и «тиражирование» синонимичных паремий с близкой структурой (механизмы образования вариантов и объединения их пословичным конденсатом показаны на материале нескольких славянских языков и современных пословичных трансформов).

Представив целостную систему механизмов, регулирующих варьирование в паремийном пространстве, автор в следующей главе своего исследования детально рассматривает явления иного порядка, также обеспечивающие стабильность пословичной структуры. Наличие определенного набора пословичной лексики, отбираемой и «санкционируемой» народной традицией, повторяющихся, типовых пословичных элементов и целых фрагментов, частотность определенных синтаксических и структурно-семантических моделей паремий — все эти явления обеспечивают регулярность паремиообразовательных процессов, легкость образования новых пословиц. Автор демонстрирует это на богатейшем иллюстративном материале.

Одним из интереснейших и важных, на наш взгляд, наблюдений Е. И. Селиверстовой является биноминальная (бинарная) структурируемость пословиц, которая, по наблюдениям автора, хотя и не является единственным универсальным принципом построения пословиц, тем не менее распространяется на весьма значительную часть паремийных единиц. Поэтому биномы занимают особое место в ряду типовых элементов, за которыми в пословицах закрепляется стабильная функция, реализующаяся во многих единицах. Биномы, по определению авто-

Н. Ю. Борисенко

СЛОВАРЬ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ БУДУЩИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

NATALIA YU. BORISENKO

DICTIONARY OF FIGURATIVE COMPARISONS AS LINGUOCULTURAL AND LEXICOGRAPHIC DRAFT FOR FUTURE TEACHERS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

В статье представлена модель формирования лингвокультурографических навыков иностранных магистрантов, осваивающих теорию и методику обучения русскому языку. Показаны возможности их обучения отбору, комментированию и лексикографическому описанию этнокультурно маркированных языковых единиц на материале художественного текста.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; лексикография; лингвокультурология; образные сравнения.

The article presents the model of formation of linguocultural and lexicographic skills of foreign undergraduates studying the theory and methodology of Russian language teaching, and shows the possibilities of their training in the areas of selection, commenting and lexicographic description of ethnoculturally marked linguistic units on material of a literary text.

Keywords: Russian as a foreign language; lexicography; linguoculturology; figurative comparisons.

Наталья Юрьевна Борисенко
Аспирант
Псковский государственный университет
пл. Ленина, д. 2, Псков, 180000, Россия
▸ natalikozlowa@rambler.ru

Natalia Yu. Borisenko
Pskov State University
2, Lenina pl., Pskov, 180000, Russia

Научный руководитель: д-р. филол. наук, проф. Т. Г. Никитина

Сравнение — древнейший способ познания действительности и яркое, образное языковое средство ее оценки. В. М. Огольцев отмечает, что устойчивые сравнения (УС) «образуют особый, компаративный, пласт русской фразеологии» [10: 5]. В. М. Мокиенко также признает УС фразеологизмами: «Устойчивые сравнительные обороты составляют внушительную часть фразеологического фонда русского языка» [7: 131].

Л. А. Лебедева одной из первых предложила толкование термина *устойчивое сравнение* как «особого языкового явления, особой языковой единицы, наделенной сравнительным значением и особой формой его выражения, соотносимой с логической формулой сравнения А — С — В» [4: 10]. По мнению В. М. Мокиенко, в состав устойчивого сравнения входят два компонента логической формулы сравнения (эталон, основание), а также союз, являющийся семантическим маркером сравнения (*хитрый как лиса*). Сравнения ярко, наглядно, экспрессивно характеризуют человека, явления действительности, повседневные ситуации, «их образы черпаются из наиболее актуальных и традиционных сфер жизни и деятельности человека» [8: 4].

В. Н. Телия называет утойчивые сравнения традиционными, т. е. воспроизводимыми из поколения в поколение, или эталонными. «Эталонизированные представления» в устойчивых сравнениях «как бы «задают» образцы здоровья, красоты, глупости и т. д.» [12: 241–242]

В. М. Огольцев помимо таких общенародных устойчивых оборотов выделяет образные индивидуально-творческие сравнения [10: 5]. В семантической структуре и тех, и других закодирована культурно значимая информация, раскрыть которую оказывается возможным в ходе лингвокультурологической интерпретации данных единиц в словаре.

Наиболее употребительные УС традиционно включаются в толковые (не фразеологические) и (в большем объеме) во фразеологические одноязычные и переводные словари. В последние десятилетия стали появляться и специальные словари сравнений [1; 5; 8; 10], в том числе двуязычные [3; 9; 13].

Наиболее полным словарем узуальных русских сравнений является «Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический)» В. М. Огольцева, который включает около 2000 единиц и базируется на картотеке, насчитывающей более 60 000 цитат, извлеченных из художественных, мемуарных, эпистолярных и публицистических произведений от А. С. Пушкина до наших дней) [10]. В «Большом словаре русских народных сравнений» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [8] представлены как устойчивые, так и окказиональные сравнения, функционирующие в литературном языке, народных говорах, молодежном сленге, профессиональной речи и других сферах. Это самый объемный в русской лексикографии словарь сравнений, содержащий около 45 тысяч единиц.

Особую значимость приобретает лексикографическая репрезентация УС иностранным студентам и школьникам, изучающим русский язык. Фразеологизмы являются сложным для усвоения видом языковых единиц и в то же время эффективным средством ознакомления иностранцев с русской культурой, они несут в себе информацию о традициях, обычаях народа — носителя изучаемого языка. Богатый материал для репрезентации иностранцам русской культуры дают образные сравнения, как устойчивые, так и индивидуально-авторские, встречающиеся в художественном тексте. Однако если УС частично разработаны в учебных словарях [3; 5], то индивидуально-авторские сравнения еще не становились объектом лексикографического описания и лингвокультурологического словарного комментирования. Таким образом, при организации работы с текстом в иноязычной аудитории преподаватель русского языка как иностранного (РКИ) не может рассчитывать на готовые словарные материалы, репрезентирующие в лингвокультурологическом плане разные типы образных сравнений, как и многие другие этнокультурно маркированные языковые единицы. Он должен разрабатывать собственные комментарии, в том числе и в форме словарных статей, наиболее удобной для самостоятельной работы учащихся с художественным текстом. Таким образом, нам представляется целесообразным формирование лингвокультурографических навыков будущих преподавателей РКИ в период их обучения в вузе.

Говоря о лингвокультурографических навыках, мы понимаем лингвокультурографию как теорию и практику составления словарей лингвокультурологического типа [2: 222], а к навыкам, которыми должны овладеть будущие преподаватели РКИ, относим:

- навыки отбора и систематизации этнокультурно маркированных лексических и фразеологических единиц, в том числе из художественного текста;
- навыки лингвокультурологического комментирования этнокультурно маркированной лексики и фразеологии;
- навыки составления словарных статей, репрезентирующих материал в лингвокультурологическом аспекте.

В совокупности с теоретическими знаниями из области лингвокультурологии и лексикографии эти профессиональные навыки составляют параметры лингвокультурографической компетенции преподавателя РКИ. Ее формирование было целью нашего методического эксперимента, проведенного в полиэтнических группах магистрантов 1-го курса профиля «Теория и методи-

ка обучения русскому языку как иностранному» Псковского государственного университета.

В рамках элективного курса «Учебная лексикография» магистрантам предлагается ряд практико-ориентированных занятий по лексикографированию образных сравнений художественного текста. Теоретическая часть цикла (интерактивные лекции) обеспечивает подготовку магистрантов по основным вопросам лингвокультурологии и лингвокультурографии, позволяет расширить объем их лингвистических знаний в сфере образных сравнений и непосредственно фразеологический запас магистрантов-иностранцев.

Результатом изучения научно-методической литературы и знакомства магистрантов со словарями сравнений становится вывод о необходимости создания лингвокультурологического словаря для иностранцев (в первую очередь — для студентов российских вузов) на материале образных сравнений (как узуальных, так и индивидуально-авторских), используемых в произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского и других, рекомендованных для изучения на предвузовском этапе обучения [11] и входящих в программы по русской литературе 1–2-го курсов педагогических факультетов, что обеспечивает практическую ценность создаваемых словарных материалов, тут же внедряющихся в учебный процесс бакалавриата и курсов предвузовской подготовки.

Практическую часть реализации этого группового лингвокультурографическго проекта предваряет анализ разработанных нами в качестве образца словарных статей. В ходе анализа выявляется оптимальная для словаря сравнений структура статьи и принципы разработки каждой из параметрических зон: 1. Заголовочная единица (ее представляет УС со структурой *основание сравнения + как + объект сравнения* или *основание сравнения + объект сравнения* (в творительном падеже). 2. Семантизация сравнения (строится на основе формулировок отечественных фразеологических словарей с учетом контекста употребления оборота). 3. Пометы (*неодобр., одобр., шутл., ирон.* и др.) вводятся для уточнения эмотивно-оценочных коннотаций оборота. 4. Примеры употребления сравнения в тексте (отбираются таким образом, чтобы сравнение могло быть семантизировано по представленному контексту). 5. Лингвокультурологический комментарий отдельных компонентов сравнения и образа в целом (приводится под знаком (<), разрабатывается по материалам энциклопедических, лингвострановедческих, этнографических словарей, научных статей и монографий по лингвокультурологии, историко-этимологических исследований фразеологии).

Основы лексикографической концепции словаря образных сравнений представим на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», из которого магистрантами по формальному признаку (союз *как*) было отобрано 55 образных сравнений. Узуальные УС, статус которых был установлен по данным словарей В. М. Огольцева [10] и Л. А. Лебедевой [5], составили здесь 40%, среди них были выделены УС, используемые в исходной форме: *белый как полотно, носиться как курица с яйцом, спать как сурок, мелькнуть как молния, пойти как по маслу, дрожать как в лихорадке, ясный как день, мрачный как туча, сжимать как в тисках, богатый как жид, тоненький как спичка, остановиться как вкопанный, выжать как лимон, вскочить как полоумный, как с неба упал, как приговоренный к смерти, таять как воск.*

Другие узуальные УС в разной степени трансформированы автором с сохранением исходного образного стержня — компонента, отражающего эталон сравнения:

- варьируется основание сравнения: *дрожать как лист /трепетать как лист; мелькнуть как молния/ промелькнуть как молния; обнимать как безумная / целовать как безумная; стоять как потерянный/ глядеть как потерянный* и т. п.;
- сокращен компонентный состав оборота: *надоесть как редька < надоесть как горькая редька; дрожать как лист < дрожать как осиновый лист.*

Есть случаи, когда автор использует реализуемый в узуальных сравнениях образный мотив, а в качестве образного стержня выбирает близкое по семантике слово: *хлынуть как из стакана* (ср. у Огольцева: *хлынуть как из ведра), огорошить как обухом по темени (ср.* у Огольцева:

как обухом по голове), исчезнуть как призрак (ср. у Огольцева: *исчезнуть как привидение), стоять как ошеломленный* (ср. у Огольцева: *стоять как вкопанный).*

Индивидуально-авторские образы Ф. М. Достоевского были выявлены в сравнениях: *рожа как сладчайший леденец, вздрогнуть как боевой конь, горячий как богатырь, хлынуть как водопад, обложить (о страхе) как лед, справедливый как арифметика, забиться в угол как паук, стираться как песчинка, выточиться как бритва.* Причем некоторые индивидуально-авторские сравнения базируются на общерусских образных ассоциациях, ср.: *Острый как бритва. Разг.* Об очень остро наточенном ноже, кинжале, топоре, косе и других режущих инструментах или оружии [8: 66]; *Отточенный как бритва.* То же, что *острый как бритва* [Там же]; *Сладкий как леденец. Разг.* О чём-л. сладком [8: 339]; *(Холодный, холоден) как лёд. Разг.* О чём-л. очень холодном, застывшем, замёрзшем от холода, заледеневшем [Там же].

Некоторые традиционные для русской лингвокультуры образные стержни, например *богатырь*, реализуют в тексте Ф. М. Достоевского более широкий ассоциативный диапазон при образовании сравнений: *сильный как богатырь, откровенный как богатырь, простоватый как богатырь, честный как богатырь, горячий как богатырь.*

Для выявления лингвокультурологической ценности образных сравнений используется освоенная магистрантами в теоретической части курса тематико-идеографическая классификация фразеологизмов, где они группируются по соотнесенности образного стержня с определенной сферой действительности, релевантной в учебно-страноведческом плане [6: 117–118]. 1. Русская природа, животный и растительный мир. 2. Анатомия человека и жесты. 3. Бытовые представления (реалии повседневной жизни прошлого, трудовые процессы, игры, развлечения. 4. История России. 5. Социальные отношения. 6. Духовная культура (обряды, суеверия, религиозные представления, письменность, литература). 7. Фольклор, народная речь.

С учетом показанных выше особенностей образной структуры и культурного фона сравнительные обороты разрабатываются по представленной выше схеме словарной статьи, коллективно редактируются, на завершающем этапе проекта приобретают вид готовых к публикации лингвокультурографических разработок:

МАСЛО

Пойти как по маслу. *Разг. Одобр.* О делах, идущих без препятствий и затруднений, о событиях, происходящих спокойно, без неожиданностей. *Да, да, вы совершенно правы... вот я поскорей поступлю в университет, и тогда всё* ***пойдет****... **как по маслу**...* (Достоевский. «Преступление и наказание») < *Масло* (сливочное) — пищевой продукт, который изготавливают из сливок или сметаны. Раньше его готовили в каждой крестьянской семье, где держали корову. Масло, как символ достатка в семье, и круглый, горячий блин — как олицетворение солнца, были обязательными атрибутами народного праздника Масленицы, который отмечали накануне Великого поста. Любое масло скользкое, и любой предмет, смазанный маслом, будет легко передвигаться, скользить по какой-то поверхности. Оттого и говорят в народе: *дела идут (пойдут) как по маслу,* то есть легко, без затруднений. Это свойство масла используют в технике: машинным маслом смазывают детали механизмов, в том числе автомобильных моторов, чтобы уменьшить трение. Специальной маслянистой мазью смазывают лыжи, тогда они хорошо едут. Отсюда пословица *Не подмажешь — не поедешь*, которая в переносном смысле намекает на взятку.

РЕДЬКА

Надоедать как редька. *Разг. Неодобр.* О чём-то или о ком-то сильно надоевшем. ***Надоел*** *ей наконец* ***как редька****, хотя сначала она и говорила, что без этого «услужливого и великодушного» человека она бы совсем пропала.* (Достоевский. «Преступление и наказание») < *Редька* — огородное растение со съедобным корнем, имеющим острый вкус и запах. Овощ, самый распространённый в России (как и репа) до появления картофеля. На Руси редька была одним из повседневных кушаний. Очень часто её ели в долгие посты. И тогда она особенно надоедала. В современном русском языке используются и другие сравнения с образом редьки, в том же значении: *надоесть как горькая редька, надоесть хуже горькой редьки, осточертеть как редька.*

СПИЧКА

Тоненький как спичка, чаще во множ. числе**.** *Разг. Шутл.-ирон.* Об истощённых, худых руках человека. *Вдруг* ***тоненькие, как спички****, руки ее обхватили его крепко-крепко, голова склонилась к его плечу, и девочка тихо заплакала, прижимаясь лицом к нему всё крепче и крепче.* (Достоевский. «Преступление и наказание») < *Спички* — палочки из горючего материала (дерева) с зажигательной головкой (из серы), ими разжигают огонь. Спички очень

тонкие. Автор использует данное сравнение, чтобы подчеркнуть юный возраст героини, её худобу.

СУРОК

Спать как сурок. *Разг. Шутл.* О человеке, который спит здоровым, безмятежным, спокойным сном. *Разумихин донес ему, что тот* ***спит, как сурок****.* (Достоевский. «Преступление и наказание») < Сурок — животное из отряда грызунов. Родина сурков — Северная Америка, откуда они распространились по Европе и Азии. В России обитают в степных и лесостепных зонах. Главные занятия сурка — еда и сон. Питаются сурки ягодами, семенами, листьями и корнями растений. Примерно две трети года (конец осени, всю зиму и начало весны) он спит, забившись в свою норку. Поэтому с сурком и сравнивают человека, любящего поспать.

В лингвокультурологическом словаре образных сравнений — групповом проекте магистрантов, работу над которым планируется продолжать с каждым курсом, изучающим дисциплину «Учебная лексикография», будут представлены не только узуальные сравнения, но и индивидуально-авторские обороты. Будет показана их связь с народными мифологическими представлениями, символами, образными ассоциациями, как, например, в следующих словарных статьях:

ОБУХ

Огорошить как обухом по темени. *Народн.* Внезапно, неожиданно сообщить что-л. кому-л. *Мне, напротив, следовало бы сначала усыпить подозрения ваши, и виду не подать, что я об этом факте уже известен; отвлечь, этак, вас в противоположную сторону, да вдруг,* ***как обухом по темени*** *(по вашему же выражению), и* ***огорошить*** <...> (Достоевский. «Преступление и наказание») < Сравнение индивидуально-авторское. *Обух* — утолщённая, тупая часть острого орудия (обычно клинка или топора), находящаяся на противоположной от лезвия стороне. Русские часто используют сравнение *как обухом по голове* в значении *«неожиданно»*. Автор употребляет его с глаголом *огорошить* (сообщить что-то внезапно, неожиданно), свойственным народной речи. *Темя* — верхняя поверхность головы, макушка. Она считается одной из самых уязвимых точек. Трансформируя народное сравнение, автор усиливает экспрессивность оборота в сцене разговора двух героев — Порфирия и Раскольникова. Тем самым через сравнение (*огорошить как обухом по темени*) в устах Порфирия автор даёт понять, что Порфирий знает о произошедшем убийстве бедной старухи топором (обухом).

ЛЕДЕНЕЦ

(Рожа) **как сладчайший леденец.** *Разг. Шутл.-ирон.* О неестественно добродушном, слащавом выражении лица. *То сердитый, а то вдруг рожа,* ***как сладчайший леденец****, отчего-то сделается.* (Достоевский. «Преступление и наказание») < Сравнение индивидуально-авторское. *Леденец* — прозрачная конфета из сахара с фруктовым соком. Сравнивая лицо с леденцом, писатель использует грубое просторечное слово *рожа*, чтобы передать негативное отношение Порфирия к Разумихину.

Словарные статьи будут объединены в блоки, расположенные в алфавитном порядке заголовков, сравнения внутри блока выстраиваются по алфавиту первого компонента:

БОГАТЫРЬ
Горячий как богатырь
Откровенный как богатырь
Сильный как богатырь

<...>

ПОТЕРЯННЫЙ
Стоять как потерянный
Глядеть как потерянный

При работе с текстом романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в ходе обучения РКИ лингвокультурологический словарь образных сравнений можно использовать уже на предтекстовом этапе для снятия возможных трудностей при чтении. Обращение к данным словарным статьям возможно и во время изучающего чтения для уточнения семантики сравнений, а также при лингвокультурологическом анализе текста.

Таким образом, словарь образных сравнений поможет студентам-инофонам понять специфику авторского текста, осмыслить этнокультурный фон образных сравнений, расширить свой лингвокультурологический кругозор. Составители словаря — иностранные магистранты — будущие преподаватели русского языка в ходе реализации группового лексикографического проекта научатся отбирать и комментировать лингвокультурологически ценный языковой материал, создавать учебные словарные разработки, сопровождающие работу с художественным текстом в иноязычной аудитории. А вузовские преподаватели, работающие с иностранцами-филологами, смогут использовать предложенную нами модель формирования их лингвокультурографических навыков на любом другом материале художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горбачевич К. С.* Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке: около 1300 словарных статей. М., 2004.

2. *Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е.* Лингвокультурология: теория и практика. СПб., 2009.

3. *Лебедева Л. А., Элмасян А. В.* Человек в зеркале сравнений: Внешность человека: краткий русско-английский словарь. Краснодар, 2009.

4. *Лебедева Л. А.* Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии: дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1999.

5. *Лебедева Л. А.* Устойчивые сравнения русского языка: кратк. темат. словарь. Краснодар, 2003.

6. *Мокиенко В. М.* О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М., 1982. С. 108–121.

7. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., *1980*.

8. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений: около 45 тыс. сравнений. М., 2008.

9. *Назарян А. Г.* Словарь устойчивых сравнений французского языка. М., 2002.

10. *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический): около 1500 единиц. М., 2001.

11. Приказ Министерства образования РФ № 1304 от 3 октября 2014 г. «Об утверждении требований к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке». URL: https://минобрнауки.рф/документы/4853

12. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический аспект, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., *1996*.

13. *Шадрин Н. Л.* Русско-английский словарь устойчивых сравнений. СПб., 2003.

REFERENCES

1. Gorbachevich K. S. (2004) *Slovar' sravnenii i sravnitel'nykh oborotov v russkom iazyke: okolo 1300 slovarnykh statei [Dictionary of similes and comparative revolutions in the Russian language: about 1300 entries]*. Moscow. (in Russian)
2. Zinov'eva E. I., Iurkov E. E. (2009) *Lingvokul'turologiia: teoriia i praktika [Linguoculturology: theory and practice]*. St. Petersburg. (in Russian)
3. Lebedeva L. A., Elmasian A. B. (2009) *Chelovek v zerkale sravnenii: Vneshnost' cheloveka: kratkii russko-angliiskii slovar' [A man in the mirror of comparison: a person's appearance: a short Russian-English dictionary]*. Krasnodar. (in Russian)
4. Lebedeva L. A. (1999) *Ustoichivye sravneniia russkogo iazyka vo frazeologii i frazeografii [Sustainable comparison of the Russian language in phraseology and phraseography]* (Extended abstract of Doctor's thesis, Philology), Kuban State University, Krasnodar, 1999. (in Russian)
5. Lebedeva L. A. (2003) *Ustoichivye sravneniia russkogo iazyka: kratkii tematicheskii slovar' [Sustainable comparison of the Russian language: a brief thematic dictionary]*. Krasnodar. (in Russian)
6. Mokienko V. M. (1982) O tematiko-ideograficheskoi klassifikatsii frazeologizmov [On the subject-ideographic classification of phraseological units]. In: *Slovari i lingvostranovedenie [Linguistic country studies and Dictionaries]*. Moscow, pp. 108–121. (in Russian)
7. Mokienko V. M. (1980) *Slavianskaia frazeologiia [Slavic phraseology]*. Moscow. (in Russian)
8. Mokienko V.M., Nikitina T. G. (2008) *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii: okolo 45 tys. sravnenii [Large dictionary of Russian folk comparisons: about 45 thousand comparisons]*. Moscow. (in Russian)
9. Nazarian A. G. (2002) *Slovar' ustoichivykh sravnenii frantsuzskogo iazyka [Dictionary of sustainable comparisons of the French language]*. Moscow. (in Russian)
10. Ogol'tsev V. M. (2001) *Slovar' ustoichivykh sravnenii russkogo iazyka (sinonimo-antonimicheskii): okolo 1500 edinits [Dictionary of sustainable comparisons of the Russian language (synonims and antonyms): about 1,500 units]*. Moscow. (in Russian)
11. *Prikaz Ministerstva obrazovaniia RF № 1304 ot 3 oktiabria 2014 g. «Ob utverzhdenii trebovanii k osvoeniiu dopolnitel'nykh obshcheobrazovatel'nykh programm, obespechivaiushchikh podgotovku inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva k osvoeniiu professional'nykh obrazovatel'nykh programm na russkom iazyke» [Order of the Ministry of education of the Russian Federation No. 1304 of October 3, 2014 „On approval of requirements for development of additional educational programs that provide training of foreign citizens and individuals without citizenship for the development of professional educational programs in the Russian language"]*. Available at: https://минобрнауки.рф/документы/4853 (in Russian)
12. Teliia V. N. (1996) *Russkaia frazeologiia. Semanticheskii aspekt, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology. The semantic aspect, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow. (in Russian)
13. Shadrin N. L. (2003) *Russko-angliiskii slovar' ustoichivykh sravnenii [Russian-English dictionary of sustainable comparisons]*. St. Petersburg. (in Russian)

[представляем новые книги. рецензии]

НОВОЕ В ПАРЕМИОЛОГИИ

(Начало на с. 22, 38, 49)

ра, «это довольно стабильная комбинация двух слов с определенной семантикой, создающая некую семантическую дистанцию и воспринимаемая по-особому на фоне иных биномов» (с. 259). Иными словами, это «особые — пословичные — вербальные оболочки известных концептов, демонстрирующие возможности и закономерности лексико-пословичной комбинаторики» (с. 262). Несомненно, с легкой руки автора монографии, термин «пословичный (паремийный) бином» займет подобающее ему место в метаязыке паремиологии.

Монография Е. И. Селиверстовой представляет интерес не только для паремиологов и фразеологов, но и для широкого круга филологов, ведь ей удалось представить свою точку зрению на механизмы образования и фунционирования пословичных единиц в языке и речи, показав, что арсенал пословиц — это не только перечень различных паремий, а «огромный набор составляющих, освященных фольклорной традицией, из которых „конструируются" конкретные единицы» (с. 265). Как они конструируются, что является их устойчивым «стержнем», на который нанизываются изменяющиеся (варьирующиеся) составляющие, — эта проблематика и сегодня не теряет своей актуальности, поскольку ведет исследователя к выявлению закономерностей образования русских паремий и их контекстуального (речевого) преобразования, позволяет увидеть соотношение традиций и инноваций и спрогнозировать перспективы развития русского пословичного фонда.

Е. К. Николаева,
канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой
русского языка и предвузовской подготовки
Российского гос. гидрометеорологического ун-та

М. В. Отрадин

АКТ «САМОСОЗНАНИЯ И САМОПРОВЕРКИ» (О ВНУТРЕННЕМ СЮЖЕТЕ КНИГИ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“»)

MIKHAIL V. OTRADIN

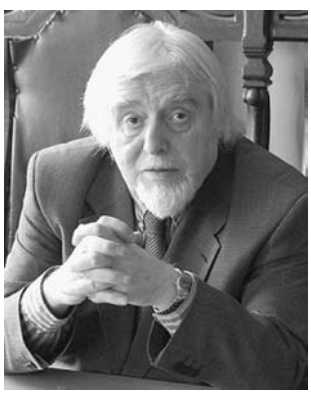
THE ACT OF "SELF-KNOWLEDGE AND SELF-EXAMINATION": ON THE INTERNAL PLOT OF "FRIGATE 'PALLADA'" BY IVAN GONCHAROV

Написав книгу «Фрегат „Паллада“», И. А. Гончаров реализовал скрытые возможности привычного для читателя XIX века жанра литературного путешествия. В частности, в этом произведении творчески использован символический смысл мотива «пути». Отказавшись строго следовать «фабуле» исторического похода, писатель получил, так сказать, право на эстетическую отстраненность и на тот внутренний сюжет «Фрегата...» — мысли и рефлексии путешественника по поводу создаваемого им травелога, — который еще не был прочитан с достаточной полнотой.

Ключевые слова: травелог; символ; сюжет; жанр; комическое.

The author proves that in his book "Frigate 'Pallada'" Goncharov has realized the hidden opportunities of the "literary travelogue" genre, which seemed quite familiar to the 19th century readers. In particular, the writer was creatively using the symbolic meaning of the "path" motive. While refusing to follow the "story line", Goncharov has acquired, so to speak, the right to aesthetical detachment, and has implemented the inner plot of the book, i.e. his thoughts and reflections about the travelogue he was creating; this second plot has not been fully understood yet.

Keywords: travelogue; symbol; plot; genre; humor.



Михаил Васильевич Отрадин

Доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

► leynina@mail.ru

Mikhail V. Otradin

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

В письме к Н. А. Майкову и его семье (20 ноября 1852 года) Гончаров писал: «Адмирал сказал мне, что главная моя обязанность будет — записывать все, что мы увидим, услышим, встретим. Уже не хотят ли они сделать меня Гомером своего похода? Ох, ошибутся: ничего не выйдет, ни из меня Гомера, ни из них — аргивян. Но что бы ни вышло, а им надо управлять судном, а мне писать, что выйдет из этого, Бог ведает»[1].

Никому из русских литераторов, предшественников Гончарова, не довелось совершить путешествие столь грандиозное. Сложность своей творческой задачи писатель понимал так: «...Хватит ли души вместить вдруг неожиданно развивающуюся картину мира?» (2, 12). Далее в книге сказано о «титанической дерзости». Чем же Гончаров ответил на этот вызов судьбы? Сам он так сказал: «Вышло то, что мог дать автор: летучие наблюдения и заметки, сцены, пейзажи — словом очерки» (3, 82). Это, конечно, один из тех случаев, когда автоинтерпретации Гончарова доверять не следует.

Каков предел «нового», которое можно впустить в себя, не рискуя прийти к распаду, к утрате себя? Вспомним «Письма об Испании»

В. П. Боткина, книгу, на которую часто «оглядывался» Гончаров, слова старого мавра, услышавшего, что его русский собеседник приехал издалека из любопытства, чтобы посмотреть эту землю: «...Сохрани аллах, чтоб я мог оставить свою землю из любопытства видеть другие земли» [3: 120-121]. У гончаровского путешественника совсем другая установка.

Казалось бы, комически заявленный мотив — неожиданное и спешное отплытие из Петербурга как бегство, спасение от скуки («жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями. <...> Зевота за делом, за книгой, зевота в спектакле, и та же зевота в шумном собрании и приятельской беседе» (2, 10)) — по ходу повествования обретает серьёзный и глубокий смысл. Как заметил Альбер Камю, «скука является результатом машинальной жизни, но она же приводит в движение сознание» [5: 30][2]. У Гончарова об этом сказано, как о бегстве с надеждой на обновление: «сама юность воротилась ко мне» (2, 10).

Покинуть Петербург, вырваться из пространства «скуки» — это не только порыв навстречу экзотике громадного неведомого мира, но и, как ни парадоксально, попытка остаться наедине с собой, «вогнать» себя в максимально напряженное творческое состояние. В этом — движущая сила внутреннего сюжета книги. Еще И. Анненский проницательно заметил, что романы Гончарова — это «акты его самосознания и самопроверки» [1: 255]. И «Фрегат „Паллада“» в этом смысле не является исключением.

Ортега-и-Гассет заметил: «Жанр в искусстве, как вид в зоологии, — это ограниченный репертуар возможностей» [12: 262]. Какими возможностями воспользовался автор книги о кругосветном плавании? В своей известной работе о «Фрегате...» Б. М. Энгельгардт, говоря о восприятии этого произведения в XIX веке, с сожалением констатировал: «...уже с конца 60-х годов <...> на книгу установился твердый взгляд как на простое описание дальнего плавания <...>. Книга, строго говоря, была забыта. Она перестала ощущаться как литературное произведение» [19: 225]. Может быть, виноват оказался сам жанр? Как категорично заявила в 1926 году Т. А. Раболи, имея в виду роман А. Ф. Вельтмана (1832), «после „Странника“ о „путешествии“ как о литературном жанре уже не приходится говорить» [15: 127]. Через тридцать лет этот вывод повторил В. Ф. Переверзев: «К тридцатым годам жанр литературного путешествия изжил себя» [14: 105]. Но читательское восприятие гончаровской книги не подтвердило этого вывода. Скажем, Ю. Олеша высказался о ней так: «От „Фрегата «Паллада»“ у меня осталось упоительное впечатление отличной литературы, юмора, искусства <...>, хочется назвать эту книгу лучшей из мировых книг о путешествиях» [11: 211].

В чем проявилась, чем была обусловлена стойкость жанра и его самобытность? Ответить на этот вопрос помогают размышления П. М. Бицилли о «символическом смысле мотива дороги», благодаря которому, например, в «Мертвых душах» «художественно оправдывается вмешательство автора» [2: 191][3]. Так вот, если воспользоваться логикой исследователя, то можно сказать, что символический смысл мотива дороги (если он возникает в произведении) дает автору путешествия другую меру свободы, позволяет «забалтываться» (вспомним пушкинское слово), то есть создать литературную форму, принципиально отличающуюся от прозаического романа.

Античные параллели (аргонавты, Улисс, возвращение в родную Итаку), упоминание книги А. Гумбольдта «Космос»[4], рассказы о путях «русских титанов» в Сибири придают во «Фрегате...» мотиву «пути» символический смысл. Этот смысл проявляется в разных частях книги по-разному, с разной степенью внятности и напряжения, но не исчезает.

Говоря о внутреннем сюжете «Фрегата...», мы имеем в виду не «физику», а, так сказать, «метафизику» путешествия. Чтобы реанимировать жанр — это, судя по всему, сознавал сам писатель, — надо было в чем-то существенно нарушить традицию. И. Льховский, литератор близкий Гончарову, в своей рецензии на книгу, судя по всему инспирированной самим автором «Фрегата...», написал: «Почти все отзывы о путевых очерках наполнены похвалами художественной стороне, которая, однако же, в этом произве-

дении <...> признаётся за что-то случайное, второстепенное, за что-то заменяющее или выкупающее, более или менее, недостаток другой, будто бы существенной стороны» [8: 2–3].

Сам Гончаров признавал, что он в своей книге «избегал фактической стороны и ловил только артистическую» (3, 527). Вот она-то и формирует внутренний сюжет книги.

Как показал в замечательной статье Б. М. Энгельгардт, «подлинная история путятинской экспедиции не имеет почти ничего общего с „правдивым до добродушия“ рассказом Гончарова» [19: 250]. Реально пережитых, страшных и удручающих по своим последствиям событий в жизни фрегата за эти два с лишним года было столько, что их хватило бы на 2–3 приключенческих романа. Гончаров резко «приглушил» эту цепочку чрезвычайностей. Зачем? Чем он руководствовался?

Чем дальше от внешних событий, так сказать, от фабулы похода, тем свободнее чувствует себя путешественник-повествователь. «Где есть эстетическое отношение, — пишет Н. Фрай, — там имеет место эмоциональная и интеллектуальная отстраненность» [17: 262]. Если бы Гончаров педантично передал весь драматизм похода «Паллады» (как он это сделал в очерке «Через двадцать лет»)[5], то он лишился бы, так сказать, морального права на эту столь необходимую для него эстетическую «отстраненность», право на тот самый внутренний сюжет, который, думается, еще по-настоящему не прочитан.

«„Фрегат «Паллада“, — писал Ю. М. Лотман, — по сути дела, концентрирует внимание не на том культурном пространстве, которое пересекает путешественник, а на восприятии путешественником этого пространства...» [10: 160].

Для понимания внутреннего сюжета важно уяснить, как мир, пропущенный через сознание путешественника, изменил его. Думается, классификацию произведений этого жанра можно строить с учетом того, является ли образ путешественника постоянной или переменной величиной.

Итак, на первый план должны выйти события ментального характера, они-то и формируют внутренний сюжет книги. Трех главных героев своих романов Гончаров наделил общим свойством: все они в большей или меньшей степени обладают художественным видением мира. Не «стал исключением» и путешественник «Фрегата...». И главный смысл его путешествия на «Палладе» — в писательстве. У него есть творческая установка, ведь «без приготовления <...> без идеи путешествие, конечно, только забава» (2, 42).

Если говорить о писательской задаче: реальный жизненный опыт превратить творческим усилием в художественное целое, — то можно увидеть нечто общее между романом «Обрыв» и книгой «Фрегат „Паллада“». Создателю травелога, как и герою романа Борису Райскому, предстоял некий ряд жизненных событий, внехудожественный материал, рассказ о котором должен был превратиться в литературное произведение. И в центре его — автобиографический, эпически объективированный образ. Можно сказать, что «Фрегат...» это мастер-класс для писателя Бориса Райского, которым он, конечно, по воле автора «Обрыва» не смог воспользоваться.

Путешественник во «Фрегате...» тоже писатель. Конечно, это автобиографический образ. Но образ объективированный. Как надо и как он сможет описать путешествие — эта тема заявлена в самом начале книги. И она становится стержневой. Поэтому в художественном плане столь важным является событие самого рассказывания обо всем пережитом. «Несущей конструкцией» книги оказывается сюжет о том, как путешественник пишет «литературное путешествие». Фикциональность представленного мира часто подчеркнуто заявлена, творческая фантазия, воображение становятся важнейшей опорой в построении рассказа. Мы можем говорить, что травелог использует давно освоенные приемы романа, но при этом остается в своих жанровых рамках.

В самом начале книги Гончаров заявляет, что в его памяти есть великий пример. Авторы комментария к «Фрегату...» в его собрании сочинений (3, 542) справедливо полагают, что писатель имеет в виду А. Гумбольдта: «...Явился человек, мудрец и поэт, и озарил таинственные

углы. Он пошел туда <...> с сердцем, полным веры к Творцу и любви к его мирозданию <...> „Космос“[6]! Еще мучительнее прежнего хотелось взглянуть живыми глазами на живой космос» (2, 10). По поводу последней гончаровской фразы В. А. Котельников точно заметил: «Этой целью был задан мифопоэтический маршрут морского путешествия» [7: 522].

Предстоящее путешествие, с оглядкой на знаменитого «мудреца и поэта», видится Гончарову не только и не столько как плавание по «казенной надобности», а как встреча с универсумом, даже погружение в универсум. Поэтому в книге так напряженно звучит мотив: как в слове передать истинный смысл увиденного: море, небо, звезды... Поиск нужного слова так труден потому, что рассказчик «замахивается» не на то, чтобы точно описать пейзаж, ему надо передать появляющееся в нем новое представление о мире, «метафизику» странствия.

В упомянутой статье В. А. Котельников пишет, что «два разных Гончарова оказались на одном корабле. Первый — страстный художник и натурфилософ. Второй — заинтересованный и любознательный путешественник ...» [Там же: 522–523]. Понимая всю условность такого разделения, все-таки скажем, что нас сейчас интересует именно «первый» Гончаров, художник.

Пример великого немца убеждал автора «Фрегата...»: сам процесс восприятия и осмысления мира имеет необходимую эстетическую составляющую. Сложность, с которой столкнулся Гончаров, заключалась в том, что ему надо было выработать метод, позволяющий решить эту творческую задачу. Этим объясняются его рассуждения о теории жанра, к которому он обратился («нет науки о путешествиях <...> никому не отведено столько простора и никому от этого так не тесно писать, как путешественнику» — 2, 13), о том, что впечатления сами «нежданно и незвано» должны собираться в душу («к кому они так не ходят, тот лучше не путешествуй» — 2, 41), об умении не видеть лишнего, чтобы «не осталось сору в памяти» — 2,60), о том, что противоречивость его оценок и выводов надо воспринимать не как авторский недосмотр, а как необходимую меру субъективизма («я не выдаю сказанного за непременную истину, мне так казалось» — 2, 60). Инъекции фикциональности в повествование (например, одного дня русского помещика в сопоставлении с показательным днем типичного англичанина) не должны помешать читателю воспринимать книгу как сочинение определенного жанра, «путешествие». «Пуповина», соединяющая рассказ с объективной реальностью, не оборвалась, путешествие действительно было, книга не превращается в роман. Хотя мера фикциональности явно не соответствует тому, что автор обозначил как «очерки». Путешественник-рассказчик в ходе сюжета книги не равен, так сказать, самому себе, он демонстративно разнолик[7]. С этим связаны и особенности изображения открывающегося путешественнику мира. Как отметил Д. С. Лихачев, «реальное обладает независимым существованием на перекрестке различных на него точек зрения» [9: 64].

Каким предстает человеческий мир в книге Гончарова? При всех различиях существования обществ и цивилизаций, при всех дистанциях, разделяющих их на шкале прогресса, никому из них не удалось избежать состояния, которое обозначается метафорой «скука». И главный постулат книги: «скуке» (механическому, инертному, сонному) существованию можно и должно противопоставить творчество.

Творческой установкой путешествия, как правило, является стремление понять «другого». Этим «другим» в книге Гончарова оказываются страны, культуры, представители разных национальностей. Об этом много и хорошо писали. Стоит отметить, что «другими», по самым разным признакам, оказываются и спутники путешественника: офицеры и матросы. Цепочки сопоставлений «свое-чужое» не могли не вывести писателя к проблеме национального характера. По мнению И. Кона, и сам термин «национальный характер» возник в литературе путешествий [6].

В. П. Боткин в статье, посвященной итальянской опере, сделал такой вывод: «Трагическое и лирическое сходны более или менее у всех народов, и только в одном комическом обнаруживается всё резкое различие национальностей» [4: 87].

Пожалуй, можно сказать, что опыт автора «Фрегата...» подтверждает боткинский тезис. Вспомним, как веселятся матросы «среди знойных зыбей Атлантического океана»: «глядя, как забавляются, катаясь друг на друге и молодые, и усачи с проседью, расхохочишься этому естественному национальному дурачеству» (2, 117). Рассказ о комических ситуациях, связанных с матросом-денщиком путешественника Фаддева, постепенно превращается в размышления о фаддеевых. Поэтому так органично появление фразы: «Поди, разбирай, из каких элементов сложился русский человек!» (2, 78).

В литературном путешествии, по мысли Т. А. Раболи, «конец является, по существу, механичным: путешественник мог в любое время вернуться домой или доехать до места назначения» [15: 106]. Внешний сюжет «Фрегата...» обрывается достаточно условно: путешественник прибыл в Иркутск. Пожалуй, более «загруженными» были другие варианты: скажем, сообщением о том, что он навсегда покинул палубу «Паллады» или прибытием путешественника в Петербург. А вот завершение внутреннего сюжета явно мотивировано. Сюжет — это уровень не героя, а автора-творца. Сибирь в книге Гончарова осмыслена как жизнь, не зараженная скукой. Долгий путь творческого поиска, обретения себя, привел к открытию «другой» России, новой цивилизации — русской. Утопический настрой сибирских страниц книги очевиден. Об этом не раз писали. Символический смысл мотива пути (о себе и своих спутниках, которым предстояло долгое сухопутное путешествие домой, герой книги говорит как об Улиссах) получает явное усиление. Мы узнаем, что, говоря словами Мандельштама, «пространством и временем полный», путешественник въезжает в Иркутск «в самую заутреню Рождества Христова» (2, 711). На самом деле Гончаров оказался в городе еще 24 декабря (3, 815). Но эта дата — из биографии писателя, а не героя книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2017. Т.15. С. 117. — Далее ссылки на это издание даются в тексте с указание тома и страницы.

[2] Инертное, механическое нетворческое течение жизни в книге Гончарова обозначается метафорой «скука». Эту тему затрагивали В. Рем, В. Сечкарев, Е. Краснощекова.

[3] О различных реализациях символа «пути-дороги» писал, как известно, в своей работе В. А. Сапогов [16: 28–29].

[4] По мнению Н. Фролова, в переводе которого Гончаров читал «Космос» (см.: 3, 542), прочитав А. Гумбольдта, человек приходит «к пониманию откровения верховного порядка вселенной в самых конечных явлениях природы» [18: 3].

[5] Этот очерк по воле автора стал «заключительной» главой книги «Фрегат „Паллада“». Но с точки зрения поэтики этот очерк имеет совсем иную, чем основной корпус книги, природу. В нем иной тип повествования: он не предполагает множественности точек зрения на описываемый мир, в нем право изображать и оценивать принадлежит прямому авторскому слову, в нем нет нарратива. См.: [13].

[6] Автор «Фрегата...» взял это слово в кавычки, явно он имеет в виду название книги А. Гумбольдта.

[7] Об этом в нашей статье: [Там же: 469–476].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анненский И.* Книги отражений. М., 1979.
2. *Бицилли П. М.* Избр. тр. по филологии. М., 1966.
3. *Боткин В. П.* Письма об Испании. Л., 1976.
4. *Боткин В. П.* Итальянская опера в Петербурге в 1848 году // Современник. 1850. № 1. Отд. VI. С. 87.
5. *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990.
6. *Кон И.* К проблеме национального характера // История и психология. М., 1971. С. 122–158.
7. *Котельников В. А.* Ποντοπορεία Ивана Гончарова // Sub specie tolerantiae. СПб., 2008. С. 514–531.
8. *Л<ьховский> И.* Рец.: «Фрегат „Паллада“». Очерки путешествия И. Гончарова: В 2 т. СПб., 1858 // Библиотека для чтения. 1858. № 7. Лит. летопись. С. 2–3.
9. *Лихачев Д. С.* Литература — Реальность — Литература. Л., 1981.
10. *Лотман Ю. М.* Современность между востоком и западом // Знамя. 1997. № 9. С. 152–169.
11. *Олеша Ю.* Ни дня без строчки. М., 1965.
12. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
13. *Отрадин М. В.* Между «созерцанием» и «действием»: повествование в книге И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“» // Гончаров: Живая перспектива прозы. Науч. ст. о творчестве И. А. Гончарова. Szombathely, 2013. С. 469–476.
14. *Переверзев В. Ф.* У истоков русского реализма. М., 1989.
15. *Раболи Т. А.* Литература «путешествий» // «Младоформалисты»: Русская проза. СПб., 2007.
16. *Сапогов В. А.* Анализ художественного произведения. Поэма Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос». Ярославль, 1980.
17. *Фрай Н.* Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987. С. 232–263.
18. *Фролов Н.* Предисловие переводчика // Гумбольдт А. фон. Космос. Опыт физического миропонимания. Ч. 1. СПб., 1848.
19. *Энгельгардт Б. М.* Избр. тр. СПб., 1995.

REFERENCES

1. Annenskii I. (1979) *Knigi otrazhenii [Books reflections]*. Moscow. (in Russian)
2. Bitsilli P. M. (1966) *Izbrannye trudy po filologii [Selected works on Philology]*. Moscow. (in Russian)
3. Botkin V. P. (1976) *Pis'ma ob Ispanii [Letters about Spain]*. Leningrad. (in Russian)
4. Botkin V. P. (1850) *Ital'ianskaia opera v Peterburge v 1848 godu [Italian Opera in St. Petersburg in 1848]*. Sovremennik [Contemporary], no. 1, part 6, p. 87. (in Russian)
5. Kamiu A. (1990) *Buntuiushchii chelovek [Rebellious man]*. Moscow. (in Russian)
6. Kon I. (1971) K probleme natsional'nogo kharaktera [To a problem of national character]. In: *Istoriia i psikhologiia [History and psychology]*. Moscow, pp. 122–158. (in Russian)
7. Kotel'nikov V. A. (2008) Ποντοπορεία Ivana Goncharova *[Ποντοπορεία by Ivan Goncharov]*. In: Sub specie tolerantiae. St. Petersburg, pp. 514–531. (in Russian)
8. L<'khovskii> I. (1858) Retsenzia: «Fregat «Pallada». Ocherki puteshestviia I. Goncharova, v dvukh tomakh. SPb., 1858 [Review: "Frigate 'Pallada'". Sketches of travel by I. Goncharov, in 2 vols. St. Petersburg, 1858]. *Biblioteka dlia chteniia [Library for reading]*, no. 7, pp. 2–3. (in Russian)
9. Likhachev D. S. (1981) *Literatura — Real'nost' — Literatura [Literature — Reality — Literature]*. Leningrad. (in Russian)
10. Lotman Iu. M. (1997) Sovremennost' mezhdu vostokom i zapadom [Modernity between East and West]. *Znamia [Znamya journal]*, no. 9, pp. 152–169.
11. Olesha Iu. (1965) *Ni dnia bez strochki [No day without a line]*. Moscow. (in Russian)
12. Ortega y Gasset J. (1991) *Estetika. Filosofiia kul'tury [Aesthetics. Philosophy of culture]*. Moscow. (in Russian)
13. Otradin M. V. (2013) Mezhdu «sozertsaniem» i «deistviem»: povestvovanie v knige I. A. Goncharova «Fregat „Pallada"» [Between „contemplation" and „action": narrative in the book of I. A. Goncharov „ Frigate 'Pallada'"]. In: Goncharov: *Zhivaia perspektiva prozy. Nauchnye stat'i o tvorchestve I. A. Goncharova [Goncharov: Alive the prospect of prose. Scientific articles about the works of I. A. Goncharov]*. Szombathely, pp. 469–476. (in Russian)
14. Pereverzev V. F. (1989) *U istokov russkogo realizma [At the origins of the Russian realism]*. Moscow. (in Russian)
15. Raboli T. A. (2007) Literatura «puteshestvii» [Literature of „travel"]. In: *«Mladoformalisty»: Russkaia proza ["Mladofomalists". Russian prose]*. St. Petersburg. (in Russian)
16. Sapogov V. A. (1980) *Analiz khudozhestvennogo proizvedeniia. Poema N. A. Nekrasova «Moroz, Krasnyi nos» [Analysis of the literary work. Poem „The Frost, Red nose" by N. A. Nekrasov]*. Yaroslavl. (in Russian)
17. Frai N. (1989) Anatomiia kritiki [Anatomy of criticism]. In: *Zarubezhnaia estetika i teoriia literatury XIX–XX vv. [Foreign aesthetics and literary theory of the XIX–XX centuries]*. Moscow, pp. 232–263. (in Russian)
18. Frolov N. (1848) Predislovie perevodchika [Translator's introduction]. In: Humboldt A. von. *Kosmos. Opyt fizicheskogo miroponimaniia [Space. The experience of the physical world]*, part 1. St. Petersburg. (in Russian)
19. Engel'gradt B. M. (1995) *Izbrannye trudy [Selected works]*. St. Petersburg. (in Russian)

[хроника]

РУССКОЕ СЛОВО — МИРУ

RUSSIAN WORD FOR THE WHOLE WORLD

(Окончание на с. 86)

В конце октября, в начале ноября 2017 года во МГОУ (Московский государственный областной университет) прошло несколько мероприятий в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык». Все мероприятия были посвящены несколько забытой методикой РКИ теме, но исключительно нужной сегодня — этноориентированному обучению, которое в настоящее время выходит на новый виток актуальности. Слушателями семинаров были учителя как московских, так и подмосковных школ, ориентированные современностью на обучение русскому языку в полиэтнических классах.

На симпозиуме «Русский Салам: русский язык для тюркофонов» был представлен информационно-дидактический портал «Русский Салам: русский язык для тюркофонов», включающий специально разработанный лингвострановедческий глоссарий, которым оперативно смогут воспользоваться все изучающие русский язык носители тюркских языков. Выступления известных специалистов РКИ были посвящены не только учету системных и функциональных особенностей тюркских языков, которые должны быть учтены при обучении языку, но также культурологическому аспекту, то есть связи языка и психокультурных особенностей его изучающих. Тема *«язык и культура неотделимы»* прозвучала практически во всех выступлениях: «Лингвокультурные аспекты в русско-тюркских культурных контактах» профессора МГУ имени М. В. Ломоносова В. В. Красных, «Особенности обучения тюркофонов лексике русского языка в лингвокультурном аспекте» профессора МГОУ Е. М. Марковой.

В докладах также были затронуты такие актуальные вопросы современной методики, как билингвизм применительно к данной языковой группе: доклад преподавателя Хакасского государственного университета Г. А. Поваляевой «Формирование двуязычной коммуникативной компетенции в поликультурной среде».

Следующее мероприятие было посвящено особенностям преподавания русского языка в группах с родным языком тай-кадайской группы (вьетнамский, тайский языки). В процессе работы слушатели смогли ознакомиться с сообщениями, проводимыми по телемосту из Ханойского филиала Института русского языка им. А. С. Пушкина, из Ханойского государственного университета.

На конференции была также открыта международная дискуссионная площадка с носителями тай-кадайских языков. Был представлен вновь разработанный специализированный сравнительно-сопоставительный иллюстрированный глоссарий «Русский-Сияй: русский язык viet-tai-kadai». Опытом создания этноориентированных вьетнамских учебников по русскому языку поделилась М. М. Нахабина, известный методист и автор более пятнадцати учебников по русскому как иностранному. Однако, по мнению организаторов, кроме основной направленности мероприятий, посвященных этноориентированному и билингвальному обучению, востребованному не только кафедрами РКИ, но и современными полиэтническими школами, для учителей были интересны и общие вопросы лингводидактики и литературы, которые были включены в программу, такие как «Россия и евразийское пространство» (профессор В. С. Елистратов), «Традиционные

Н. И. Павлова

ДВЕ ЗАПИСКИ ЛАРЫ В КОМПОЗИЦИИ РОМАНА Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

NATALIA I. PAVLOVA
THE PLACE OF TWO LARA'S NOTES
IN THE COMPOSITION OF THE NOVEL "DOCTOR ZHIVAGO" BY BORIS PASTERNAK

В статье рассматриваются стилистические и композиционные особенности двух записок Лары, которые выступают одним из средств создания ее образа, отражения ее внутреннего мира, выражения позиции автора, находятся в сюжетно-композиционном единстве со многими образами и событиями «Доктора Живаго», их выявление и осмысление приводит к постижению целостности образа героини Пастернака.

Ключевые слова: Пастернак; «Доктор Живаго»; композиция; записки Лары.

The article deals with the stylistic and compositional features of two notes written by Lara, characteristic for her image creation in the novel, reflecting her inner world, and expressing the author's position. They exist in the narrative-composition unity with many characters and events of "Doctor Zhivago", and their interpretation can help to comprehend the integrity of the heroine's character.

Keywords: Pasternak; "Doctor Zhivago"; composition; notes by Lara.

Наталия Ивановна Павлова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского

Б. Казачья ул., д. 112, Саратов, 410012, Россия

► pim60@mail.ru

Natalia I. Pavlova

Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky

112 Bolshaya Kazachya ul., Saratov, 410012, Russia

Одним из способов передачи информации и коммуникации персонажей романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (ДЖ) является записка — пригласительная, препроводительная, рекомендательная. «Записками» называет свой дневник доктор Живаго[1], так же именуются Пастернаком и оставшиеся после смерти Юрия «написанные в молодые годы отделанные стихи», которые «составляют последнюю, заключительную главу романа»[2]. Две записки написаны Ларой.

В ДЖ функции записки не исчерпываются значениями, связанными с передачей информации (листок бумаги, содержащий короткое сообщение, вопрос, предложение) или ее обобщением (тетрадь с записями). Являясь стилистической и композиционной формой речи, записки Лары выступают одним из средств создания ее образа.

Обозначенный нами аспект анализа ДЖ не был предметом специального изучения, что объясняется небольшой ролью, отведенной запискам в структуре образа Лары. Именно это обусловливает актуальность нашего исследования.

В лингвистической науке записка понимается «как жанр речевого общения», формирующийся «общим миром чувства-мысли адресанта и адресата, одинаковой эпистемической и аксиологической модальностью, актуальностью одних и тех же обстоятельств». В записке допускается «свободное выражение и недоговоренность» [2: 110].

Под частной запиской понимается особый жанр естественной письменной русской речи, представляющий собой текст небольшого

объема, обладающий рядом признаков. Среди важнейших — актуальность существования как отражение ситуативной коммуникативной потребности. Основная функция данного жанра — письменно-речевое воздействие на конкретного адресата с целью решения ситуативно обусловленных задач [3: 4].

Среди языковых особенностей письма-записки отмечают совмещение «интенций двух субъектов — пишущего героя (якобы сочинившего это послание) и автора» [4: 11]. При этом «... чужая словесная манера используется автором как точка зрения, как позиция, необходимая ему для ведения рассказа... Автор... изнутри пользуется <ею> для своих целей» [1: 235] — передать мир чувств своих героев.

Записки Лары мы рассматриваем как жанр письменной формы разговорной речи, включенный в повествовательную структуру ДЖ как одно из средств отражения ее внутреннего мира; записки представляют собой текст небольшого объема, написанный от первого лица, обусловленный потребностью выражения чувств и решения назревших проблем, характеризующийся спонтанностью выражения мысли, а также ситуацией письменно-речевого воздействия на адресата и нацеленный на его рефлексию. Обе записки Лары имеют ряд композиционных и стилистических особенностей, находятся в сюжетно-композиционном единстве со многими образами и событиями ДЖ, их выявление и осмысление приводит к постижению целостности образа Лары.

Первая в сюжете ДЖ записка Лары появляется в контексте событий, связанных с Комаровским. В композиции сюжета записка находится в ряду эпизодов, представляющих собой внутреннюю борьбу Лары за свое освобождение от его власти. Сначала Лара вырабатывает правила, которые должны ей помочь избавиться от его общества: «Бросить эти глупости. Не разыгрывать простушки, не умильничать, не потуплять стыдливо глаз. Не стесняться отказывать. Выдумать, что не училась танцевать или сломала ногу» (IV, 28). Потом, «когда на душе у Лары было, как у Катерины из „Грозы“, она пошла помолиться с таким чувством, что вот теперь земля расступится под ней и обрушатся церковные своды» (IV, 50). Спустя шесть месяцев, «задумавшись о том, как участятся эти приставания летом», «Лара быстро пришла к решению, надолго изменившему её жизнь» (IV, 72).

Глава, в которой помещается записка, начинается с обозначения даты, что говорит о знаковости происходящего с героиней Пастернака. При этом от абзаца к абзацу время ускоряется, пространство сужается, количество событий, сменяющих друг друга, возрастает: «Весной тысяча девятьсот шестого года, перед переходом в последний класс гимназии» — «весной, на одном из последних уроков учебного года» — «Было жаркое утро» — «Учитель истории рассказывал о Египетской экспедиции Наполеона» — его «высадка во Фрежюсе» (IV, 73).

«Было жаркое утро, собиралась гроза» — «От травянистого запаха земли и молодой зелени болела голова» — «... небо почернело, треснуло и раскололось молнией и громом» — «Хлынул грязный городской ливень, перемешанный с пылью» (IV, 73).

Наравне с градацией, особая роль отводится аллюзии.

Контекст состояния Лары, подавленной, физически и психологически истощенной «противоречиями ночного помешательства», и топоним, связанный с темой урока истории, отсылают к одному из образов «Египетских ночей» — обольстительной красавице, ставшей, по сюжету повести А. С. Пушкина, предметом импровизации «Клеопатра и ее любовники»[3]. Владевшая «всеми тайнами лобзанья», умением «дивной негой» утолить жаждавших ее любви мужчин, египетская царица преисполнена презрения во взоре, «холодной дерзости» на лице. Клеопатра бросает вызов сладострастиям мужчин, готовых купить ночь блаженства «ценою жизни»[4]. Имя Наполеона, сильного, харизматичного, властного завоевателя, слывшего непревзойденным любовником, в душе Лары наверняка вызывает эмоции, ассоциирующиеся с поведением Комаровского, ухаживания которого поначалу льстили девочке тем, «что годящийся ей в отцы красивый, седеющий мужчина» «тратит деньги и время на нее, зовет божеством» (IV, 48), но впоследствии «приводи-

ли Лару в то именно смятение, которое требуется сластолюбцу от женщины» (IV, 72).

Состояние Лары подчеркивает и образный параллелизм — «небо почернело, треснуло и раскололось молнией и громом» (IV, 73). Гроза, гром, запахи свежести словно предвещают некое очищение, катарсис. Именно в этот момент «Лара вырвала листок из записной тетради и написала соседке по парте, Наде Кологривовой: „Надя, мне нужно устроить жизнь отдельно от мамы. Помоги мне найти несколько уроков повыгоднее. У вас много знакомств среди богатых“.

Надя ответила тем же способом: „Липе ищут воспитательницу. Поступи к нам. Вот было бы здорово! Ты ведь знаешь, как тебя любят папа и мама“» (IV, 73).

Языковые особенности записки во многом напоминают внутренний монолог Лары «Бросить эти глупости! ...», представляющий собой параллелизм градационных инфинитивных конструкций со значением долженствования и отрицания. В трех предложениях записки, тоже состоящих из односоставных градационных парцеллированных конструкций, выражается не просто мольба о помощи — решимость на поступок.

Записка завершает события главы, но не повествование о Ларе. Концовка открытая: закончен только этап ее жизни. Заключительные фразы ответа Нади, выраженные такими же парцеллированными конструкциями, обнадеживают и ее подругу, и читателя, безусловно сочувствующего Ларе.

Каждый эпизод ее жизни, будь то рассказ автора о своей героине, аллюзии и реминисценции, ее внутренние монологи или записка, подчеркивают ее страдание от трагического диссонанса души, ощущения «ноющей надломленности и ужаса перед собой» (IV, 49). Подобно Соне Мармеладовой, истерзанной мыслью о том, какая она «бесчестная», «великая, великая грешница»[5], Лара тоже измучена осознанием того, что она «падшая», «женщина из французского романа» (IV, 46).

Но даже несмотря на то что Комаровский «очень ловко пользовался её подавленностью», «тонко и незаметно напоминал ей о её поругании», Лара сумела сохранить в себе чистоту и достоинство, и ее записка — важное тому подтверждение. Не посвящая Надю в подробности своего отчаянного положения, не вызывая к себе жалости, Лара просит поддержки и содействия в поисках места службы.

Хронологически записка Лары следует за событиями, описанными во второй части «Девочка из другого круга» и заканчивающимися счастливым спасением мадам Гишар (январь 1906 года). Однако события весны 1906 года перенесены в третью часть ДЖ, что означает новый этап в жизни героини Пастернака. Внутренняя композиция «Елки у Свентицких» «подсказывает», словами А. П. Скафтымова [5], «идейное здание автора». Главы, повествующие о жизни Лары вплоть до ее выстрела в Комаровского в декабре 1911 года в канун Рождества в доме у Свентицких, чередуются с главами, посвященными развитию взаимоотношений Юрия и Тони, тоже оказавшихся на елке у Свентицких. Пять лет жизни Лары, уместившиеся в пяти главах третьей части, представляют собой ее самостоятельную активную деятельность, начало которой было положено запиской Наде Кологривовой (5-я глава) и закончилось выстрелом (14-я глава).

Анализ внутренней композиции третьей части позволяет прийти к выводу, что первая записка Лары и выстрел в Комаровского находятся в композиционном единстве: первый действенный шаг Лары позволил вырваться из «заколдованного круга», в котором она оказалась вследствие ее связи с Комаровским. Выстрел, который давно грянул в душе Лары, был в том числе «в себя самое, в свою собственную судьбу» (IV, 78).

Вторая записка Лары продиктована ее чувствами к Юрию, радостью и желанием известить его о том, что она его ждет. Записка не датируется — время явствует из описания, данного в восприятии вернувшегося из «лесного пленения» доктора Живаго: «Недавно ушла зима. Пустоту освободившегося места наполнил свет, который не уходил и задерживался вечерами. Он волновал, влек вдаль, пугал и настораживал.

Недавно из города ушли белые, сдав его красным. Кончились обстрелы, кровопролитие, военные тревоги. Это тоже пугало и настораживало, как уход зимы и прирост весеннего дня» (IV, 373).

Очевидный трагизм происходящего, создающийся благодаря синтаксическому параллелизму, рядами однородных членов, лексическому повтору, помогает понять волнение доктора, добравшегося до Юрятина.

Однако наперекор «картинам и зрелищам», производившим впечатление «чего-то нездешнего, трансцендентного», взору доктора Живаго природа рисуется «такою, какой изображали её художники новейшего времени»: «Выдавались тихие зимние вечера, светло-серые, темно-розовые.

По светлой заре вычерчивались черные верхушки берез, тонкие, как письмена. Текли черные ручьи под серой дымкой легкого обледенения, в берегах из белого, горами лежащего, снизу подмоченного темною речною водою снега» (IV, 376).

Именно «вот в такой вечер, морозный, прозрачно серый, сердобольный, как пушинки вербы», наступивший против дома с фигурами в Юрятине, Юрий находит весточку от Лары, такую же сердобольную.

Чтение записки композиционно разделено на две части, что углубляет характеры персонажей благодаря смене точки зрения на происходящее.

Приводим текст записки. «Господи, какое счастье! Говорят, ты жив и нашелся. Тебя видели в окрестностях, прибежали и сказали мне. Предполагая, что первым делом ты поспешишь в Варыкино, отправляюсь к тебе сама туда с Катенькой. На всякий случай ключ в обычном месте.

Дожидайся моего возвращения, никуда не уходи. Да, ты этого не знаешь, я теперь в передней части квартиры, в комнатах, выходящих на улицу. Впрочем, сам догадаешься. В доме простор, запустение, пришлось продать часть хозяйской мебели. Оставляю немного еды, главным образом, вареной картошки. Придавливай крышку кастрюли утюгом или чем-нибудь тяжелым, как я сделала, в предохранение от крыс. Без ума от радости» (IV, 377).

«„О ваших ты знаешь. Они в Москве. Тоня родила дочку“.

Дальше шло несколько вымаранных строк. Потом следовало: „Зачеркнула, потому что глупо в записке. Наговоримся с глазу на глаз. Тороплюсь, бегу доставать лошадь. Не знаю, что придумать, если не достану. С Катенькой будет трудно...“. Конец фразы стерся и был неразборчив» (IV, 389).

«Лицевую сторону записки» доктор читает около «лестничного окошка на площадке» (IV, 377) сразу по прибытии на Купеческую, а «исписанный и с нижней стороны» перевернутый листок — спустя несколько часов «при пляшущем свете топящейся печки» (IV, 389) в комнате Лары.

Записка дважды названа чудом. На фоне «казенных оповещений» (IV, 376), в контексте возрастающей готовности доктора к «страшным разочарованиям» фразы «О чудо! Ключ и записка!», явно звучащие из уст Юрия Живаго, выражают его надежду на встречу с дорогими ему людьми. А далее автор комментирует состояние своего героя при помощи несобственно-прямой речи: «Еще большее чудо, еще более невероятное! Записка написана ему!» (IV, 377). Радость обретения передается рядом восклицательных знаков — чувство Лары в записке передается так же: «Господи, какое счастье! <> Без ума от радости» (Там же).

Одна деталь записки содержит информацию о Ларе — передает отношение окружающих ее людей, которые не просто видели доктора в окрестностях, а «прибежали и сказали». А за бытовыми подробностями видится желание Лары рассказать Юрию о том, что произошло в ее доме за время его отсутствия. Обилие глаголов повелительного наклонения передает характер Лары, однако ее назидания дышат любовью и заботой: «Дожидайся моего возвращения, никуда не уходи...» (IV, 377).

Содержание записки говорит об импульсивности и инициативности Лары: «Предполагая, что первым делом ты поспешишь в Варыкино, отправляюсь к тебе сама туда с Катенькой» (Там же).

Именно эта «частность» письма вызывает нестерпимую боль и грусть Юрия «за своих»: «Раз она не обинуясь, без всяких оговорок направляется в Варыкино, следовательно, его семьи там нет» (Там же).

Несобственно-прямая речь передает смятение доктора, вызванное содержанием написан-

ного. В то же время очевидна и его внутренняя готовность справиться с тревогой: «раздумывать было некогда», «множество дел надо было успеть сделать засветло», поскольку «время было нешуточное» (Там же).

Действия Лары, движимой желанием предупредить появление Юрия в Варыкино и потому устремившейся туда, не нарушают логики ее характера. Когда Лара перестает получать известия от мужа, она, «пристроив дочь у Липочки», едет на границу Венгрии, откуда «Паша написал ей свое последнее письмо» (IV, 111). Едет она и в Варыкино, обеспокоенная судьбой пропавшего Юрия, где знакомится с Тоней и даже принимает у нее роды. Именно поэтому она знает, что «Тоня родила дочку» (IV, 389). Однако об этом становится известно позже, когда Лара обмолвится о знакомстве с Тоней, причем Юрия это знакомство не удивляет.

Пять глав, разделяющих чтение записки, представляют собой подробное описание действий человека, пытающегося осмыслить новый образ жизни, привести себя в порядок. Автор дает возможность Юрию Живаго узнать о том, что было предметом его переживания во время пребывания у партизан: слово о семье Живаго и Ларе передается Глафире Тунцевой — «местной притче во языцех» (IV, 384). Именно она рассказывает «приезжему» о судьбе московской семьи, которая успела проехать через Юрятин «еще до вторых белых», и о том, что профессора «по сельскому хозяйству» «вытребовали на родину» (IV, 385).

Подобный сюжетно-композиционный прием использован в трагедии Шекспира «Гамлет», которую Пастернак переводил на русский язык во время работы над романом. Принц, тайно вернувшийся из Англии, куда его отправляют против его воли, оказывается на кладбище, где двое могильщиков копают могилу для утопленницы. Вступив в разговор, Гамлет делает вывод: «Каков смельчак! С ним надо говорить осторожнее: он загоняет словами как раз»[6]. И узнает о себе, что «его послали в Англию» «за умом». «Пускай поправит мозги», — назидательно говорит первый могильщик, не задумываясь над тем, что перед ним Гамлет. Акт 5, сц.1

Глафира Тунцева и поучает доктора «умуразуму», и «объясняет» «особу на соседней улице», которая «знала ходы к главному и за всех заступалась» (IV, 384). Говоря о Ларе как об «исключительно гуманном» и отзывчивом человеке, Глафира досказывает то, что не смог узнать из записки Лары ее адресат и о чем впоследствии будут говорить Юрий и Лара.

Глава, в которой появляется вторая часть записки, представляет собой внутренний монолог Юрия Живаго, вернувшегося в квартиру Лары после разговора с парикмахером.

Пронизанная его настойчивыми мыслями о своей семье и «женской опрометчивости» Лары (IV, 387–388), осознанием своей «невнимательности» к Тоне, глава углубляет одиночество Живаго, вдруг почувствовавшего себя «чужим и лишним» в доме Лары. При этом одна мысль, выраженная, как правило, одним предложением, составляющем абзац, вытесняет другую: «Значит в Москве они!» // «Отчего она ни словом не обмолвилась о них и о том, где они, точно их и вообще не существовало» (IV, 388) //»Если бы совесть её не была совершенно чиста на этот счет, она не упоминала бы об этой подробности» (IV, 389).

Самыми значимыми образами данного эпизода являются свет и тепло, которые исходят от огня в «кафельной печи с изразцовым, до потолка не доходящим карнизом» (IV, 386).

«Ревнивое ослепление Юрия Андреевича, начавшись со слабых предположений, достигло полной уверенности» на фоне разгорающихся дров[7]. В то же время именно «игра тепла и света на лице и руках», «движущийся отблеск пламени окончательно отрезвил его. О как ему сейчас недоставало ее, как нуждался он в этот миг в чем-нибудь, осязательно исходящем от нее!» (IV, 389).

Самым осязаемым оказывается именно записка, которую доктор читает «при пляшущем свете топящейся печки» (IV, 387). Охваченный чувством «восхищения и раскаяния», вновь испытывая радость обретения Лары, на которую «наговаривал в минуту сомнения» (IV, 388), Юрий достает из кармана «её смятую записку», разглаживает и, установив, «что листок исписан

и с нижней стороны», читает: «О ваших ты знаешь. Они в Москве. Тоня родила дочку» (IV, 389).

Содержание второй части записки передает смятение и волнение Лары, которая, вероятно, не знала, как лучше сообщить Юрию о том, что знакома с его женой и что ее отъезд в Варыкино вызван какими-то особыми обстоятельствами. Этим объясняются «вымаранные строки», стершийся и неразборчивый конец фразы «С Катенькой будет трудно...», попытка объяснить, почему «зачеркнула» — «глупо в записке» (IV, 389).

Обе главы, в которых помещается записка Лары, заканчиваются мыслями истерзанного душевной болью доктора Живаго. При этом от главы к главе состояние его все более усугубляется, что объясняется нарастающим чувством вины перед своей семьей и выражается в том числе в строках из молитвы, которые произносит Юрий: «Вскую мя отринул еси от Лица Твоего, Свете Незаходимый?» Именно эти строки читаются в церкви у Плащаницы Спасителя во искупление своей вины перед Господом.

В композиционном единстве с чтением записки находятся два тяжелых сна Юрия — о сыне и Ларе. Разрывающийся в мыслях между семьей и Ларой, он и во сне чувствует себя преступником по отношению к своему ребенку, понимая, что «приносит его в жертву ложно понятым чувствам чести и долга перед другой женщиной, которая не была матерью мальчика и с минуты на минуту могла войти с другой стороны в комнату» (IV, 391).

Чтение второй части записки, таким образом, обрамляется эпизодами, в которых обнажены страдания Юрия Живаго. Записка Лары и рефлексия Юрия — своеобразные индикаторы их совести. Оба испытывают радость обретения друг друга, оба в смятении.

Анализ двух записок Лары, таким образом, позволяет сделать следующие выводы. Первая ее записка, адресованная подруге, обнажает надломленность, но не сломленность Лары. И размышления Комаровского, который спустя пять лет после их разрыва вновь ощущает ее неотразимость, можно расценивать как одну из точек зрения на юную Лару Гишар: «Сразу было видно, что она не как все. В ней всегда было что-то необыкновенное. Как она мечется, как все время восстает и бунтует в стремлении переделать судьбу по-своему и начать существовать сызнова» (IV, 92).

Вторая записка, адресованная близкому ей человеку, дается в контексте его переживаний. В размышлениях Юрия Живаго Лара ассоциируется «с весенним вечером на дворе», с «воздухом, размеченным звуками», с Россией — «несравненной, за морями нашумевшей», «мученицей, упрямицей, сумасбродкой, шалой, боготворимой, с вечно величественными и гибельными выходками, которых никогда нельзя предвидеть!» (IV, 388). Именно в этом контексте звучат жизнеутверждающие слова о Ларе: «О как сладко существовать! Как сладко жить на свете и любить жизнь!» (Там же).

Записки Лары, таким образом, становятся одним из средств создания целостности ее образа и выражения позиции автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 4. Доктор Живаго. М., 2004. С. 286. — Далее ссылки на роман даются в тексте с указанием страниц в скобках.

[2] *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 10. Письма. М., 2005. С. 26.

[3] *Пушкин А. С.* Соч.: В 3 т. Т. 3. Проза. М., 1987. С. 229.

[4] Там же. С. 230.

[5] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6 Преступление и наказание. Л., 1973. С. 246.

[6] *Шекспир У.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. Гамлет, принц Датский (перевод Б. Пастернака). М., 1994. С. 67.

[7] «Наличие дров этого сорта в хозяйстве у Лары доказывало, что она знает Самдевятова и что он о ней заботится, как когда-то снабжал всем нужным доктора с его семью. Открытие это было нож в сердце доктору» (IV, 388).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.

2. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.

3. *Зырянова Е. Г.* Частная записка как жанр естественной письменной русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009.

4. *Логунова Н. В.* Русская эпистолярная проза XX — начала XXI веков: эволюция жанра и художественного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.

5. *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках / Сост. Е. И. Покусаева, вступит. ст. Е. И. Покусаева и А. А. Жук. М., 1972.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. (1972) *Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]*. Moscow. (in Russian)
2. Zherebilo T. V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Nazran. (in Russian)
3. Zyrianova E. G. (2009) *Chastnaia zapiska kak zhanr estestvennoi pis'mennoi russkoi rechi [Private note as a genre of the natural written Russian speech]* (Extended abstract of Candidate's thesis, Philology), Kemerovo State University, Kemerovo. (in Russian)
4. Logunova N. V. (2011) *Russkaia epistoliarnaia proza XX — nachala XXI vekov: evoliutsiia zhanra i khudozhestvennogo diskursa [Russian epistolary prose of the XX — beginning of XXI centuries: the evolution of genre and literary discourse]* (Extended abstract of Doctor's thesis, Philology), People's Friendship University of Russia, Moscow. (in Russian)
5. Skaftymov A. P. (1972) *Nravstvennye iskaniia russkikh pisatelei: Stat'i i issledovaniia o russkikh klassikakh [Moral quest of Russian writers: Articles and studies about Russian classics]* (Comp. E. I. Pokusaev, prolusion E. I. Pokusaev, A. A. Zhuk). Moscow. (in Russian)

[хроника]

52-й СЕМИНАР РУССКОГО ЯЗЫКА В ГОРОДЕ ТИММЕНДОРФЕР ШТРАНДЕ

52ND SEMINAR ON RUSSIAN LANGUAGE IN TIMMENDORFER STRAND

(Окончание на с. 75)

С 24 сентября по 7 октября 2017 года в Тиммендорфер Штранде, небольшом курортном городке на севере Германии под г. Любеком, прошёл **52-й международный семинар русского языка**, организованный Союзом учителей г. Гамбурга, на тему «Русский язык и культура в современном мире».

На семинар в этом году приехали 72 слушателя самых разных профессий и возрастов, с разным образованием, начиная от школьников, студентов, специалистов-филологов и кончая домохозяйками и пенсионерами из Германии, Франции, Швеции в возрасте от 18 до 80 лет.

Обязанный своей известностью одному из основателей семинара — почётному доктору СПбГУ доктору филологии Йоханнесу Баару, семинар уже десятый год проводится его ученицей Кристиной Мильш, успешно справившейся с весьма нелёгкими обязанностями руководителя и расширившей границы его деятельности: на его базе организован ежегодный семинар по подготовке к сертификационному тестированию по русскому языку как иностранному (начиная от базового уровня до ТРКИ-3).

Кроме того, в рамках семинара уже в восьмой раз прошли дни русского языка для профессионалов-переводчиков и слушателей семинара. В этом году обсуждались темы: «Речевая стилистика: история, ключевые идеи и направления» (профессор СПбГУ Н. С. Цветова), «Экология России: реальность и ближайшие перспективы» (к. пед. н. Л. В. Лошенков — СПбГУ), «Новое в русском языке: от „лихих 90-х“ к современности» (профессор СПбГУ В. М. Мокиенко).

Организационное и учебно-методическое руководство семинаром в Тиммендорфер Штранде осуществляет филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

Кроме ежедневных занятий по разговорной практике, фонетике, литературе, страноведению и переводу, для участников курсов проводились семинары по выбору лингвистического, литературоведческого и лингвострановедческого характера, чья тематика в значительной степени определяется пожеланиями слушателей, которые они сообщают организаторам до начала семинара.

В этом году слушателям были предложены семинары по следующим темам: «Короткометражные фильмы: практикум по аудированию и говорению» — доц. СПбГУ И. М. Вознесенская, «Речевые формы русского городского романса» — доц. СПбГУ И. Г. Гулякова, «Сопоставление немецко- и русскоязычных обращений в аспекте перевода (на материале речей глав государств) — доц. СПбГУ Л. Н. Григорьева, «Мир человека в зеркале лучших стихов для детей» — д. ф. н., доц. Казанского федерального университета В. А. Косова, «Трудные случаи русской грамматики — виды русского глагола» — доц. СПбГУ Б. Н. Коваленко, «Гражданское общество в России в 2017 году» — Л. В. Лошенков, «Русская разговорная речь вчера и сегодня (читаем басни И. А. Крылова)» — В. М. Мокиенко, «Тусовочный русский язык как иностранный (жаргон, молодёжный и компьютерный сленг» — профессор СПбГУ Н. Л. Федотова, «Русская риторика для всех» — Н. С. Цветова.

В соответствии с одной из лучших традиций Тиммендорфских курсов, сорокапятиминутный перерыв между утренними занятиями любители песни посвящают разучиванию и исполнению популярных русских народных, массовых, авторских песен, русских романсов по учебным пособиям, созданным преподавателями Санкт-Петербургского университета для семинара.

Традиционный литературный вечер в этом году был посвящён творчеству Евгения Евтушенко.

По вечерам вниманию слушателей предлагались лекции, тематика которых определялась в соответствии с интересами слушателей задолго до начала семинара. В этом году были прочитаны лекции, посвя-

А. О. Большев

МЕЛОДРАМАТИЧЕСКАЯ ОБИДА И ТРАГИЧЕСКАЯ ВИНА

ALEKSANDR O. BOLSHEV
MELODRAMATIC RESENTMENT AND TRAGIC GUILT

Мелодраматизм и трагизм рассматриваются в статье как два основных мировоззренческо-психологических регистра, в соответствии с которыми люди моделируют и форматируют свои дискурсы. Мелодраматический компонент играет важную роль в большинстве произведений русской литературной классики, сосуществуя и взаимодействуя с трагическим началом. Алгоритм русского романа, как правило, основан на переключении повествования с мелодраматического модуса на трагический.

Ключевые слова: мелодраматизм; трагизм; философия обиды; философия вины; мелодраматический катарсис.

Melodramatism and tragicalness are viewed in the article as two main worldview-psychological registers, in accordance to which people model and format their discourses. Melodramatic component plays a key role in most Russian classic works of literature, co-existing and interacting with the tragic one. The algorithm of the Russian novel is generally based on switching the narration from melodramatic to tragic mode.

Keywords: melodramatism; tragicalness; the philosophy of resentment; the philosophy of guilt; melodramatic catharsis.

Александр Олегович Большев
Доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
▸ Olegovich1955@mail.ru

Aleksandr O. Bolshev
Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

В рассказе Людмилы Петрушевской «Свой круг» (1988) [8] главная героиня попадает в безвыходную ситуацию: у нее внезапно обнаружилась неизлечимая болезнь, которая должна буквально в считанные недели привести сперва к полной слепоте, а затем и к смерти. Но героиня (ее зовут Нина) думает не о себе, а о судьбе единственного семилетнего сына Алеши. Все складывается так, что после ее кончины ребенок окажется никому не нужен и будет обречен на детдомовское сиротство, поскольку родителей Нины нет в живых, а ее муж, отец Алеши, ушел к другой женщине и сына не любит: плохо развитый для своего возраста, некрасивый, со скверными зубами, да еще и страдающий недержанием мочи мальчик мучительно раздражает его, плебея-неудачника, напоминая о собственных комплексах, — «он видел в нем самого себя и бесился» [6, т. 1: 61].

Чтобы спасти сына, Нина, будучи человеком очень умным, разрабатывает и реализует оригинальный план. Собрав у себя компанию давних друзей и приятелей, включая, разумеется, бывшего супруга и его новую пассию (никто из членов «своего круга» не знает о смертельном недуге Нины), героиня разыгрывает мелодраматическую сцену, в которой сама предстает отвратительной «гадиной», а Алеше отводит роль несчастной и невинной жертвы ее злодейства. Нина демонстративно избивает ребенка, заявляет, что оформляет его в детдом, и даже показы-

вает окружающим соответствующие (разумеется, фиктивные) справки. Результат спектакля в полной мере оправдал ожидания героини: все преисполняются ненавистью к «мерзкой твари» и горячим стремлением спасти «несчастного ребенка», который раньше никого не интересовал. Алешу отнимают у Нины, и она не сомневается: теперь в новой семье своего отца мальчик будет окружен искренним сочувствием и заботой.

Петрушевская ни разу не употребила в своем рассказе слово «мелодрама», но очевидно, что эффект воздействия на «зрителей», достигнутый Ниной, являет собой яркий пример мелодраматического катарсиса, который, по мнению Эрика Бентли, как правило, находит выражение в слезах, проливаемых зрителями (или читателями) над страданиями жертвы, а также в торжестве, вызванном наказанием злодея. Для этого героине потребовалось всего-навсего правильным образом предъявить публике «злодея» и «жертву». Подчеркнем еще раз: до того, как члены «своего круга» испытали, усилиями Нины, мелодраматический катарсис, судьба Алеши их практически не волновала.

Фактически же Петрушевская сталкивает в рассказе два резко отличающихся друг от друга мироощущения, два основных мировоззренческо-психологических регистра, в соответствии с которыми люди моделируют и форматируют свои дискурсы. К первому из них, мелодраматическому, испытывает тягу большинство из нас, тогда как носителями второго, трагического, оказываются сравнительно немногие.

Итак, притягательность мелодрамы состоит в том, что она дает нам возможность всласть поплакать над жертвой и вдоволь насладиться ритуально-торжественным наказанием злодея. Мелодрама основана на триумфе добродетели над злом, причем зло должно быть четко локализовано. В мелодраматической системе координат мир представляется изначально гармоничным и прекрасным (отсюда и важная роль, которая отводится в мелодраме концепту счастья) — дефекты же и изъяны окружающей нас действительности обусловлены исключительно происками злодея. Есть все основания полагать, что мелодраматический модус восходит к архаическому ритуалу с козлом отпущения. Как известно, цель этого ритуального действа состояла в очищении его участников от грехов и скверны, вся ответственность за которые возлагалась на уничтожаемого (или изгоняемого) козла отпущения. Сюжет мелодрамы чаще всего варьирует универсальную ситуацию ритуального уничтожения козла отпущения, вследствие чего наступает немедленное торжество благодати. Сложность и неоднозначность земного бытия в мелодраме категорически отрицается, всякая амбивалентность считается выдумкой все тех же пресловутых злодеев. Психологической основой мелодраматического мироощущения, вне всякого сомнения, является инфантильность: мелодрама представляет собою регрессию к детской стадии человеческого существования [9].

Революции всегда начинаются как мелодрамы: для восставших политизированных масс зло предельно локализовано, концентрируясь в фигуре правителя и его ближайших помощников. Революционная экзальтация в начальной стадии неизменно оборачивается торжеством инфантильности. Совершая древний обряд с козлом отпущения, восставшее общество всякий раз радостно обвиняет правителя во всех своих бедах: это он разграбил национальные богатства, навязал неправильные законы (и уничтожил правильные), из-за него у нас скверный климат и т. д. Впрочем, и войны, как правило, начинаются точно так же — всплеском мелодраматической обиды.

На мелодраматический модус испокон веку настроены дискурсы большинства политических партий и общественных движений — в особенности же оппозиционного толка. Практикуемая ими истерическая демонизация правящих режимов и правительств в полной мере отвечает мелодраматическому канону. Приверженностью мелодраме объясняется и столь частое отсутствие у оппозиционеров внятных позитивных программ: в самом деле, зачем ломать голову над решением сложных социально-экономических проблем, если все они являются следствием козней злодеев и исчезнут без следа, как только царствующее зло

будет низвергнуто? Любая попытка указать на то, что в реальной действительности существует немало объективно обусловленных и трудноразрешимых противоречий, немедленно вызовет у подобных индивидов гневный протест, ибо для них единственным источником всякого зла является правящий режим. Впрочем, и сами правители всегда были склонны в подобном же духе объяснять любые собственные промахи и неудачи исключительно происками злонамеренных врагов — пресловутой «пятой колонны».

В интеллектуальной среде к мелодраме принято относиться свысока, как к низкому жанру массовой культуры. Считается, что во власти мелодраматического катарсиса может оказаться только «примитивный» реципиент — «зритель, не понимающий разницы театра и жизни, героев и живых людей, зритель, способный выстрелить в актера» [Там же: 55]. По-настоящему же культурный человек якобы не станет всерьез сопереживать кипению мелодраматических страстей, он взирает на них с улыбкой. Не случайно Нортроп Фрай настаивал, что мелодрама является разновидностью комедии — то есть она способна растрогать и умилить малокультурных читателей и зрителей, но у образованного индивида может вызвать лишь смех или улыбку: «Образованные люди ходят на мелодраму, чтобы свысока высмеять злодея, ибо они не воспринимают его всерьез» [11: 245].То есть, по Фраю, хотя автор мелодрамы не ставит перед собой задачу рассмешить реципиента, смеховое начало все же входит в смысловую структуру созидаемого им текста подспудно, вопреки его сознательным установкам. Не случайно Фрай относил к сфере комического и такие важные для современной жизни мелодраматические жанровые разновидности, как коммерческая реклама и политическая пропаганда: ведь только наивные простецы способны всерьез воспринимать безудержные рекламные оды, озвучиваемые производителями различных товаров и услуг, а также электоральные посулы рвущихся к власти политиков. Весьма показательным является одно из рассуждений Фрая, посвященное так называемой бытовой комедии, — желая разъяснить читателю, в чем состоит специфика этой жанровой модели, автор «Анатомии критики» приводит в пример знаменитый роман С. Ричардсона: «Бытовая комедия обычно основывается на архетипе Золушки, как, например, в случае с Памелой, чья добродетель вознаграждается, и героиня, в которой средний читатель узнает себя, под шелест свадебного наряда и шуршание банкнот получает доступ в общество, о котором мечтает и она сама и читатель» [Там же: 243].

Итак, история испытаний и страданий несчастной ричардсоновской Памелы является веселой комедией... Но для кого? Во всяком случае, не для того упомянутого исследователем «среднего читателя», ценностные ориентиры которого мало отличимы от Памелиных, в силу чего он без улыбки реагирует не только на ходульные сюжеты мыльных опер и предвыборные программы политиков, но нередко и на безудержно-хлестаковский полет фантазии рекламщиков. Другое дело, что подобное простодушие встречается все же не слишком часто — впрочем, как и непоколебимо иронический интеллигентский снобизм; в подавляющем же большинстве случаев реакция воспринимающего мелодраму индивида оказывается амбивалентной, то есть совмещающей насмешку с искренним сопереживанием.

Есть все основания полагать, что на самом деле влиянию мелодраматизма подвержено подавляющее большинство людей. Перефразируя известный афоризм, можно сказать: «Мы люди, и ничто мелодраматическое нам не чуждо». Мелодрама представляет собою аффективную регрессию к детской стадии человеческого существования, но подобного рода неврозам в той или иной степени подвержена большая часть индивидов.

Даже очень глубокие, интеллектуально изощренные натуры, склонные свысока посмеиваться над банальностью мыльных опер, нередко оказываются во власти мелодраматического мироощущения. Вспомним, например, возмущенную реакцию замечательного русского поэта Булата Окуджавы на освобождение из-под стражи руководителей октябрьского антиправительственного путча 1993 года. В своих комментариях Окуджава объяснил, что арест путчистов он воспринял с на-

слаждением — в качестве справедливого наказания злодеев, являющегося непременным атрибутом ценимого им жанра детективной кинематографической мелодрамы: «С возрастом я вдруг стал с интересом смотреть по телевизору всякие детективные фильмы. Хотя среди них много и пустых, и пошлых, но я смотрю. Для меня главное, как я тут понял: когда этого мерзавца в конце фильма прижучивают. И я наслаждаюсь этим. Я страдал весь фильм, но все-таки в конце ему дали по роже, да? И вдруг я поймал себя на том, что это же самое чувство во мне взыграло, когда я увидел, как Хасбулатова и Руцкого, и Макашова выводят под конвоем. Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним не было. И может быть, когда первый выстрел прозвучал, я увидел, что это — заключительный акт» [7: 5]. Излишне напоминать о том, насколько сложный и неоднозначный характер носила тогдашняя политическая борьба между президентом Б. Ельциным и его противниками, кульминацией которой и стал октябрьский путч: казалось бы, при всем желании это противостояние невозможно воспринимать и описывать в мелодраматическом духе — как столкновение добра и зла. Однако Окуджава в тот момент возжаждал мелодраматического катарсиса, поэтому уход «злодеев» от «справедливого возмездия» вызвал у него гнев.

По меткому замечанию вышеупомянутого Бентли, мелодрама выражает состояние обиженного невротика: «Есть в ней что-то от невротической привычки копить обиды, когда человек считает само собой разумеющимся, что обиды — это несправедливые поступки других по отношению ко мне, а мои поступки по отношению к другим — это заслуженное наказание виновных. Ведь мелодрама отражает именно такое состояние психики» [2: 361].

Прямой противоположностью мелодраме является трагедия, повествующая о страданиях, которые обусловлены отнюдь не случайностями, не происками злодеев, но оказываются закономерным и неизбежным результатом рокового непреодолимого несовершенства земной жизни. Хотелось бы привести два точных суждения все того же Бентли, которые адекватно характеризуют специфику трагического модуса: «В трагедии человек является и ангелом и зверем, которые сошлись в жестокой схватке» [Там же: 295]; «поэт, создающий трагедию, до самой глубины своего существа проникнут тревогой, и он сообщает эту свою тревогу нам [Там же: 311]».

И в этой связи вспоминается русский мыслитель Николай Бердяев, деливший людей на две категории, в зависимости от того, исповедуют они философию обиды или философию вины: «Есть два мироощущения: в основе одного лежит чувство обиды, в основе другого — чувство вины, им соответствуют и разные философии. Интеллигенция наша до сих пор исповедовала философию обиды, т. е. философию рабскую, должно же исповедовать философию вины, т. е. философию свободы. Только свободный может чувствовать себя виновным, только осознавший вину обращается к глубочайшей своей свободе» [3: 4–5]. Можно предположить, что философия вины соответствует духу трагедии, тогда как философия обиды лежит в основе мелодрамы. Однако бердяевскую типологию следует принимать с одно важной оговоркой: крайне сложно представить себе человеческое существо, всю жизнь неукоснительно настроенное на модус трагической вины или же на модус мелодраматической обиды — в действительности же индивид сплошь и рядом переходит с одного мировоззренческо-психологического регистра на другой, и подобная «осцилляция» зачастую обнаруживается даже в рамках одной и той же ситуации.

Человек не может все время жить в мрачном и тревожном пространстве трагедии. По-видимому, мы устроены так, что нуждаемся — хотя бы периодически — в инъекциях солнечной ясности и определенности, и именно поэтому мелодраматизм неистребим. Мир мелодрамы характеризуется младенчески-наивной простотой, в которой не находится места полутонам: здесь чистое добро противостоит инфернальному злу, а всякая сложность, как уже подчеркивалось, считается выдумкой дьявола.

Не случайно мелодраматический компонент без труда обнаруживается в смысловой конструк-

ции многих великих романов. Мелодраматизмом проникнуты, например, прославленные шедевры Л. Толстого и Ф. Достоевского. Другое дело, что мелодраматизм в литературной классике чаще всего сосуществует и взаимодействует с трагизмом. Во всяком случае, алгоритм русского романа, как правило, основан на переключении повествования с мелодраматического регистра на трагический: герои увлеченно строят свое земное счастье, и вот оно уже почти готово — но вдруг неведомо откуда возникает ощущение безысходной тоски и мистической тревоги, напоминая, как в случае с Анной Карениной, что «все мы сделаны затем, чтоб мучиться...» [10, т. 19: 346]. В результате же благополучный помещик и счастливый семьянин Константин Левин прячет от себя веревку, чтобы не повеситься, и ружье — чтобы не застрелиться.

Если у Толстого разрушение мелодрамы принимает обычно форму выявления ущербности земного счастья (оно обнаруживает примитивно-животный характер) и энергией порыва за горизонты земного бытия, то у Достоевского мелодраматизм подвергается деструкции в первую очередь путем выявления порочности маленького человека, претендующего на статус «невинной жертвы зла». Ведь при внимательном рассмотрении образы «униженных и оскорбленных» Девушкина, Мармеладова, Снегирева обнаруживают несовместимую с мелодраматизмом амбивалентность. Их карьерные неудачи, равно как и финансовые трудности, обусловлены в основном запойным пьянством. Горе-отец, пропивающий деньги и имущество своего семейства и берущий у дочери, вынужденной зарабатывать проституцией, деньги на опохмелье, мало годится на роль невинной жертвы. Одновременно и само зло в текстах Достоевского утрачивает кажущуюся ясность и локальность, обретая универсальность, мощь и непреодолимость — оно повсюду, оно укоренено в каждом человеке. Встав на путь беспощадной борьбы против зла, человек становится орудием зла — случай Раскольникова. Встав на путь ангельского дистанцирования от зла, человек все равно становится орудием зла — случай князя Мышкина. Христианское же непротивление злу фактически преисполняет зло уверенностью в собственной силе и безнаказанности — случай Сони Мармеладовой.

Совмещение мелодраматизма и трагизма, обнаруживающееся также в произведениях А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Тургенева, И. Бунина, В. Набокова, Б. Пастернака, несомненно, следует признать важной отличительной чертой национального литературного канона. Причем плодотворен, по-видимому, именно синтез двух этих разнородных, но взаимообусловленных начал, тогда как чрезмерная зацикленность на одном из них чревата существенными аберрациями — особенно же опасен переизбыток мелодраматизма. Человек, всецело настроенный на мелодраматическую волну, остается пленником инфантильных схем: он редуцирует Толстого и Достоевского к школьно-хрестоматийным концептам (творить добро, чтить слезинку невинно замученного ребенка, помнить о священности и неприкосновенности каждой человеческой жизни и т. д.), для него трагическая история человечества оборачивается банально-дидактическим сюжетом о злодеях, которые периодически возникали невесть откуда, чтобы помешать добрым людям радоваться счастью.

Можно ли говорить о каких-либо мелодраматических издержках применительно к современной русской литературе? В какой-то степени, да. Думается, что именно инерция избыточного мелодраматизма препятствует сегодня полноценному литературно-художественному осмыслению Великой Отечественной войны. В подавляющем большинстве произведений о Великой Отечественной показано, как в смертельном противоборстве сталкиваются добро и зло. Злом иногда оказывается исключительно немецкий фашизм, но чаще, начиная со второй половины 1950-х годов, в «военных» произведениях ключевую роль играет «диссидентский дискурс» — соответственно, мы видим, как народ, сражаясь с фашистами, одновременно вынужден вести борьбу и с не менее омерзительным собственным режимом. Положительные персонажи романов и повестей В. Гроссмана, В. Астафьева, В. Быкова, К. Воробьева, Ю. Бондарева, Г. Бакланова и др.

воюют во имя торжества высоких идеалов, мечтают о свободе, но оказываются в трагически-безысходной ситуации: впереди фашисты, а позади, по выражению главного героя быковской «Третьей ракеты», «разная сволочь рядом» [4: 163], то есть функционеры сталинской тоталитарной системы. Как сказано по этому поводу в романе Астафьева «Прокляты и убиты», «малая часть мира сего, зовущаяся солдатом, должна противостоять двум страшным силам, тем, что впереди, и тем, что сзади» [1: 440]. В романе Гроссмана «Жизнь и судьба» мысль о сходстве и подобии двух противоборствующих тоталитарных режимов, фашистского и коммунистического, была сформулирована прямо и открыто в обширных философско-публицистических отступлениях, что и стало причиной «ареста» произведения советскими спецслужбами в 1961 году, у авторов же так называемой прозы лейтенантов эта идея звучит в подтексте, но суть единой в своих основах мелодраматической парадигмы не меняется.

«Диссидентская» трактовка Великой Отечественной закономерным образом возникла в период хрущевской «оттепели», став объективно обусловленной реакцией на лакировочное, казенно-официальное изображение войны, которое доминировало в советской культуре в сталинские годы. Проблема в том, что с момента появления таких шедевров, как «Убиты под Москвой» (К. Воробьев), «Мертвые сраму не имут» (Г. Бакланов) и «Мертвым не больно» (В. Быков), прошло уже полвека, но для многих наших литераторов и кинематографистов время как будто остановилось: вновь и вновь они показывают, как коммунистическое государство по-злодейски направляет основные усилия не на борьбу с врагом, а на уничтожение собственного народа — народ же, в свою очередь, сражается не столько с фашистами, сколько с инфернальной советской властью. Спору нет, сталинский режим был и в самом деле жесток, и его функционеры, которые, подобно быковскому капитану Сахно, бондаревскому полковнику Иверзеву или воробьевскому майору Калачу, безжалостно гнали людей на верную смерть, действительно существовали. Однако согласимся: ограничивая всю бесконечную сложность такого многогранного явления, как Великая Отечественная война, рамками мелодраматических страданий жертвенного добра на фоне неистовства инфернального зла, искусство неизбежно впадает в редукционистскую односторонность и схематизм.

Выход видится вовсе не в том, чтобы заменить демонизацию советского (а уж тем более — фашистского) режима его апологией, а в освобождении от издержек мелодраматизма, в системе координат которого добро должно непременно противостоять злу. Для адекватного осмысления величайшей в человеческой истории войны необходимо, не отказываясь от принципов мелодрамы, настроиться также и на волну трагического модуса. Не пора ли, вспомнив совет мудрого классика, взглянуть на трагедию взглядом Шекспира?

Тем более что попытки отказаться от мелодраматического шаблона при изображении Великой Отечественной уже предпринимались. В качестве примера можно привести хрестоматийно известный шолоховский рассказ «Судьба человека» (1956). Текст рассказа, правда, далек от совершенства, ибо Шолохов в середине XX века был уже далеко не тот, что в период работы над гениальной казачьей эпопеей. Однако основу «Судьбы человека» составляет трагическое видение мира, созвучное с тональностью «Тихого Дона». Главный герой рассказа Андрей Соколов, перенесший немыслимые страдания мученик, никого не проклинает, он не винит в своих несчастьях ни фашистских главарей, ни коммунистических правителей. В сущности, Соколов воспринимает себя как жертву неумолимого рока — подобно герою древнегреческой трагедии. Он назван в рассказе «песчинкой, заброшенной в чужие края военным ураганом невиданной силы» [12: 209]. Такой взгляд на Великую Отечественную невольно заставляет вспомнить толстовскую историософию, развернутую в «Войне и мире». Решительным отказом от привычного мелодраматического канона отмечена также и повесть (точнее, «современная пастораль») В. Астафьева «Пастух и пастушка» (1971) — «книга о непреодолимом трагизме бытия и фатальном несовершенстве человека» [6: 128]. «По Астафьеву выходит,

что война принадлежит к тому ряду стихийных бедствий, которые время от времени сотрясают планету, что война — только одна из наиболее крайних форм проявления катастрофичности жизни...», — так справедливо и точно охарактеризовали астафьевское произведение Н. Лейдерман и М. Липовецкий [5: 84].

Пока те, связанные с отказом от избыточного мелодраматизма пути художественного осмысления Великой Отечественной войны, которые явственно обозначились в названных произведениях Шолохова и Астафьева, не привлекли внимание отечественных литераторов, не вызвали интереса. Но нет сомнения, что будущее за теми книгами, в которых мелодраматическое начало, в полном соответствии с национальной традицией, найдет себе место рядом с трагическим — как в «Войне и мире» или «Тихом Доне».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астафьев В.* Прокляты и убиты: Роман. М.: Эксмо, 2002.
2. *Бентли Э.* Жизнь драмы. М.: Айрис-пресс, 2004.
3. *Бердяев Н.* Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.
4. *Быков В.* Повести. Днепропетровск, 1987.
5. *Лейдерман Н., Липовецкий М.* Современная русская литература: В 3 кн. Кн. 3: В конце века (1986–1990-е годы): Учеб. пособ. М., 2001.
6. *Мартазанов А.* Идеология и художественный мир «деревенской прозы» (В. Белов, В. Распутин, В. Астафьев, Б. Можаев). СПб., 2006.
7. *Окуджава Б.* О событиях в стране // Подмосковные известия. 1993. 11 декаб.
8. *Петрушевская Л.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Харьков; М., 1996.
9. *Степанов А.* Психология мелодрамы // Драма и театр. Вып. 2. Тверь, 2001. С. 38–51.
10. *Толстой Л.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1935.
11. *Фрай Н.* Анатомия критики. Очерк первый // Зарубежная эстетика и теория литературы. XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 232–263.
12. *Шолохов М.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1960. Т. 8.

REFERENCES

1. Astaf'ev V. (2002) *Prokliaty i ubity [Cursed and killed]* (a novel). Moscow (in Russian).
2. Bentli E. (2004) *Zhizn' dramy [The Life of drama]*. Moscow. (in Russian)
3. Berdiaev N. (1910) *Dukhovnyi krizis intelligentsii [Spiritual crisis of the intelligentsia]*. St. Petersburg. (in Russian)
4. Bykov V. (1987) *Povesti [Stories]*. Dnepropetrovsk. (in Russian)
5. Leiderman N., Lipovetskii M. (2001) *Sovremennaia russkaia literatura [Modern Russian literature]*, in 3 books, book 3: V kontse veka (1986–1990-e gody) [At the end of the century (1986-1990 years)] (textbook). Moscow. (in Russian)
6. Martazanov A. (2006) *Ideologiia i khudozhestvennyi mir «derevenskoi prozy» (V. Belov, V. Rasputin, V. Astaf'ev, B. Mozhaev) [The Ideology and the artistic world of the "village prose" (V. Belov, V. Rasputin, V. Astaf'ev, B. Mozhaev)]*. St. Petersburg. (in Russian)
7. Okudzhava B. (1993) O sobytiiakh v strane [About events in the country]. *Podmoskovnye izvestiia [Moscow suburbs news]*, December, 11. (in Russian)
8. Petrushevskaia L. (1996) *Sobranie sochinenii [Collected works]*, in 5 vols. Kharkov; Moscow, 1996. (in Russian)
9. Stepanov A. (2001) Psikhologiia melodramy [The psychology of melodrama]. In: *Drama i teatr [Drama and theater]*, iss. 2. Tver', pp. 38–51. (in Russian)
10. Tolstoi L. (1935) *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*, in 90 vols. Moscow. (in Russian)
11. Frai N. (1987) Anatomiia kritiki. Ocherk pervyi [Anatomy of criticism. The first sketch] . In: *Zarubezhnaia estetika i teoriia literatury. XIX–XX vv. Traktaty, stat'i, esse [The foreign aesthetics and theory of literature. XIX–XX centuries. Treatises, articles, essays]*. Moscow, pp. 232–263. (in Russian)
12. Sholokhov M. (1960) *Sobranie sochinenii [Works]*, in 8 vols, vol. 8. Moscow. (in Russian)

[хроника]

52-й СЕМИНАР РУССКОГО ЯЗЫКА В ГОРОДЕ ТИММЕНДОРФЕР ШТРАНДЕ

(Начало на с. 68)

щённые современному русскому языку: «Русский язык сегодня» (В. М. Мокиенко), «Разговорная речь в разных сферах функционирования» (И. М. Вознесенская), «Живёхонький и здоровёхонький (Об экспрессивном потенциале русского словообразования)» (В. А. Косова), «Немцы в русском языке и литературе» (В. М. Мокиенко), «Синтаксические нормы русского языка» (Н. Л. Федотова) и литературе: «Современная литературная ситуация в России» (Н. С. Цветова). Состоялась беседа и обсуждение фильма доктора Игнаэца Лоза «Der Untergang der Sowjetunion» (Л. В. Лошенков, Л. Н. Григорьева).

Были показаны фильмы: «Идиот», «Дама пик», «Ученик», «Дуэлянт», «Петербург только по любви», «Рассказы», содержание которых обсуждалось на занятиях.

Таким образом, в разнообразную работу на семинаре были включены и учащиеся, и преподаватели, для которых двухнедельная работа представляет собой своеобразный «интенсив», требующий максимальной профессиональной и человеческой отдачи.

Каждый, кто побывал хотя бы раз на Тиммендорфском семинаре, сохраняют в сердце память о тёплой атмосфере, о дружеском, сердечном общении, добрых шутках, мягком юморе, непринуждённости, взаимопомощи.

Следующий, 53-й международный семинар русского языка в Тиммендорфер Штранде состоится 23 сентября — 06 октября 2018 года. Информация о семинаре размещена на сайте: www.Russisches-sprachseminar.de.

Б. Н. Коваленко, СПбГУ

Концепция увековечения памяти жертв репрессий была утверждена Правительством РФ. 30 сентября 2015 года президент Владимир Путин подписал указ о возведении монумента их жертвам. Это решение на официальном уровне закрепило отношение государства к репрессиям.

В День памяти жертв политических репрессий, 30 октября 2017 года, в Москве на пересечении проспекта Академика Сахарова и Садового кольца открылся монумент жертвам массовых репрессий «Стена скорби».

Ч. А. Горбачевский

«ХВАТИТ С НАС ЭТОЙ ВОЗНИ С РЕАБИЛИТИРОВАННЫМИ», ИЛИ ПОСЛЕ ЛАГЕРЯ — В БОЛЬШУЮ ЖИЗНЬ

CHESLAV A. GORBACHEVSKIJ
"WE'VE HAD ENOUGH OF THE FUSS WITH THE REHABILITATED PEOPLE",
OR OUT OF THE HARD LABOR CAMP INTO THE BIG LIFE

Чеслав Антонович Горбачевский

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института социально-гуманитарных наук

Южно-Уральский государственный университет

пр. Ленина, д. 76, Челябинск, 454080, Россия

► cheslavgor@gmail.com

Cheslav A. Gorbachevskij

South Ural State University

76 Lenin Avenue, Chelyabinsk, 454080, Russia

В статье анализируется стихотворение Е. М. Тагер «Двадцать лет спустя» (1959), явившееся ответом на высказывание о «возне с реабилитированными» известного прозаика и драматурга В. Ф. Пановой. Конфликт двух мировоззрений связан как с различием биографий и жизненного опыта, так и с глубинными противоречиями «века-волкодава» и разностью понимания происходящих событий двумя литераторами. Е. М. Тагер обращается к судьбам современников, пострадавших от репрессивной сталинской системы (в том числе Б. А. Пильняка, О. Э. Мандельштама, Б. Л. Пастернака).

Ключевые слова: конфликт; тематическое поле; лирический герой; авторская позиция.

The article analyzes Elena M. Tager's poem "Twenty Years After" (1959), which was a response to the statement of "tinkering with rehabilitated people" by famous novelist and playwright Vera F. Panova. The conflict of the two worldviews was associated with contradiction between personal experiences and different understandings of what had happened with the country in the Stalinist period. Elena M. Tager refers to the fate of her contemporaries suffered from the repressive state machine, such as writers Boris Pilnyak, Osip Mandelstam, and Boris Pasternak).

Keywords: conflict; thematic field; lyrical hero; author's position.

Слова о возне с реабилитированными принадлежат известному литературному воспитателю и моралисту, лауреату государственных премий, журналисту, детскому писателю, прозаику и драматургу Вере Фёдоровне Пановой (1905–1973). Ответом на них явилось не опубликованное в своё время стихотворение «Двадцать лет спустя» (1959), написанное литератором Еленой Михайловной Тагер (1895–1964).

Е. М. Тагер с 1923 по 1927 г. находилась в архангельской ссылке (по ложному обвинению в экономическом шпионаже); затем 10 лет —

в колымских лагерях (1938–1947) по новому сфабрикованному обвинению в шпионаже и сотрудничестве с фашистской разведкой; в 1949-м была сослана на вечное поселение в Западную Сибирь, а после третьего ареста в 1951-м году — в Северный Казахстан (1951–1954). В 1954 году освобождена, в 1956-м — вернулась в Ленинград, реабилитирована. В 1957 году была переиздана книга «Зимний берег» (сборник рассказов и пьеса «Васька Буслаев»). «Повесть об Афанасии Никитине» напечатана посмертно (1966), в Тарту были опубликованы воспоминания Е. М. Тагер о Блоке. Скончалась в 1964 году[1].

В 1990 году Владимир Бахтин писал: «Елена Тагер скончалась в Ленинграде, в своей новой, почти необжитой ещё квартире, в полном одиночестве — не сразу и узнали об этом. А через два года — тоже посмертно! — в 1966 году вышла её „Повесть об Афанасии Никитине“. Большинство из сохранившихся её 82 стихотворений не опубликовано до сих пор» [1: 170].

Двадцать лет спустя

Хватит с нас этой возни
с реабилитированными
Вера Панова

Ну, правильно! Хватит с вас этой возни.
Да хватит и с нас, терпеливых,
И ваших плакатов крикливой мазни,
И книжек типически лживых.

Не выручил случай, и Бог нас не спас
От мук незаслуженной кары...
А вы безмятежно делили без нас
Квартиры, листаж, гонорары.

Мы слышали ваш благородный смешок...
Амнистии мы не просили.
Мы наших товарищей клали в мешок
И молча под сопки носили.

Задача для вас оказалась легка:
Дождавшись условного знака,
Добить Мандельштама, предать Пильняка
И слопать живьём Пастернака.

Но вам, подписавшим кровавый контракт,
В веках не дано отразиться,
А мы уцелели. Мы живы. Мы факт.
И с нами придётся возиться [2: 32].

Синтаксический подхват и интонация протеста с первых же строк задают тон всему стихотворению, в котором перечисляются события и впечатления от недавней прошлой, а затем и настоящей жизни лирического героя — от его арестов, отправкой в тюрьмы, пересылки и лагеря до освобождения. Лирический герой не считает себя вправе забыть преступления, смириться с существующим положением, а заодно и с теми, кто когда-то подписал *кровавый контракт*.

Очевидно, что в стихотворении-инвективе контрастны два мира: лагерный и вольный. В основе концепции текста Елены Тагер лежит непримиримый конфликт двух мировоззрений, в котором противопоставлены отдельные обитатели вольного мира, взявшие на себя право и смелость решать судьбы других, собственно судьбы тех, кого в соответствии с нормами сталинского времени принято было называть «врагами народа».

Наиболее отчётливо данная антитеза проявляется на идейно-образном и стилистическом уровнях, на которых по разные стороны пространства этого мира оказываются: муки незаслуженной кары ↔ квартиры, листажи, гонорары; память о жестоком лагерном быте, колымских реалиях с их голодом, холодом, мученическими смертями ↔ благородный смешок тех, кто, так или иначе, участвовал в уничтожении людей; отстаивание собственной чести, гордости, нежелания ждать милости, т. е. амнистии от государства ↔ готовность держать «нос по ветру», отказавшись от решения судеб репрессированных / реабилитированных людей.

Стихотворение Елены Тагер — это ответ не только и не столько Вере Пановой, сколько так называемому широкому общественному мнению, не видевшему в незаконных репрессиях ничего плохого — это в лучшем случае, а в худшем — своим участием (открытым и тайным) поддерживавшему незаконные аресты, расстрелы и посадки.

Настоящим писателям — Б. А. Пильняку, О. Э. Мандельштаму, Б. Л. Пастернаку — противопоставлены те, кто лакирует действительность и вместе с тем пишет разрешённые «типически лживые книжки». Возможно, Е. М. Тагер не вполне справедлива в отношении В. Ф. Пановой лич-

но, поскольку не все книги последней *типически лживы*. Но на фоне трагических судеб огромного количества людей, уничтоженных и несправедливо загнанных на долгие годы в лагеря, из которых далеко не все вернулись, на фоне попыток скорого забвения самой памяти о незаконно репрессированных, откровенно резкие слова Елены Тагер в адрес авторов *крикливой мазни* вовсе не кажутся чрезмерными.

Обращает на себя внимание и то, что так называемый «вольный мир» стихотворения, в котором официальное, партийное мнение является «последней инстанцией» в принятии решений, не вполне волен. Поэтому внешние и внутренние границы лагерного существования для бывшего зэка оказываются размытыми, они как бы переносят по эту сторону колючей проволоки узаконенные «правилки» и «суды чести» тюремно-лагерной «аристократии», т. е. уголовников.

Мироподобное лагереподобие не способствует появлению у лирического героя Елены Тагер здорового оптимизма в отношении устроенной подобным образом действительности, в которой величайшие преступления против человека либо вовсе не признаются таковыми, либо непозволительно быстро забываются. В сконструированной таким образом системе миром правят люди, *добившие* Мандельштама, *предавшие* Пильняка и *слопавшие живьём* Пастернака. В бунте и несогласии лирического героя отчётливо звучит боль и сострадание в отношении таких же, как он, — брошенных и забытых, вернувшихся и не вернувшихся из «параллельного мира» тюрем и лагерей. Не случайно наряду с Пильняком и Мандельштамом, погибшими в сталинских застенках, упомянуто имя Пастернака, в полной мере испытавшего на себе порядки псевдовольного мира. Так в условиях внутренней войны с «врагами народа» несправедливое к ним отношение не заканчивалось с выходом на свободу[2].

Местоимение *вы* в тексте стихотворения тесно связано с образами, мотивами, идеями этого псевдовольного мира: *вознёй*; *плакатами* с *крикливой мазнёй*, *лживыми книжками*; *квартирами* (поделённые среди своих), *листажом* (печатным), *гонорарами* (и их безмятежным дележом); *благородным смешком* (не имеющим ничего общего с благородством); *лёгкой задачей*; *условным знаком*, по которому составляется *кровавый контракт* и устраивается травля людей и их уничтожение с последующим забвением. Такая недвусмысленность впечатлений приводит лирического героя к закономерным выводам о крайне несправедливом устройстве такой системы. И вместе с тем лирический герой приходит к твёрдому, хотя и слабо утешительному убеждению, что всей этой *возне* и *мазне в веках не дано отразиться*.

Местоимение *мы* связано с образами и идеями *Бога, мук, кары* (незаслуженной), *амнистии* (которой *мы не просили*), *товарищей* (умерших и похороненных под сопками на Колыме); (мы как) *факт*.

Формы местоимений варьируются: *вы* (2), *вас*, *вам*; *ваш, ваших*; *мы*[3], *нас* (3), *нами*. Местоимения становятся своеобразной основой в кольцевой композиции (включая эпиграф) текста и вместе с тем сквозной антитезой образных и мотивных комплексов и отношений, порождающих неразрешимый конфликт.

Таким образом, заочная мировоззренческая полемика между В. Ф. Пановой и Е. М. Тагер возвращает читателя к известным словам[4] одного из персонажей рассказа В. Т. Шаламова «Перчатка» (1972):

«Были ли мы?

Отвечаю: „были“ — со всей выразительностью протокола, ответственностью, отчётливостью документа» [4: 279]. Актуальность слов персонажа В. Т. Шаламова и стихотворного ответа, по сути, на этот же вопрос лирического героя Е. М. Тагер не вызывает сомнений и в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Из поздних публикаций: О Мандельштаме // Звезда. 1991. № 1. С. 158–167 [Стихотворения] // Возвращение: Сб. прозы, поэзии, критики, философских эссе. М., 1991. С. 169–178. Десятилетняя зима. М., 1994. («Поэты — узники ГУЛАГа»).

[2] В парадоксальном вольном мире «нарушают» нормы советского закона и права не те, кто незаконно осуждал и уничтожал людей, но те, кто был сам незаконно осуждён.

[3] Местоимение *мы* встречается в тексте 6 раз: 3 раза в III строфе и 3 раза в последней (V), в которой тройной повтор

акцентирует внимание на решительности действий не только самого лирического героя, но и других с тем же жизненным опытом и схожими взглядами.

[4] Ещё более двух веков назад Д. И. Фонвизин писал: «Отчего у нас спорят сильно в таких истинах, кои нигде уже не встречают ни малейшего сомнения?» [3: 231].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин В.* Елена Тагер // Возвращение: Сборник прозы, поэзии, критики, философских эссе. М., 1991. С. 169–178.

2. Поэзия узников ГУЛАГа: Антология / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. С. С. Виленский. М., 2005.

3. *Рассадин С. Б.* Сатиры смелый властелин. М., 1985.

4. *Шаламов В. Т.* Собр. соч.: В 4 т. / Сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. М., 1998. Т. 2.

REFERENCES

1. Bakhtin V. *Elena Tager [Elena Tager]* (1991). In: *Vozvrashchenie: Sbornik prozy, poezii, kritiki, filosofskikh esse [The Return: a collection of prose, poetry, criticism, philosophical essays]*. Moscow, pp. 169–178. (in Russian)

2. *Poeziia uznikov GULAGa: Antologiia [Poetry by prisoners of GULAG: Antology]* (2005) / Pod obshchei redaktsiei akademika A. N. Iakovleva; Sostavitel' S. S. Vilenskii. Moscow. (in Russian)

3. Rassadin S. B. (1985) *Satiry smelyi vlastelin [The Bold Lord of Satire]*. Moscow. (in Russian)

4. Shalamov V. T. (1998) Sobranie sochinenii: in 4 vols. / Sostavlenie, podgotovka teksta i primechanie I. Sirotinskoi. Moscow, vol. 2. (in Russian)

[хроника]

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТОЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ (1917–2017):
О ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СЛОВО. СЛОВАРЬ. СЛОВЕСНОСТЬ: ЯЗЫК РЕВОЛЮЦИИ — ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ»

THE LINGUISTIC VIEW THROUGH THE PRISM OF 100TH ANNIVERSARY OF RUSSIAN REVOLUTION (1917–2017): ON ALL-RUSSIA SCHOLARLY CONFERENCE "WORD. DICTIONARY. LITERATURE. THE LANGUAGE OF REVOLUTION AND SOVIET EPOCH"

(Продолжение на с. 99, 120)

8–9 ноября 2017 года в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена состоялась Всероссийская конференция «Слово. Словарь. Словесность: язык революции — язык советской эпохи». Подзаголовок ежегодной конференции, традиционно связывающейся со значимым событием в лингво- и социокультурной жизни, был обусловлен знаменательной исторической датой — 100-летием Октябрьской революции.

Заявленная тема, по единодушному мнению участников конференции, объединила исследования докладчиков из Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Новосибирска, Оренбурга, Великого Новгорода, Липецка и ряда других городов и обусловила содержательную целостность (при несомненном разнообразии) докладов.

Пленарное заседание «„Эхо Октября“ в социокультурном контексте» определило основные тематические векторы работы конференции. Открывая конференцию, декан филологического факультета проф. Н. Л. Шубина отметила неизменную взаимосвязь научной деятельности кафедры русского языка с задачами образования. В контексте темы заседания показательна реформа русской орфографии и пунктуации, осуществленная в первые послереволюционные годы. Именно школа, естественно принявшая реформу, показала ее состоятельность и своевременность.

Доклад проф. В. А. Ефремова (РГПУ им. А. И. Герцена) «„Язык революционной эпохи“ (1928) А. М. Селищева: 90 лет спустя» предложил очень интересное современное прочтение классической работы. Проф. В. Д. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена) на примере словарных описаний лексем *космополит* и *националист* в XIX–XXI вв. продемонстрировала идеологическую мотивацию лексикографических решений. Проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена) в докладе «Еще раз про „новояз“» на материале современных официальных наименований учебных заведений выявил традиционное недоверие к семантике слова, выхолащивание смысла, насильственную идеологизацию языка. Проф. Ю. Г. Пыхтина (Оренбургский государственный университет) на материале НКРЯ продемонстрировала заметную трансформацию в советскую эпоху образов, пронизывающих всю русскую культуру и связанных с архетипом *дом* и его вербализаторами.

Обсуждение актуальных проблем было продолжено на секционных заседаниях. Секция «Слово в языке советской эпохи: последствия и результаты языковых изменений» объединила доклады, представляющие диахронические аспекты языковых явлений. Так, проф. Т. В. Шмелева (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого) в докладе «Советизмы в современной городской среде» детально рассмотрела проблемы использования «советской лексики» в рекламных целях на материале наименований кафе, столовых и ресторанов. В ходе дискуссии обсуждался вопрос о воздействующем эффекте советизмов и их манипулятивном потенциале. Проф. Е. В. Сергеева (РГПУ им. А. И. Герцена) в докладе «К вопросу об изменении значения лексемы „патриотизм“ в русском языке начала XXI в.» обратилась к закономерностям изменения лексического значения слова-идеологемы под влиянием экстралингвистических факторов. Доц. И. Н. Левина (РГПУ им. А. И. Герцена) в докладе «Уверенность, неуверенность, кажимость в публицистике 1917 года: „Несвоевременные мысли“ М. Горького» продемонстрировала грамматические категории текста Горького.

Совместный доклад проф. О. А. Анищенко (Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова) и д.ф.н., с.н.с. М Н. Приёмышевой (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) «Молодежный язык революционной эпохи (о „Словаре жаргона школьников и беспризорников послереволюционной России. 1920–1930-е гг.“)» стимулировал дискуссию о функциях жаргонизмов в художественном тексте и мотивированности их использования.

И. В. Одинцова

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВОДИДАКТИКА В РЯДУ ДРУГИХ КОГНИТИВНЫХ НАУК

IRINA V. ODINTSOVA
COGNITIVE LINGUODIDACTICS AMONG OTHER COGNITIVE SCIENCES

В статье рассматриваются роль и место когнитивной лингводидактики в ряду других когнитивных наук. Анализируется влияние таких когнтивных наук, как психология антропология, социология, лингвистика, на когнитивную лингводидактику.

Ключевые слова: когнитивная лингводидактика; когнитивная психология; когнитивная антропология; когнитивная лингвистика; язык; мышление.

The article examines the role and place of cognitive linguodidactics among other cognitive sciences, and analyzes the influence of such cognitive sciences as psychology, anthropology, sociology, linguistics on cognitive linguodidactics.

Keywords: cognitive linguodidactics; cognitive psychology; cognitive anthropology; cognitive linguistics; language; thinking.

Ирина Владимировна Одинцова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

► ascot.irina@yandex.ru

Irina V. Odintsova

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Современные науки отличаются многообразием форм и методов. Однако глобализация общества провоцирует развитие системного взгляда на мир, объединенного общей идеей и сходной методологией. Становление комплексного взгляда на мир и человека в мире способствует развитию новых форм научного исследования, основанного на взаимодействии разных наук.

Междисциплинарность — специализация исследований, по выражению В. И. Вернадского, «не по наукам, а по проблемам», появление комплексных областей знаний и, прежде всего, знаний, связанных с наукой о человеке, является логичным продолжением, этапом и в определенной степени итогом накопленных знаний в конкретных науках. Снятие информационных барьеров между специалистами, изучающими разные науки и даже частные разделы одной науки, дают мощный импульс для исследований.

Основой междисциплинарности гуманитарных наук в последнее время отводится когнитивизму — взгляду, «согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека» [5: 17]. Объектом изучения когнтивизма признается человеческий разум, мышление и те ментальные процессы, которые

определяют и прогнозируют деятельность человека, категоризуют его опыт.

Хотя, как считает К. Дж. Джерджен [21], когнитивизм, пришедший на смену бихевиоризму, отталкивающемуся от наблюдения фактов и завершающегося опытной верификацией теоретических гипотез, — это всего лишь очередной этап многовекового «маятникового движения» европейской мысли, когда на смену эмпиризму приходит рационализм, однако поворот в развитии современной науки в сторону когнитивных исследований дал плодотворный стимул в развитии науки о человеке и его познавательных способностях.

Как отмечают исследователи, работающие в сфере когнитивных наук, в последнее время фокус исследовательского интереса постепенно смещается с достаточно хорошо изученного центра на проблемную периферию: появляются науки на стыке областей научного знания. В данном контексте междисциплинарность рассматривается не просто как стремление к расширению дисциплинарных границ, но и как иерархически устроенная когнитивная технология.

Современный, когнитивный, взгляд на проблемы лингводидактики* невозможен без рассмотрения магистральных в современной науке направлений, оказавших решающее влияние на развитие линговодидактической теории.

1. Конитивная психология

Ядром когнитивной науки считается когнитивная психология. Доминирующее положение психологии вполне понятно, поскольку именно в психологии основным фокусом внимания является человек. Согласно классификации, предложенной отечественным философом и теоретиком науки Б. М. Кедровым (1903–1985), выделяются три группы научных дисциплин: естественные, социальные (общественные) и философские. Схематически их можно представить в виде треугольника, вершины которого соответствуют естественным (верхняя), социальным (левая) и философским (правая) дисциплинам. Психология тесно связана со всеми группами наук и поэтому располагается внутри треугольника, поскольку человеческое мышление — один из разделов психологии — изучается всеми другими науками [6]. С точки зрения отечественного психолога Б. Г. Ананьева, психология призвана привести к синтезу, интегрировать данные и достижения смежных с нею наук на уровне конкретно-научного знания [1]. Учитывая эту, заложенную в ней возможность, Б. Ф. Ломов назвал психологию «интегратором» всех научных дисциплин, предметом исследования которых является человек [8: 19].

Когнитивная психология охватывает весь диапозон психологических процессов: ощущение, восприятие, мышление, запоминание, память, воображение, внимание, понимание, распознавание образов, эмоции, процессы развития и т. д., которые имеют непосредственное отношение к обучению языку.

Когнитивное направление в лингводидактике еще находится в стадии формирования. К сожалению, многие современные исследователи, говоря о когнитивности в лингводидактике, упрощенно понимают это явление и отождествляют его с сознательным овладением языка в последовательности от правил к употреблению, то есть возвращают лингводидактику к формальному пониманию психологии обучения языку.

Когнитивное направление открывает широкие возможности, до конца еще не изученные, проникнуть в тайну освоения и присвоения иностранного языка. Человек обладает врожденным когнитивным аппаратом, однако возможности этого аппарата не безграничны. Поэтому так важно найти экономные и действенные пути его активизации. Перед современными исследователями, в частности, стоят задачи поиска оптимальных форм упаковки знаний, путей их интериоризации и экстериоризации; выявления когнитивных стратегий, обеспечивающих получение, обработку, преобразование, хранение и т. д. информации; превращения знаний в автоматизированный навык; определения когнитивных механизмов, обеспечивающих успешность реализации стратегий, и т. д. Обращение к психологическому аспекту в лингводидактике невозможно без учета когнитивных стилей, характерных как для отдель-

ных учащихся, так и для представителей целых национальностей.

2. Когнитивная антропология

Если в фокусе внимания когнитивной психологии находятся познавательные процессы человеческой психики, то проблемы, связанные с организацией способов познания и ментального структурирования картины мира представителей разных национальностей, находятся в фокусе исследований когнитивной антропологии. Объектом изучения когнитивной антропологии, как замечает С. В. Лурье, признается «система ментальной организации элементов культуры, а не сами по себе элементы культуры» [10: 88–89]. «В самом общем виде модель мира определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [17: 5].

Картина мира представляет собой объемную концептуальную единицу — концептуальную сеть, в которую вплетены миллионы концептов, отражающих представления человека о себе, мире, о своей деятельности, ценностях и т. д. Картина мира является ментальной сущностью, результатом процессов концептуализации и категоризации образов мира, явлений как реальных, так и виртуальных.

Картина мира неотделима от понятия «языковая картина мира», ибо именно языковая концепция реальности является определяющей в нашем видении и понимании мира действительности.

Языковая картина мира — зафиксированная в языковых единицах схема восприятия действительности в определенный исторический период. И то, что мы воспринимаем как реальность, «на самом деле есть социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами лингвистической системы, и наши представления о мире в большой мере определяются нашим языковым сознанием: то, как мы говорим о мире в данных нам формах языка, не только отражает наше восприятие мира, но и обусловливает его» [18: 163].

В практике преподавания иностранных языков мы имеем дело с учащимися разных языковых систем, с проявлением разных культур. Понять какую-то фразу на иностранном языке значит пропустить ее через фильтр уже сложившейся в языковом сознании системе знаний, соотнести ее со своим, родным, тезаурусом, найти соответствующее ей содержание в своей картине мира. Только в опоре на особенности языковой картины мира и отраженного в ней образа мира учащегося мы способны построить эффективную модель обучения, необходимую для успешной межкультурной коммуникации.

3. Когнитивная социология

Предметом социальной когнитологии является комплекс научных и прикладных проблем, связанных с формированием коллективного сознания, определяющего деятельность человека в различных сферах, изучение интеллекта как основы социальных явлений и социального прогресса.

«Любое конкретное социальное отношение, — как к отмечает Т. Лукман, — любое следствие социального действия осаждается в субъективных запасах знания в том или ином виде» [9: 15]. Человек в своей повседневной практике пользуется готовыми схемами, типизированными образцами поведения, выработанными до него человечеством. Основными компонентами социальной системы являются роли, нормы, ценности, установки, сложившиеся исторически в опоре на социокультурные доминанты.

В современной когнитивной социологии признается факт влияния когнитивного контекста на индивидуальные ментальные и социальные акты. Когнитивные схемы, образуя запас само собой разумеющихся знаний, облегчают работу по истолкованию информации, определяют социальные перцептивные потребности человека и способы их удовлетворения.

Формирование социального мира человека, построение картины мира в человеческом сознании возможно лишь в процессе коммуникации. И здесь основное место отводится языку, ибо «сущность человека покоится в языке» [16: 259],

а разные языки — «это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [4: 349].

Овладение иностранным языком невозможно без лингвосоциального аспекта, т. к. любой язык погружен в социальный контекст и обусловен им. Социальные структуры «предопределяют выбор дискурсивных структур, которые, в свою очередь, организовывают, обеспечивают возникновение и существование первых» [20: 265–266]. Пользователи языка, вовлеченные в дискурс, бессознательно или осознанно совершают социальные действия, участвуют в социальной интеракции, поэтому обучение языку как средству иноязычного общения возможно лишь с опорой на социальную перцепцию — восприятие, оценку, понимание представителей разных национальностей не только предметов материального мира, но и социальных «объектов» — людей другой материальной, ментальной и духовной культуры, их традиций, обычаев, ценностей, убеждений.

4. Когнитивная лингвистика

Когнитивная лингвистика понимает язык «как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент — систему знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформации информации» [7: 53]. Когнитивная лингвистика позволяет по-новому подойти, осмыслить и объяснить «сакральную» связь между языковой формой и мышлением, синхронность в работе языковой и мыслительной систем; перейти от дискриптивного подхода в толковании языковых фактов к их аналитическому исследованию, объясняющему когнитивную сущность языковых явлений.

В рамках когнитивной лингвистики наблюдается многобразие интересных поисков. В целом же, как замечает З. Д. Попова, «вся проблематика когнитивной лингвистики вращается вокруг ее основных категорий — концепт, концептуализация, категоризация, концептосфера или картина мира» [14: 9].

Способность человека к категоризации, одной из фундаментальных мыслительных и предметно-познавательных способностей человека, распространяется на все виды знаний, так как воспринимаемое как единичное обретает предметный смысл только через соотнесение с некоторыми общими категориями, иначе оно оказалось бы «погребенным в безмолвии индивидуального опыта» (Дж. Брунер; цит. по: [11: 122]).

Категоризация неразрывно связана с понятием концептуализации. Концептуализация — это понятийная категоризация. В рамках традиции, связанной с именами Э. Рош, П. Экман, Дж. Лакофф и других, принято считать, что концепты задают первичные, базовые, категории мира.

В когнитивной лингвистике можно выделить разделы, которые безусловно сыграли ведущую роль в ее становлении. Это, прежде всего, когнитивная семантика и когнитивный синтаксис. В лингвокогнитивном аспекте эти два раздела, традиционно рассматриваемые дискретно, оказываются тесно связанными: лексика отвечает за номинацию, синтаксис — за ее координацию.

Отличительной особенностью когнитивной семантики «является выход за пределы собственно языковых знаний и обращение к знаниям неязыкового, энциклопедического характера и определение роли этих знаний в процессе формирования языковых значений и смысла высказывания» [2: 24]. По мнению Р. Шенк, «не существует „словаря“, а есть только „энциклопедия“. Иначе говоря, лексикон тесно связан с прочими нашими знаниями и неотделим от них» [19: 33]. Лексическое значение слова есть ментальный феномен. Оно становится понятным не только благодаря синтагматическому и прагматическому контексту, но и контексту когнитивному — тем знаниям, на основе которых оно сформировалось.

Когнитивный синтаксис позволяет увидеть за поверхностной структурой предложения глубинную, ментальную, структуру, обусловленную связью лексических компонентов на основе выполнения ими синтаксических функций. Синтаксические структуры, так же как и лексические единицы, обладают концептуальным содержанием, однако их значение более абстрактно и многоаспектно.

Идеи, высказанные когнитологами, близки современной лингводидактике. Являясь приклад-

ной наукой, лингводидактика в своей каждодневной практике реализует эти идеи в аудитории и в своих учебниках. Аксиомой для нее, например, является ведущая роль синтаксиса в грамматике — на синтаксической основе происходит усвоение норм произношения, процессов словоизменения, усвоение морфологических категорий, формирование речевых и языковых умений. Падежная система русского языка, вызывающая всегда трудности в иностранной аудитории, вводится не по формальным признакам своей манифестации, а на основе семантико-синтаксических параметров. Во главу грамматики помещается глагол. А падежные формы — морфологические выражения синтаксических отношений — рассматриваются в аспекте тех «ролей», которые они привычно исполняют в структуре предложения. В лингводидактике закрепилась определенная последовательность введения падежной системы на основе релевантности семантических ролей, «ролевых рамок», в концептуальной картине мира, на основе частотности репертуара падежных средств как средства выражения семантико-синтаксических отношений.

Для лингводидактики актуальным является тщательный отбор концептов и работа с ними. В связи с тем что линговдидактика имеет дело с учащимися разного уровня владения языком, устанавливаются границы концептов; выделяются базовые, универсальные, концепты — «тематические примитивы» [13], достаточные для общения на иностранном языке в условиях повседневного мира; в объемных концептах фиксируются центральные и периферийные зоны; выделяются национально окрашенные концепты, отражающие картину мира русского человека, или в универсальных концептах отмечаются национально окрашенные зоны. Поскольку содержание концептов актуализируется в значениях слов, в их речевых контекстах, актуальным для лингводидактики является каталогизация основных, прототипических, способов языковых репрезентаций концептов, отличающихся высокой степенью номинативной интенсивности и плотности, а также языковых средств, являющихся маркерами лингвокультуры изучаемого языка.

Подводя итог беглому обзору направлений в современной когнитивистике, имеющих непосредственное отношение к обучению иностранному языку, следует назвать три положения, которые их объединяют.

1. *Связь языка и мышления.* В основе всех теорий лежит понимание языка как главного средства конструирования любой реальности, связанной с человеком, в том числе и ментальной. Это обусловлено такими универсальными качествами языка, как неизбежность, — вступая в этот мир, любой человек обречен окунуться в языковую стихию, вне языка человека не существует; общедоступность — каждый из нас пользуется языком; анонимность — свойство языка, которое делает его идеальной знаковой системой, неподвластной человеку, независимой и автономной от действительности.

2. *Репрезентативность сознания.* Большинство когнитологов сходится на мнении, что наше сознание репрезентативно, то есть все виды содержаний, которые приписываются сознанию, имеют репрезентативный характер. Поскольку объекты мира сами по себе не могут быть содержанием сознания, то в роли когнитивных репрезентаций выступают некие символы, модели. Идеальным же способом репрезентации реальности есть сам человеческий язык. «То, что не названо, — не существует», — пишет В. Набоков [12: 10].

Для кодирования и распознавания репрезентативных структур, то есть для осуществления мышления, должны существовать и специальные процедуры, операции — определенный инструментарий. Репрезентативность нашего сознания и ментальные операции дают возможность в хаосе окружающего мира видеть его логику, распознавать и узнавать привычные нам содержания.

3. *Моделированность сознания.* Роль основной операции в познании реальности отводится моделированию — конструированию реальности, отношений и связей в ней. В современной когнитологии моделирование «признается наиболее действенным методом изучения языка и мышления с когнитивно-синергетических позиций» [3: 84]. При моделировании из общего фона выделяется фрагмент, который в рамочной форме

наделяется концептуальным смыслом. Сейчас моделирование становится самым эффективным средством нахождения оптимального решения конструирования сложных систем, действенным методом изучения связи языка и мышления.

Особую значимость имеет моделирование в лингвоконцептологии. Большое число защищенных в последнее время диссертаций свидетельствует о неиссякаемом интересе к моделированию концептов одного языка, к когнитивно-сопоставительному моделированию концептов разных языков. Методом моделирования концепта обычно избирается фреймовое моделирование, которое позволяет описать иерархическую устроенность концепта, сравнить концепты в этнолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах.

Общепринятым в современной лингводидактике является идея о том, что цель обучения иностранному языку заключается в обучении языку как средству общения. Однако под чрезмерной увлеченностью «коммуникативностью» мы часто забываем, что обучение «средствам» — это не основная цель. Иностранный язык — это лишь способ общения с представителями другой национальности, носителями иной культуры. Главная же цель общения — это трансляция содержания. Даже застывшие формулы, регулирующие акты общения, ментально обусловлены. Безусловно, овладение языком невозможно без освоения лексического и грамматического материала — той оболочки, в которую облачено содержание. Но расширяя лексический потенциал наших учащихся, обучая их правилам соединения слов, словосочетаний, предложений, законам построения текста, мы лишь обучаем средствам передачи мысли.

Обучая иностранному языку или обучаясь иностранному языку, мы постоянно находимся в плену размышлений, явных и неявных, осознанных и неосознанных. И все эти размышления построены по законам мышления. Что сказать, как сказать, какое слово выбрать, как объяснить, как не обидеть — все это прерогатива нашего мышления. Даже наши действия, в том числе и речевые, доведенные до автоматизма и превратившиеся в навык, представляют собой «как бы интеллект в свернутом виде» [15: 90].

Итак, когнитивный подход к обучению иностранным языкам аккумулирует достижения целого ряда наук: лингвистики, психологии, социологии, антропологии, философии и т. д. Осознанное и целенаправленное обращение к когнитивной базе обучения РКИ способно обогатить современную лингводидактику. Оно позволит углубить наше понимание природы обучения общению на иностранном языке; активнее использовать когнитивно-педагогические технологии; разработать новые методики преподавания, совершенствовать и систематизировать существующие; активизировать процесс создания учебников нового поколения. Наконец, обращение к когнитивной стороне учебного процесса сделает возможным ввести педагогику, в частности методику преподавания иностранных языков, в междисциплинарное исследовательское пространство.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В данном исследовании термин «лингводидактика» понимается широко как междисциплинарный предмет общей теории овладения неродным языком, где одинаково важными оказываются проблемы лингвистики, педагогики, психологии, психолингвистики, социолингвистики и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.

2. *Болдырев Н. Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 1. 2004. С. 18–36.

3. *Бронник Л. В.* В поисках единицы речевого общения (когнитивно-синергетический фильтр идей) // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 106. С. 83–89.

4. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985.

5. *Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

6. *Кедров Б. М.* Классификация наук. М., 1961. Т. 1.

7. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

8. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

9. *Лукман Т.* Аспекты теории социальной коммуникации // Социологическое обозрение. Т. 6. № 3. 2007. С. 3–21.

10. *Лурье С. В.* Историческая этнология: учеб. пособ. для вузов. М., 1997.

11. *Микешина Л. А.* Эпистемология ценностей. М., 2007.
12. *Набоков В.* Приглашение на казнь. М., 2013.
13. *Одинцова И. В.* «Тематические примитивы» как основа обучения иностранному языку на начальном этапе // Мир русского слова. 2014. № 1. С. 58–63.
14. *Попова З. Д.* Из истории когнитивного анализа в лингвистике // Методологич. проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2001. С. 7–17.
15. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 2000.
16. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993.
17. *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
18. *Цурикова Л. В.* Анализ межкультурной коммуникации: когнитивно-прагматический подход // Вестн. ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 162–182.
19. *Шенк Р., Бирнбаум Л., Мей Дж.* К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 24. Компьютерная лингвистика. М., 1989.
20. *Fairclough N., Wodak R.* Critical discourse analysis // Discourse in Social Interaction / Ed. by T. A. van Dijk. London [et al.], 1997. P. 258–284.
21. *Gergen K. J.* Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism. Cambridge, 1994.

REFERENCES

1. Ananʹev B. G. (1977) *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniia [On the problems of modern anthropology]*. Moscow, p. 272. (in Russian)
2. Boldyrev N. N. (2001) Kontseptualʹnoe prostranstvo kognitivnoi lingvistiki [The conceptual space of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, iss. 1, pp. 18–36. (in Russian)
3. Bronnik L. V. (2009) V poiskakh edinitsy rechevogo obshcheniia (kognitivno-sinergeticheskii filʹtr idei) [In search of units of speech communication (cognitive-synergetic filter ideas)]. I*zvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science]*, no. 106, pp. 83–89. (in Russian)
4. Humboldt W. (1985) *Iazyk i filosofiia kulʹtury [Language and philosophy of culture]*. Moscow. (in Russian)
5. Demʹiankov V. Z. (1994) Kognitivnaia lingvistika kak raznovidnostʹ interpretiruiushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy iazykoznaniia [Topics in the study of language]*. 1994, no. 4, pp. 17–33. (in Russian)
6. Kedrov B. M. (1961) *Klassifikatsiia nauk [Classification of Sciences]*, vol. 1. Moscow, p. 344. (in Russian)
7. Kubriakova E. S., Demʹiankov V. Z., Pankrats Iu. G. et al. (1996) *Kratkii slovarʹ kognitivnykh terminov [Brief dictionary of cognitive terms]*. M., 1996. (in Russian)
8. Lomov B. F. (1984) *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii [Methodological and theoretical problems of psychology]*. Moscow. (in Russian)
9. Lukman T. (2007) Aspekty teorii sotsialʹnoi kommunikatsii [Aspects of the theory of social communication]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review]*, vol. 6, no. 3, pp. 3–21. (in Russian)
10. Lurʹe S. V (1997) *Istoricheskaia etnologiia [Historical Ethnology]* (Textbook for High schools). Moscow. (in Russian)
11. Mikeshina L. A. (2007) *Epistemologiia tsennostei [Epistemology values]*. Moscow. (in Russian)
12. Nabokov V. (2013) *Priglashenie na kazn' [Invitation to a Beheading]*. Moscow. (in Russian)
13. Odintsova I. V. (2014) "Tematicheskie primitivy" kak osnova obucheniia inostrannomu iazyku na nachalʹnom etape ["Thematic Primitives" as a Basis of Learning a Foreign Language at an Early Stage]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 1, pp. 58–63. (in Russian)
14. Popova Z. D. (2001) Iz istorii kognitivnogo analiza v lingvistike [From the history of cognitive analysis in linguistics]. In: *Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki [Methodological problems of cognitive linguistics]* (collection of scientific works; ed. I. A. Sternin). Voronezh, pp. 7–17. (in Russian)
15. Rubinshtein S. L. (2000) *Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of General psychology.]*. St. Petersburg. (in Russian)
16. Heidegger M. (1993) *Vremia i bytie [Time and being]*. Moscow. (in Russian)
17. Tsivʹian T. V. (1990) *Lingvisticheskie osnovy balkanskoi modeli mira [Linguistic basis of the Balkan model of the world]*. Moscow. (in Russian)
18. Tsurikova L. V. (2003) Analiz mezhkulʹturnoi kommunikatsii: kognitivno-pragmaticheskii podkhod [Analysis of intercultural communication: the cognitive-pragmatic approach]. *Vestnik VGU [Proceedings of Voronezh State University]. Seriia Gumanitarnye nauki [Series. Humanities]*, no. 2, pp. 162–182. (in Russian)
19. Shenk R., Birnbaum L., Mei Dzh. (1989) K integratsii semantiki i pragmatiki [To the integration of semantics and pragmatics]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]*, iss. 24. Kompʹiuternaia lingvistika [Computational linguistics]. Moscow. (in Russian)
20. Fairclough N., Wodak R. (1997) Critical discourse analysis. In: *Discourse in Social Interaction* (ed. T. A. van Dijk). London [et al.], pp. 258–284. (in English)
21. Gergen K. J. (1994) *Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism*. Cambridge. (in English)

[хроника]

РУССКОЕ СЛОВО — МИРУ

(Начало на с. 61)

представления в рамках деятельностной парадигмы обучения» (профессор И. Г. Милославский).

На симпозиум был приглашен генеральный директор литературной премии «Большая книга» Георгий Урушадзе, который познакомил участников мероприятий с произведениями, представленными на премию «Большая книга» (шорт-лист) в 2017 году, а также уделил внимание особенно важному для учителей вопросу детской литературы, ее состоянию и премиям для детских писателей, организованных специально с целью повысить интерес детей к чтению. Злободневный вопрос: «читают ли современные дети?» оказался дискуссионным.

На конференции прозвучал давно знакомый голос ведущей радио «Голос России», в настоящее время эксперта Тотального диктанта Юлии Сафоновой на тему: «Тотальный диктант как социальная практика».

Трудная задача часто стоит перед учителями русского языка: они работают в «смешанных» языковых классах, где учатся наряду с русскими учащимися ребята, у которых русский язык неродной. Как подойти к этой проблеме — подробно и интересно говорилось в докладе «Специфика преподавания РКИ в смешанных группах» (доцент А. В. Егорова).

Достойным завершением нескольких дней работы было подведение итогов олимпиады по русскому языку, проведенной среди ираноязычных учащихся «Русский язык в моей жизни». Победители конкурса смогут бесплатно пройти стажировку или обучение во МГОУ.

Организаторы мероприятий надеются на то, что все увиденное и услышанное присутствующими учителями не только расширит их профессиональный кругозор, но и послужит более эффективному обучению русскому языку и литературе.

В. А. Степаненко, д-р пед. наук, проф.,
зав. каф. русского языка, директор
Центра Международного образования МГОУ,
О. Г. Арапова, специалист
по учебно-методической работе МГОУ.

Продолжаем публикацию серии статей, посвященных представлению предлогов в нормативно-методических документах Российской государственной системы тестирования (ТРКИ) (см.: МИРС. 2016. № 2 и 2017. № 1).

Е. Н. Виноградова, Л. П. Клобукова

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ПРЕДЛОГОВ НА БАЗОВОМ УРОВНЕ ОБЩЕГО ВЛАДЕНИЯ РУССКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ

EKATERINA N. VINOGRADOVA, LIUBOV P. KLOBUKOVA

SOME LINGUODIDACTIC PROBLEMS OF PREPOSITIONAL DESCRIPTION ON A2 LEVEL (COMMON LANGUAGE) OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Екатерина Николаевна Виноградова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов

▸ ekaterinavin@mail.ru

Любовь Павловна Клобукова

Доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов

▸ klobukov@list.ru

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

Ekaterina N. Vinogradova, Liubov P. Klobukova

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

В статье анализируются лингвометодические трудности, возникающие при отборе лексико-семантических вариантов предлогов, включаемых в содержание обучения на Базовом уровне общего владения РКИ, а также вопросы их презентации в основных нормативно-методических документах данного уровня. Рассматриваются также проблемы преемственности в описании уровней и определения категориального статуса наречных предлогов.

Ключевые слова: предлог; система ТРКИ; Базовый уровень общего владения РКИ; Лексический минимум; Государственный стандарт; Лингводидактическая программа.

The article elicits bottlenecks arising while selecting lexico-semantic variants of the prepositions to be included into A2 level (common language) teaching content alongside with some moot points of prepositional presentation in the key standard methodical documents of this level. The authors also raise the questions referring to continuity of level descriptions and to accurate categorizing of adverbial prepositions.

Keywords: preposition; Russian as a foreign language tests; level A2; common language; basic dictionary; state standard; linguodidactic program.

Сопоставительный анализ презентации предлогов в разных нормативно-методических документах Элементарного уровня общего владения русским языком как иностранным (РКИ) [4] показал актуальность продолжения исследования данной проблематики применительно к соответствующим материалам Базового уровня владения русским языком как иностранным (БУ).

В статье анализируются проблемы презентации предлогов в основных нормативно-методических документах БУ:

1) в Лингводидактической программе [12] (далее — Программа);
2) в Государственном стандарте [9] (далее — ГС);
3) в Лексическом минимуме [11] (далее — ЛМ).

В заключительном разделе (см. пункт 4) представлено сопоставление презентации предлогов в данных документах БУ.

В то же время анализ Программы, ГС и ЛМ БУ выявил следующие теоретические проблемы, решение которых актуально как для практики преподавания РКИ, так и для русистики в целом:

– проблемы преемственности описания уровней владения РКИ, в частности включения или невключения языкового материала предыдущего уровня в нормативно-методические материалы последующего уровня;
– проблемы номенклатуры значений предлогов, то есть необходимости создания единого для всей Российской государственной системы тестирования (ТРКИ) списка значений, выражаемых предложными группами;
– проблемы наречных предлогов как разряда слов, выделяемых на основании их способности функционировать в предложении и в качестве предлогов, и в качестве наречий.

1. Презентация предлогов в разных разделах Программы Базового уровня общего владения РКИ

В Лингводидактической программе [12] дифференцированно представлен языковой и речевой материал, актуальный для Элементарного, Базового и Первого уровней общего владения РКИ[1]. При этом в Программе каждого уровня предлоги рассматриваются в двух разделах — «Предлоги» и «Имя существительное» (параграф «Значения и функции падежей»). Сопоставление реестров предлогов, предложенных в данных разделах Программы БУ, позволяет выявить список предлогов и их лексико-семантических вариантов (ЛСВ), подлежащих к усвоению на данном уровне (табл. 1).

Сравнительный анализ рассматриваемых разделов Программы (см. табл. 1) позволил обнаружить целый ряд проблем в презентации предлогов.

1. Некоторые предлоги названы лишь в одном из разделов:

а) только в разделе «Предлоги» упоминается предлог ***справа от*** + р. п. В этой связи отметим необоснованное отсутствие в Программе парного предлога ***слева от*** + р. п.;

б) только в разделе «Имя существительное» даны предлоги:
– ***без*** + р. п. с одним значением: ‘отсутствие наличия чего-либо’;
– ***до*** + р. п. с двумя значениями: ‘конечный пункт движения’ и ‘время действия’;
– ***по*** + д. п. в трёх значениях: ‘место движения’, ‘средство связи’, ‘признак предмета по отношению к области знаний’.

2. Перечень значений предлогов в рассматриваемых разделах не совпадает:

а) только в разделе «Предлоги» указаны следующие значения:
– ‘место’ для предлога ***в*** + п. п.;
– ‘особые случаи употребления’ (*в футбол*) для предлога ***в*** + в. п.;
– ‘место’ для предлога ***на*** + п. п.;
– ‘средство передвижения’ для предлога ***на*** + п. п.;
– ‘особые случаи употребления’ (*на гитаре*) для предлога ***на*** + п. п.;
– ‘место’ для предлога ***перед*** + т. п.;

б) только в разделе «Имя существительное» выделены следующие значения:
– ‘характеристика объекта’ для предлога ***о*** + п. п.;
– ‘объект удаления’ для предлога ***от*** + р. п.;
– ‘время’ для предлога ***перед*** + т. п.;
– ‘объект пересечения’ для предлога ***через*** + в. п.

Попутно отметим тот факт, что в разделе «Имя существительное» представлено большее количество предлогов по сравнению с разделом «Предлоги», в то время как в последнем — более дифференцированно даются значения полисемичных предлогов.

Обращает на себя внимание также немотивированное отсутствие значения ‘время’ у предлога ***в*** + в. п. (*в среду, в 12* часов), которое выделено уже на Элементарном уровне общего владения РКИ[4]. Возможно, это связано с недостаточно последовательным соблюдением принципа включения уже усвоенных на предыдущих уровнях языковых единиц в нормативно-методические документы следующего уровня (рассмотрению данной проблемы посвящен следующий раздел статьи).

Проблема презентации в нормативно-методических документах языковых единиц предшествующего уровня

Как известно, в теории и методике преподавания РКИ при разработке поуровневых нормативно-методических документов может использоваться один из двух вариантов представления актуального языкового материала. В первом случае языковой материал, подлежащий изучению на предыдущем уровне, повторяется в Программе, ГС и других документах последующего уровня. Второй вариант предполагает введение только новых языковых единиц.

В предисловии к Лингводидактической программе указано, что «презентация материала в Программе носит поступательный характер, т. е. каждый последующий уровень не повторяет описание материала предыдущего уровня (например, Базовый уровень не включает материал, описанный на Элементарном уровне)» [Там же: 5]. Однако, по нашим наблюдениям, этот принцип презентации языкового материала соблюдается не всегда последовательно. С учетом того,

Таблица 1. **Представление предлогов в разделах «Предлоги» и «Имя существительное» Программы БУ**

Предлог	Раздел «Предлоги»	Раздел «Имя существительное»
без + р. п.		Отсутствие наличия чего-либо: *Я живу в доме без лифта*[2]
в + в. п.	Направление движения	+
	Особые случаи употребления (*в футбол*)	
в + п. п.	Место	
	Время	Время, выраженное сочетаниями со словами *месяц, год: В будущем году я поеду на родину*
во время + р. п.	Время	+
далеко от + р. п.	Место	+
до + р. п.		Конечный пункт движения: *Как доехать до центра?*
		Время действия: *До войны он работал в школе*
из + р. п.	Исходный пункт движения	+
к + д. п.	Направление движения	Лицо как цель движения: *Он поедет к друзьям*
		Лицо / объект как цель приближения: *Я подошел к Виктору; Мы подъехали к дому в 6 часов*
на + в. п.	Направление движения	+
на + п. п.	Место	
	Время	Время, выраженное сочетаниями со словом *неделя: На следующей неделе мы едем в Петербург*
	Средство передвижения	
	Особые случаи употребления (*на гитаре*)	
недалеко от + р. п.	Место	+
о + п. п.	Предмет мысли	Объект мысли, речи: *Мы говорили о российском спорте*[3]
		Характеристика объекта: *Я прочитал статью о спорте*
около + р. п.	Место	+
от + р. п.	Исходный пункт движения	+
		Объект удаления: *Он отошел от окна*
перед + т. п.	Место	
		Время: *Консультация будет перед экзаменом*
по + д. п.		Место движения: *Друзья гуляли по парку*
		Средство связи: *Я послал письмо по почте*
		Признак предмета по отношению к области знаний: *Студенты слушали лекции по истории*
после + р. п.	Время	+
рядом с + т. п.	Место	+
с + р. п.	Исходный пункт движения	+
с + т. п.	Совместность	+
справа от + р. п.	Место	
у + р. п.	Место	+
через + в. п.		Объект пересечения: *через мост, через улицу*
	Время	Период времени, после которого происходит действие: *Мой брат приедет через неделю*

Примечание. Темно-серым цветом помечено отсутствие предлога в соответствующем разделе, светло-серым — неотмеченное значение предлога.

Таблица 2. **Представление предлогов в Программах ЭУ, БУ и ПУ**

Предлоги	Значение предлога	ЭУ	БУ	ПУ
1	2	3	4	5
без + р. п.	Отсутствие наличия		+	
	Время			+
благодаря + д. п.	Причина			+
в + в. п.	Направление	+	+	
	Время (день недели, час)	+		+
	Особые случаи употребления (*играть в футбол*)		+	
в + п. п.	Место	+	+	
	Местонахождение	+		
	Время (месяц)	+	+	
вместо + р. п.	Замещение			+
во время + р. п.	Время		+	
далеко от + р. п.	Место		+	
для + р. п.	Предназначение, цель			+
до + р. п.	Время			+
за + в. п.	Время			+
	Направление			+
за + т. п.	Место, цель			+
из + р. п.	Исходный пункт	+	+	
из-за + р. п.	Причина			+
к + д. п.	Лицо как цель	+	+	
	Лицо, объект как цель приближения		+	
кроме + р. п.	Исключение			+
между + т. п.	Место			+
на + в. п.	Направление	+	+	
	Время			+
на + п. п.	Место	+	+	
	Местонахождение	+		
	Средство передвижения	+	+	
	Объект воздействия	+		
	Время		+	+
над + т. п.	Место			+
напротив + р. п.	Место			+
недалеко от + р. п.	Место		+	
несмотря на + в. п.	Уступка			+
о + п. п.	Предмет речи, мысли	+	+	
	Характеристика		+	
около + р. п.	Место		+	
от + р. п.	Исходный пункт движения		+	
	Причина			+
перед + т. п.	Место		+	+
	Время		+	+
по + д. п.	Место движения		+	+
	Средство связи		+	
	Признак предмета		+	
	Причина			+
	Время			+

Таблица 2 (окончание)

1	2	3	4	5
под + т. п.	Место			+
после + р. п.	Время		+	
посредине + р. п.	Место			+
при + п. п.	Время			+
	Условие			+
рядом с + т. п.	Место		+	
с + р. п.	Исходный пункт	+	+	
с + т. п.	Совместность	+	+	
	Характеристика предмета (*кофе с молоком*)	+		+
	Характеристика действия (*читала с интересом*)			+
с + р. п. ***… до*** + р. п.	Время			+
справа от + р. п.	Место		+	
среди + р. п.	Место			+
у + р. п.	Лицо, обладающее чем-либо	+	+	
через + в. п.	Объект пересечения		+	
	Время		+	
через + в. п. … ***после*** + р. п.	Время			+

Примечание. Светло-серым цветом выделены предлоги, которые не повторяются на более высоких уровнях, а темно-серым — повторяющиеся предлоги.

что Базовый уровень занимает промежуточное положение между Элементарным (ЭУ) и Первым уровнями (ПУ) общего владения РКИ, мы сочли целесообразным привлечь для сопоставительного анализа материалы трех уровней одновременно (табл. 2).

Заявленному в предисловии принципу, заключающемуся в том, что ранее представленные предлоги (точнее, ЛСВ предлогов) более не упоминаются в Программах более высоких уровней, не соответствует следующее (см. темно-серое выделение в табл. 2).

1. На БУ повторно представлены:
   а) некоторые (!) **предлоги**: ***из*** + р. п., ***с*** + р. п., ***у*** + р. п.;
   б) некоторые (!) **ЛСВ предлогов**: ***в*** + в. п. ‘направление’, ***в*** + п. п. ‘место’ и ‘время’, ***к*** + д. п. ‘лицо как цель’, ***на*** + в. п. ‘направление’, ***на*** + п. п. ‘место и средство передвижения’, ***о*** + п. п. ‘предмет мысли, речи’, ***с*** + т. п. ‘совместность’.
2. На ПУ повторно названы:
   а) **предлог *перед*** + т. п.;
   б) единичные **ЛСВ предлогов**: ***в*** + в. п. ‘время’ (при этом на БУ данный ЛСВ отсутствует); ***на*** + п. п. ‘время’, ***по*** + д. п. ‘место движения’, ***с*** + т. п. ‘характеристика предмета’ (при этом на БУ данный ЛСВ отсутствует).

В то же время и вторая стратегия — эксплицитное представление всех «старых» предлогов на каждом следующем уровне наряду с включением «новых» (этот принцип используется авторами Лексических минимумов) — также не соблюдается последовательно (см. светло-серое выделение в табл. 2).

1. На БУ повторно не упоминаются лишь некоторые ЛСВ предлогов: ***в*** + в. п. ‘время’ (названный на ПУ), ***в*** + п. п. ‘местонахождение’, ***на*** + п. п. ‘местонахождение’ и ‘объект воздействия’, ***с*** + т. п. ‘характеристика предмета’.
2. На ПУ повторно не упоминаются:
   а) подавляющее большинство предлогов, названных на ЭУ и БУ (все, кроме ***перед*** + т. п.): ***без*** + р. п., ***в*** + п. п., ***во время*** + р. п., ***далеко от*** + р. п., ***из*** + р. п., ***к*** + д. п., ***недалеко от*** + р. п., ***о*** + п. п., ***около*** + п. п., ***после*** + р. п., ***рядом с*** + т. п., ***с*** + р. п., ***справа от*** + р. п., ***у*** + р. п., ***через*** + р. п.;
   б) ряд ЛСВ предлогов, введенных на предыдущих уровнях: ***в*** + в. п. ‘направление’ и ‘особые случаи употребления’, ***на*** + в. п. ‘направление’, ***на*** + п. п. ‘место’, ‘местонахождение’, ‘средство передвижения’, ‘объект воздействия’, ***от*** + р. п. ‘исходный пункт движения’, ***по*** + д. п. ‘средство связи’ и ‘признак предмета’, ***с*** + т. п. ‘совместность’.

Вероятно, можно говорить о «тяготении» при составлении Программы БУ ко второй стратегии (повторение предлогов, актуальных для Программы ЭУ), а при составлении Программы ПУ — к первой (включение только «новых» предлогов), однако ни в одной из Программ не выдержан последовательно ни тот, ни другой принцип. Так, например, на БУ для пред-

лога ***на*** + п. п. ЛСВ ‘место’ и ‘средство передвижения’ повторяются, а ЛСВ ‘местонахождение’ и ‘объект воздействия’ — нет; на ПУ для предлога ***по*** + д. п. ЛСВ ‘место движения’ повторяется, а ЛСВ ‘средство связи’ и ‘признак предмета’ — нет. Как представляется, более корректным и логичным был бы выбор единообразного варианта презентации материала при составлении нормативно-методических документов системы ТРКИ, в частности представленных в одной книге, что облегчает пользователю знакомство с объемом языкового материала каждого уровня. Заметим при этом, что предлоги — это лишь один из фрагментов языкового материала, возможно, что данные наблюдения касаются представления и других языковых единиц.

2. Презентация предлогов в Государственном стандарте Базового уровня общего владения РКИ (в сопоставлении с Программой)

Следующий проанализированный нами документ — Государственный стандарт БУ [9], в котором предлоги, так же как и в Программе, даются в двух разделах «Имя существительное» и «Служебные части речи». Однако сравнивать реестры предлогов в этих разделах не имеет смысла, поскольку в разделе «Служебные части речи» дан открытый список: «***в, о, над, под, без, во время, через, после, с, до, к, по, от, из, у*** и др.» [9: 15]. Отметим лишь, что 2 предлога из этого списка (***без*** и ***через***) по непонятной причине не упоминаются в разделе «Имя существительное».

Сравнение перечней предлогов, содержащихся в Программе и в ГС БУ, дается в таблице 3.

Как видно из материала данной таблицы, сопоставление списков предлогов в Программе и ГС также демонстрирует ряд несовпадений.

1. Некоторые предлоги присутствуют лишь в одном из нормативных документов:
   а) Госстандарте (но не в Программе): ***над*** + т. п., ***под*** + т. п.;
   б) в Программе (но не в ГС): ***далеко от*** + р. п., ***недалеко от*** + р. п., ***около*** + р. п., ***перед*** + т. п., ***справа от*** + р. п.
2. Для ряда предлогов в ГС не выделяются некоторые ЛВС, отмеченные в Программе, таковы в частности:

Таблица 3. **Представление предлогов в ГС БУ по сравнению с Программой БУ**

Предлог	Программа	Госстандарт
1	2	3
без + р. п.	Отсутствие наличия чего-либо	+
в + в. п.	Направление движения	+
		Время (час, день недели)
	Особые случаи употребления (*в футбол*)	
в + п. п.	Место	+
	Время, выраженное сочетаниями со словами *месяц, год*	*В сентябре*
во время + р. п.	Время действия	Время действия
далеко от + р. п.	Местонахождение	
до + р. п.	Конечный пункт движения	+
	Время действия	+
из + р. п.	Исходный пункт движения	+
к + д. п.	Направление движения: лицо как цель движения	+
	Направление движения: лицо, объект как цель приближения	
на + в. п.	Направление движения	+
на + п. п.	Место	+
	Время, выраженное сочетаниями со словами *неделя*	*На прошлой неделе*
	Средство передвижения	+
	Особые случаи употребления (*на гитаре*)	
над + т. п.		Местонахождение
недалеко от + р. п.	Местонахождение	
о + п. п.	Объект мысли, речи	+
	Характеристика объекта (*статья о спорте)*	
около + р. п.	Местонахождение	

Таблица 2 (окончание)

1	2	3
от + р. п.	Исходный пункт движения	+
	Объект удаления (*Он отошел от окна*)	
перед + т.п.	Место	
	Время	
по + д. п.	Место движения	+
	Средство связи	+
	Признак предмета по отношению к области знаний	+ (значение представлено как ‘определение’)[5]
под + т. п.		Местонахождение
после + р. п.	Время действия	+
рядом с + т. п.	Местонахождение	+
с + р. п.	Исходный пункт движения	+
с + т. п.	Совместность	+
справа от + р. п.	Место	
у + р. п.	Местонахождение, связанное с лицом	+
		Лицо, которому принадлежит что-либо (*У Андрея есть машина)*
через + в. п.	Объект пересечения	+
	Период времени, после которого происходит действие	

Примечание. Темно-серым цветом маркировано отсутствие предлога, а светло-серым – отсутствие ЛСВ предлога.

а) ‘лицо, объект как цель приближения’ для предлога ***к*** + д. п. (*Я подошел к Виктору. Мы подъехали к дому*[6]);
б) ‘характеристика объекта’ для предлога ***о*** + п. п. (*Я прочитал статью о спорте*);
в) ‘объект удаления’ для предлога ***от*** + р. п. (*Он отошел от окна*);
г) ‘особые случаи употребления’ предлогов ***в*** + в. п. (*в футбол*) и ***на*** + п. п. (*на гитаре*).

3. Некоторые ЛСВ предлогов, названные в ГС, не представлены в Программе:
а) ‘время (час, день недели)’ для предлога ***в*** + в. п.;
б) ‘лицо, которому принадлежит что-либо’ для предлога ***у*** + р. п. (*У Андрея есть машина).*

Таким образом, как видим, авторам Программы и ГС необходимо как можно быстрее привести в соответствие словники предлогов в этих важных нормативных документах.

Анализ представления предлогов в Программе и ГС БУ ставит еще одну проблему, связанную с формулировкой значений предлогов (или их ЛСВ). Рассмотрению данного вопроса посвящен следующий раздел статьи.

Проблема номенклатуры значений предлогов

Очевидно, что на ЭУ и БУ каждый предлог представлен наиболее частотными ЛСВ, потому количество значений предлогов (даже самых полисемантичных) вполне исчислимо и поддается, на наш взгляд, формальной унификации. Сопоставление Программ и ГС Элементарного и Базового уровней показывает, что целый ряд ЛСВ сформулированы одинаково:

– ‘лицо, которому принадлежит что-либо’ (для предлога ***у*** + р. п.);
– ‘исходный пункт движения’ (для предлогов ***из*** + р. п., ***с*** + р. п.);
– ‘конечный пункт движения’ (для предлога ***до*** + р. п.);
– ‘время действия’ (для предлогов ***после*** + р. п., ***до*** + р. п., ***во время*** + р. п.);
– ‘лицо как цель движения’ (для предлога ***к*** + д. п.);
– ‘направление движения’ (для предлогов ***в*** + в. п., ***на*** + в. п.);
– ‘совместность’ (для предлога ***с*** + тв. п.);
– ‘место действия’ (для предлогов ***в*** + п. п., ***на*** + п. п.);
– ‘средство передвижения’ (для предлога ***на*** + п. п.) и некоторые другие.

В то же время в рассматриваемых документах обнаруживаются и досадные расхождения:

1) в Программе ЭУ для предлогов ***в*** + п. п. и ***на*** + п. п. справедливо выделяется два значения: ‘место’ (*Он работает в банке / на почте*) и ‘местонахождение’ (*Книга в столе / на столе*). Однако на БУ данное разграничение более не используется: отмечается только значение ‘место’, которое, конечно, не является идентичным значению ‘местонахождение’;

2) в Программе БУ для предлога ***по*** + д. п. выделено значение ‘признак предмета по отношению к области знаний’ (*Студенты слушали лекции по истории*), а в ГС БУ это же значение маркировано как ‘определение’ (*Это учебник по математике*);
3) в Программе БУ для предлога ***с*** + т. п. отмечено значение ‘характеристика предмета’ (*Я люблю кофе с молоком*), а в ГС БУ это же значение дано как ‘определение’ (*Я люблю чай с молоком*).

Подводя частные итоги, отметим, что проблемы формулирования значений предлогов и создания соответствующего «реестра значений» станут еще более актуальными в лингводидактических описаниях высоких уровней общего владения РКИ.

Проблема наречных предлогов

Еще одной важной для теории и практики преподавания РКИ проблемой (заметим, что ее решения «ждет» и традиционная грамматика) является выделение наречных предлогов. Так, в Программе БУ названо шесть наречных предлогов: ***далеко от*** + р. п., ***недалеко от*** + р. п., ***около*** + р. п., ***после*** + р. п., ***рядом с*** + т. п., ***справа от*** + р. п. В ЛМ БУ включены лишь два из них (***около*** + р. п. и ***после*** + р. п.), а лексемы *далеко, недалеко, рядом, справа* вводятся исключительно как наречия. Остановимся подробнее на представлениях о наречных предлогах в современной русистике.

Проблема наречных предлогов (или в другой терминологии: наречия-предлоги / предложные наречия / бифункциональные слова) активно разрабатывается современными русистами; ср. последние работы [16; 17; 22; 23] и др. При этом выделение наречных предлогов наряду с отыменными и отглагольными давно вызывает у ученых сомнения (ср.: [6; 24; 25] и др.). Как представляется, подобная классификация построена на разных основаниях. Отыменные и отглагольные предлоги выделяются по словообразовательному признаку. Так, например, предлог ***в связи с*** + тв. п. мотивирован соответствующей предложно-падежной формой существительного *связь*, а предлог ***благодаря*** + д. п. — деепричастием от глагола *благодарить*. Наречные же предлоги — это единицы, способные функционировать и как наречия, и как предлоги, хотя в «Русской грамматике-80» [18] в этот разряд попадают и такие предлоги, которые никогда не выступают в качестве наречий, например: *применительно к, наряду с, касательно, вместо* и др.

Определение категориального статуса — предлог или наречие — целого ряда подобных единиц (например: *близ, вблизи, вверху, вдоль, взамен, внизу, внутри, внутрь, возле, вокруг, вопреки, вперед, мимо, навстречу накануне, наперекор, напротив, около, поверх, позади, поперек, посередине, после, посреди, прежде, против, сбоку, сверху, сзади*) вызывает затруднения. Действительно, зачастую сложно понять, к какой части речи относится, например, *около* в предложении: *Поставил сапог, лёг около*[7].

Думается, что здесь существует несколько лингвистических решений. С одной стороны, можно признать, что в подобных случаях мы имеем дело с нулевой формой актанта предлога, ср.: *Тебе чай с сахаром или без?* [7; 15]. С другой стороны, логично считать отсутствие актанта показателем наречия, при наличии же вербально выраженного актанта слово становится предлогом (этот принцип последовательно применяется в словаре [21], ср.: ***после*** I. наречие: *Он и после мало изменился. Одолжи денег, я после отдам*. II. предлог (кого / чего?): *После работы. Родился после войны. Доесть кашу после ребенка*. Сторонники третьего варианта предлагают относить слова типа *вокруг* и ***вокруг*** + р. п. (*Горел костер, вокруг стояли люди*; *Вокруг костра стояли люди*) к управляющим наречиям, так как сематические актанты у них одинаковы — «ориентир» (*костер*) и «ориентируемая ситуация» (*стояли люди*), а синтаксически «ориентир» может быть выражен двумя способами: существительным в предтексте (*Горел костер, вокруг стояли люди*) или формой родительного падежа существительного в постпозиции к данной лексеме (*Вокруг костра стояли люди*) [23].

Отчасти именно отсутствием единой общепринятой точки зрения на эту проблему и провоцируется определенная размытость границ поля предлога, связанная с субъективностью отнесения производных единиц, функционирующих как предлоги, к предлогам как части речи, подробнее см.: [2; 5]. Так, шесть наречных предлогов, выделяемых в Программе БУ, по-разному квалифицированы в словарях и грамматиках[8], что наглядно показано в таблице 4.

Прежде всего, обратим внимание на «нелогичность» в представлении изофункциональных, как представляется, лексем в рамках одной и той же публикации: ср. в [10] *далеко* квалифицируется только как наречие, но ***недалеко от*** + р. п. выделен как предлог (в отличие от *далеко от*); в [14] в отдельную статью вынесено лишь прилагательное *далекий*, в то время как ***недалеко от*** + р. п. маркируется как предлог.

Как видно из таблицы 4, «бесспорными» предлогами являются только ***около*** + р. п. и ***после*** + р. п. Однако, на наш взгляд, квалификация авторами Программы БУ всех указанных лексем как предлогов абсолютно правомерна в аспекте преподавания РКИ. Не случайно именно в работах, выполненных в русле

Таблица 4. **Квалификация лексем *далеко от, недалеко от, около, после, рядом с, справа от* в словарях и грамматиках**

	далеко от	***недалеко от***	***около***	***после***	***рядом с***	***справа от***
Русская грамматика [18]	–	–	**предлог**	**предлог**	**предлог**	–
Словарь структурных слов русского языка [20]	предлог	предлог	предлог	**предлог**	**предлог**	–
Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [14]	прилагательное *далекий*	**предлог**	**предлог**	**предлог**	**предлог**	наречие *справа*[9]
Толковый словарь служебных частей речи русского языка [10]	наречие *далеко*	наречие *недалеко*	**предлог**	**предлог**	**предлог**	наречие *справа*
Словарь наречий и служебных слов русского языка [19]	наречие *далеко*[10]	**предлог**	**предлог**	**предлог**	**предлог**	наречие *справа*[11]
Современный толковый словарь русского языка [21]	наречие *далеко*	наречие *недалеко*	**предлог**	**предлог**	наречие *рядом*	наречие *справа*
Всеволодова М. В. и др. Русские предлоги и средства предложного типа [8]	**предлог**	**предлог**	**предлог**	**предлог**	**предлог**	**предлог**

прикладной лингводидактической функционально-коммуникативной модели русского языка [1], большинство данных единиц [20] или все они [8] признаются предлогами.

Рассмотрим теперь, как решаются обозначенные выше проблемы в рамках учебной лексикографии.

3. Представление предлогов в Лексическом минимуме Базового уровня общего владения РКИ

Важным нормативно-методическим документом любого уровня общего владения РКИ наряду с ГС и Программой является Лексический минимум. Проведенный нами анализ представления предлогов в ЛМ БУ [11] позволил выявить некоторые неточности (табл. 5).

Как видно из материалов данной таблицы, в ЛМ (по сравнению с ГС и Программой) **отсутствует** ряд предлогов:

- предлоги ***от*** + р. п., ***рядом с*** + т. п. (отмечены в ГС и Программе);
- предлоги ***над*** + т. п., ***под*** + т. п. (отмечены в ГС);
- предлоги ***далеко от*** + р. п., ***недалеко от*** + р. п., ***перед*** + т. п., ***справа от*** + р. п. (отмечены в Программе).

В то же время в ЛМ **вводится новый предлог *за*** + в. п., не упомянутый ни в Программе, ни в ГС. На наш взгляд, включение его в рассматриваемый словник с примером *Спасибо за помощь!* является недостаточно корректным. Как представляется, в таком контексте мы имеем дело не с предлогом, обладающим самостоятельным значением (ср.: *За любовь! За мир во всем мире!*), а со связанным употреблением, обусловленным

Таблица 5. **Представление предлогов в ЛМ БУ по сравнению с Программой и ГС БУ**

Предлог	**Программа**	**ГС**	**ЛМ**
без + р. п.	+	+	+
в + в. п.	+	+	+
в + п. п.	+	+	+
во время + р. п.	+	+	+
далеко от + р. п.	+	–	–[12]
до + р. п.	+	+	+
за + в. п.	–	–	+
из + р. п.	+	+	+
к + д. п.	+	+	+
на + в. п.	+	+	+
на + п. п.	+	+	+
над + т. п.	–	+	–
недалеко от + р. п.	+	–	–
о + п. п.	+	+	+
около + р. п.	+	–	+
от + р. п.	+	+	–
перед + т. п.	+	–	–
по + д. п.	+	+	+
под + т. п.	–	+	–
после + р. п.	+	+	+
рядом с + р. п.	+	+	–[13]
с + р. п.	+	+	+
с + т. п.	+	+	+
справа от + р. п.	+	–	–[14]
у + р. п.	+	+	+
через + в. п.	+	+	+

Примечание. Темно-серым цветом помечено отсутствие предлога в соответствующем документе.

управлением слова *спасибо* (и *благодарить*) + ***за*** + в. п. Отметим, что подобное немотивированное управление[15] вводится в лексических минимумах, как правило, либо при главной лексеме (например, ***благодарить*** *за что?*, ***вспоминать*** *о ком?*, ***встречаться*** *с кем?*, ***гулять*** *с кем?*, ***думать*** *о ком?*, ***замуж*** *— выйти замуж за кого?*, ***знакомиться*** *с кем?*, ***играть*** *во что? на чем?*, ***мечтать*** *о ком?* ***платить*** *за что?*, ***поздравлять*** *кого? с чем?*, ***рассказывать*** *кому? что? о чем?*, ***смотреть*** *на кого?*, ***спрашивать*** *кого? о чем?*, ***тратить*** *что? на кого?* ***участвовать*** *в чем?*), либо в рамках устойчивых конструкций в словарной статье соответствующей лексемы: ***удовольствие*** *— С удовольствием!*, ***радость*** *— с радостью.*

Что касается выделения ЛСВ предлогов, которые, как известно, маркируются в ЛМ номером и иллюстрируются примером, то в целом проведенный нами анализ показал последовательность и логичность их выделения. В то же время в качестве досадных исключений назовем отсутствие ЛСВ ‘характеристика объекта’ для предлога ***о*** + п. п., а также однозначность предлогов ***к*** + д. п., ***у*** + р. п. и ***через*** + в. п.

Таким образом, на сегодняшний день для определения того, какие предлоги подлежат изучению инофонами на Базовом уровне, преподаватель РКИ должен самостоятельно предпринять комплексное сопоставление всех нормативно-методических документов данного уровня. Такое положение вещей, безусловно, нельзя признать удовлетворительным.

4. Сопоставление представления предлогов в Программе, ГС и ЛМ Базового уровня общего владения РКИ

Какова же общая картина представления предлогов в нормативно-методических материалах Базового уровня? В качестве итогового обобщения приведем сводную таблицу (табл. 6), включающую данные по всем трем анализируемым источникам. Общее количество предлогов, полученных после объединения списков Программы, ГС и ЛМ, составляет 23 единицы[16]. По сравнению с реестром предлогов, актуальных для ЭУ (8 единиц: ***в, из, на, о, с, у, к, после***), число предлогов на БУ возрастает в 3 раза. Данное наращение обеспечивают 15 предлогов: ***без, во время, далеко от, до, за, над, недалеко от, около, от, перед, по, под, рядом с, справа от, через***.

Проведенный нами анализ материалов таблицы позволил обнаружить ряд проблем.

1. Семь (т. е. почти треть актуальных для БУ единиц!) из представленных в таблице предлогов отмечены лишь одним источником:

а) только в Программе: ***далеко от*** + р. п., ***недалеко от*** + р. п., ***перед*** + т. п., ***справа от*** + р. п.;
б) только в ГС: ***над*** + т. п., ***под*** + т. п.;
в) только в ЛМ: ***за*** + в. *п.*

Представляется, что подобную непоследовательность в отборе языкового материала для корреллирующих нормативно-методических документов одного и того же уровня необходимо скорректировать. Отметим при этом, что различный коммуникативный потенциал семи названных предлогов требует различного подхода к ним. С одной стороны, при решении коммуникативных задач, встающих перед учащимися на БУ, представляется затруднительным обойтись без традиционных первообразных предлогов ***перед***[17] + т. п., ***над*** + т. п., ***под*** + т. п. С другой стороны, что касается наречных предлогов ***далеко от*** + р. п., ***недалеко от*** + р. п., ***справа от*** + р. п., неоднозначный статус которых обсуждался выше, то, возможно, со временем будет принято решение об их переносе на Первый уровень общего владения РКИ (в то же время учащиеся знакомятся с наречиями *далеко, недалеко, справа* уже на Элементарном уровне общего владения РКИ, и, по-видимому, могли бы без труда овладеть их «предложными» употреблениями на БУ). Предлог ***за*** + в. п., как уже отмечалось, несомненно, входит в языковую компетенцию учащегося на БУ, однако, на наш взгляд, лишь в составе устойчивых выражений типа *Спасибо за кофе!*, а не как самостоятельная языковая единица в том или ином ЛСВ.

2. Три предлога представлены лишь в двух источниках. Думается, что авторам нормативно-методических документов БУ необходимо как можно быстрее добавить в языковой материал ГС предлог ***около*** + р. п., а в ЛМ — предлоги ***от*** + р. п. и ***рядом с*** + т. п.

3. В ряде случаев в Программе, ГС и в ЛМ различаются наборы ЛСВ, выделяемые для некоторых многозначных предлогов (см. об этом подробнее выше).

На наш взгляд, при переиздании данных нормативно-методических документов необходимо внести соответствующие изменения: реестры предлогов в них, а также номенклатура ЛСВ многозначных предложных лексем, безусловно, должны совпадать.

Таким образом, как видим, осмысление и скорейшее решение рассмотренных в статье проблем будет способствовать совершенствованию грамматических описаний русского языка (в том числе русского языка как иностранного), лексикографической практики, а также нормативно-методических документов, лежащих в основе Российской государственной системы тестирования (ТРКИ).

Таблица 6. **Сопоставление представления предлогов в Программе, ГС и ЛМ БУ**

	Предлог	Значение	Программа	ГС	ЛМ
1.	***без*** + р. п.	Отсутствие наличия чего-либо	+	+	+
2.	***в*** + в. п.	Направление движения	+	+	+
		Время (час, день недели)	–	+	+
		Особые случаи употребления (*в футбол*)	+	–	+ (при глаг. *играть*)
	в + п. п.	Место	+	+	+
		Время, выраженное сочетаниями со словами *месяц, год, неделя*	+	+	+
3.	***во время*** + р. п.	Время действия	+	+	+
4.	***далеко от*** + р. п.	Местонахождение	+	–	только наречие *далеко*
5.	***до*** + р. п.	Конечный пункт движения	+	+	+
		Время действия	+	+	
6.	***за*** + в. п.		–	–	+
7.	***из*** + р. п.	Исходный пункт движения	+	+	+
8.	***к*** + д. п.	Направление движения: лицо как цель движения	+	+	+
		Направление движения: лицо, объект как цель приближения	+	–	
9.	***на*** + в. п.	Направление движения	+	+	+
	на + п. п.	Место	+	+	+
		Время, выраженное сочетаниями со словами *месяц, год, неделя*	+	+	+
		Средство передвижения	+	+	+
		Особые случаи употребления (*на гитаре*)	+	–	+ (при глаг. *играть*)
10.	***над*** + т. п.	Местонахождение	–	+	–
11.	***недалеко от*** + р. п.	Местонахождение	+	–	–
12.	***о*** + п. п.	Объект мысли, речи	+	+	*+ об, обо*
		Характеристика объекта (*статья о спорте)*	+	–	–
13.	***около*** + р. п.	Местонахождение	+	–	+
14.	***от*** + р. п.	Исходный пункт движения	+	+	–
		Объект удаления (*Он отошел от окна*)	+	–	
15.	***перед*** + т. п.	Место	+		
		Время	+		
16.	***по*** + д. п.	Место движения	+	+	+
		Средство связи	+	+	+
		Признак предмета по отношению к области знаний	+	+	+
17.	***под*** + т. п.	Местонахождение	–	+	
18.	***после*** + р. п.	Время действия	+	+	+
19.	***рядом с*** + р. п.	Местонахождение	+	+	только наречие *рядом*
20.	***с*** + р. п.	Исходный пункт движения	+	+	+ со
	с + т. п.	Совместность	+	+	+ со
21.	***справа от*** + р. п.	Место	+		только наречие *справа*
22.	***у*** + р. п.	Местонахождение, связанное с лицом	+	+	+
		Лицо, которому принадлежит что-либо (*У Андрея есть машина)*	–	+	
23.	***через*** + в. п.	Объект пересечения	+	+	+
		Период времени, после которого происходит действие	+		

Примечание. Темно-серым цветом помечено отсутствие предлога в соответствующем документе, светло-серым — неотмеченное значение предлога.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Данная программа представляет собой переработанный вариант Образовательной программы [13], изданной в 2001 году тем же коллективом авторов.

[2] Но в функциях родительного падежа отмечается также синтаксическая роль «определение» и дается пример: *Я пью чай без сахара*.

[3] Обращают на себя внимание различные определения значений предлога ***о*** + п. п. в анализируемых разделах Программы: 'предмет мысли' и 'объект мысли, речи', подробнее о проблеме номенклатуры значений см. ниже.

[4] См.: [12: 35].

[5] Подробнее о проблеме номенклатуры значений предлогов см. ниже.

[6] Все примеры взяты нами из Программы.

[7] Пример взят из [21]: словарная статья *около* (иллюстрация наречного значения).

[8] Мы приводим данные лишь семи относительно современных изданий, которые, на наш взгляд, в целом отражают картину представления подобных единиц в лексикографических и грамматических описаниях.

[9] При этом в качестве примера приводится единица с управлением: *Справа от дороги.*

[10] Однако в качестве примера приводится единица с управлением: *Живет далеко от меня.*

[11] В качестве примера приводится единица с управлением: *Справа от дороги начинается лес.*

[12] В ЛМ отмечено лишь наречие *далеко*.

[13] В ЛМ отмечено лишь наречие *рядом.*

[14] В ЛМ отмечено лишь наречие *справа.*

[15] Подробнее о проблемах, связанных с представлением в ЛМ случаев мотивированного, обусловленного и немотивированного управления, см. в: [3].

[16] Отметим, что с лингвистической точки зрения, вероятно, было бы корректнее выделять в качестве отдельных лексических единиц предлоги, управляющие разными падежами (***в*** + в. п. и ***в*** + п. п., ***на*** + в. п. и ***на*** + п. п., ***с*** + р. п. и ***с*** + т. п.), а может быть, — даже и разные ЛСВ предлогов, как обладающие различным лексико-грамматическим потенциалом, однако строго регламентированное число лексических единиц того или иного уровня не позволяет принять подобных решений.

[17] Отметим, что «в пользу» предлога ***перед*** + т. п. говорит и бесспорное включение во все нормативно-методические документы БУ симметричного «временного» предлога ***после*** + р. п. Кроме того, именно предлог ***перед*** + т. п. был добавлен в список предлогов при переработке первоначального варианта программы [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амиантова Э. И., Битехтина Г. А., Всеволодова М. В. и др.* Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 215–233.

2. *Виноградова Е. Н.* Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопр. языкознания. 2017. № 5. С. 56–74.

3. *Виноградова Е. Н., Клобукова Л. П.* Отбор и представление предлогов в лексических минимумах по русскому языку как иностранному (к постановке проблемы) // Мир русского слова. 2016. № 2. С. 95–101.

4. *Виноградова Е. Н., Клобукова Л. П.* Лингводидактические проблемы описания предлогов на элементарном уровне общего владения русским языком как иностранным // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 95–103.

5. *Виноградова Е. Н., Клобукова Л. П.* Предлог: большие проблемы маленькой части речи // Вестн. РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 16. № 3.

6. *Всеволодова М. В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3–26.

7. *Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В. и др.* К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2. С. 17–58.

8. *Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Матер. к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Кн. 1. М., 2014.

9. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень / Нахабина М.М. и др. М.; СПб., 2001.

10. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001.

11. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андрюшина, Т. В. Козлова и др. 3-е изд. М.; СПб., 2006.

12. Лингводидактическая программа по русскому языку как иностранному: Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень: Учеб. пособ. М., 2010.

13. Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Предвузовское обучение. Элементарный уровень, Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. М., 2001.

14. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.

15. *Панков Ф. И.* Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия: на матер. категории адвербиальной темпоральности. М., 2008.

16. *Панков Ф. И.* Русские наречия в их соотношении с русскими предлогами // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 12–19.

17. *Патаракина Е. О.* Процесс адвербиализации языковых единиц на периферии функционально-грамматических полей наречия и предлога в русском языке // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 19–23.

18. Русская грамматика. Т. 1 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.

19. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В. В. Бурцева. М., 2010.

20. Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. М., 1997.

21. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. М.; СПб., 2008.

22. *Столярова В. В.* Пространственные предлоги и наречия в русском языке: семантические различия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2015. № 1. С. 208–218.

23. *Урысон Е. В.* Предлог или наречие? (Частеречный статус наречных предлогов) // Вопр. языкознания. 2017. № 5. С. 36–55.

24. *Черкасова Е. Т.* Переход полнозначных слов в предлоги / Отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1967.

25. *Шереметьева Е. С.* Отыменные релятивы современного русского языка. Семантические этюды. Владивосток, 2008.

REFERENCES

1. Amiantova E. I., Bitekhtina G. A., Vsevolodova M.V., Klobukova L. P. (2001) Funktsional'no-kommunikativnaia lingvodidakticheskaia model' iazyka kak odna iz sostavliaiuschih sovremennoi lingvisticheskoi paradigmy (stanovlenie spetsial'nosti 'Russkii iazyk kak inostrannyi') [The functional communicative linguodidactic model of the language as one of the components of the contemporary linguistic paradigm (growth and development of the speciality 'Russian as a foreign language')]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow State University Bulletin]. Ser. 9. Filologiya*, no. 6, pp. 215—233. (in Russian)

2. Vinogradova E. N. (2017) Problemy leksicograficheskogo i grammaticheskogo opisaniia predlogov v sovremennom russkom iazyke [Prepositions in modern Russian: lexicography and grammatical description] *Voprosy iazykoznaniia [Topics in the study of language]*, no. 5, pp. 56–74. (in Russian)

3. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2016) Otbor i predstavlenie predlogov v leksicheskikh minimumakh po russkomu iazyku kak inostrannomu (k postanovke problemy) [On Selection and Representation of the Prepositions in the Basic Dictionaries on Russian as a Foreign Language]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 2, pp. 95–101. (in Russian)

4. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2017a) Lingvodidakticheskie problemy opisaniia predlogov na elementarnom urovne obschego vladeniia russkim iazykom kak inostrannym [Some linguodidactic problems of prepositional description on A1 level (common language) of Russian as a foreign language]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*, no. 1, pp. 95–103. (in Russian)

5. Vinogradova E. N., Klobukova L. P. (2017b) Predlog: bol'shie problem malen'koi chasti rechi [Prepositions: the biggest challenges of a small part of speech]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [*RUDN journal of Russian and foreign languages research and teaching*], Volume 3.

6. Vsevolodova M. V. (2010) Grammaticheskie aspekty russkikh predlozhnykh edinits: tipologiia, struktura, sintagmatika i sintaksicheskie modifikatsii [The grammar aspects of Russian prepositional units: typology, structure, syntagmatics and sintactic modifications] *Voprosy iazykoznaniia [Topics in the study of language]*, no. 4, pp. 3–26. (in Russian)

7. Vsevolodova M. V., Klobukov E. V., Kukushkina O. V., Polikarpov A. A. (2003) K osnovaniam funktsional'no-kommunikativnoi grammatiki russkogo predloga [Towards the fundamentals of a functional-communicative grammar of the Russian preposition] *Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow State University Bulletin]. Ser. 9. Filologiya*, no. 2, pp. 17—59. (in Russian)

8. Vsevolodova M. V., Kukushkina O. V., Polikarpov A. A. (2014) *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniiu real'nogo upotrebleniia: Vvedenie v ob"ektivnuiu grammatiku i leksikografiiu russkikh predlozhnykh edinits [Russian prepositions and units of prepositional kind. Materials for a functional grammatic description of real usage: Introduction to the fact-based grammar and lexicography of Russian prepositional units.]*, book 1. Moscow. (in Russian)

9. Nakhabina M. V. et al. (2001) *Gosudarstvennyi standart po russkomu iazyku kak inostrannomu. Bazovyi uroven' [State standard on Russian as a foreign language. Level A2]*, Moscow; St. Petersburg. (in Russian).

10. Efremova T. F. (2001) *Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [*A defining dictionary of Russian auxiliary parts of speech*]. Moscow. (in Russian)

11. Andriushina N. P., Kozlova T. V. (2006) *Leksicheskii minimum po russkomu iazyku kak inostrannomu. Bazovyi uroven'. Obshchee vladenie [Lexical minimum of Russian as a foreign language. Level A2. Common language]*, 3rd ed. Moscow; St. Petersburg. (in Russian)

12. Lingvodidakticheskaia programma po russkomu iazyku kak inostrannomu: Elementarnyi uroven'. Bazovyi uroven'. Pervyi sertifikatsionnyi uroven' [Linguodidactic program of Russian as a foreign language: Levels A1, A2, B1.] (2010). Moscow. (in Russian)

13. Obrazovatel'naya programma po russkomu iazyku kak inostrannomu. Predvuzovskoe obuchenie. Elementarnui uroven', Bazovyi uroven', Pervyi sertifikatsionnyi uroven' [Educational program of Russian as a foreign language: Pre-University learning. Levels A1, A2, B1.] (2001). Moscow. (in Russian)

14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. (1999) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [An explanatory dictionary of the Russian language]*, 4th ed. Moscow. (in Russian)

15. Pankov F. I. (2008) *Opyt funktsional'no-kommunikativnogo analiza russkogo narechiya: na materiale kategorii narechnoi temporal'nosti* [*A functional-communicative study of the Russian adverb: A case study of adverbial temporality*]. Moscow. (in Russian)

16. Pankov F. I. (2009) Russkie narechiia v sootnoshenii s russkimi predlogami [Russian adverbs in the correlation with Russian prepositions]. *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*. No 1. S. 12–19. (in Russian)

17. Patarakina E. O. (2013) Protsess adverbializatsii iazykovyh edinits na periferii funktsional'no-grammaticheskih polei narechia i predloga v russkom iazyke [The process of word's adverbialization on the periphery of functional and grammatical fields of adverb and preposition in Russian] *Mir russkogo slova [The World of Russian Word]*. No 3. S. 19–23. (in Russian)

18. Shvedova N. Iu., ed. (1980) *Russkaia grammatika [Russian Grammar]*, vol. 1. Moscow. (in Russian)

19. Burtseva V. V. (2010) *Slovar' narechii i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [*A dictionary of Russian adverbs and auxiliary words*]. Moscow. (in Russian)

20. Morkovkin V. V., Lutskaia N. M., Bogacheva G. F. et al. (1997) *Slovar' strukturnykh slov russkogo iazyka [A dictionary of Russian structural words]*. Moscow. (in Russian)

21. Kuznetsov S. A. (2008) *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [A modern defining dictionary of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)

22. Stoliarova V. V. (2015) Prostranstvennye predlogi I narechiia v russkom iazyke: semantic distinctions [Spatial prepositions and adverbs in Russian: semantic distinctions] *Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow State University Bulletin]. Ser. 9. Filologiya*, no. 1, pp. 208–218. (in Russian)

23. Uryson E. V. (2017) Predlog ili narechie? (Chasterechnyi status narechnyh predlogov) [Adverbial prepositions as a subclass of adverbs] *Voprosy iazykoznaniia [Topics in the study of language]*, no. 5, pp. 36–55. (in Russian)

24. Cherkasova E. T. (1967) *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [*Transformation of autonomous words to prepositions]*. Moscow. (in Russian)

25. Sheremet'eva E. S. (2008) Otymennye relyativy sovremennogo russkogo yazyka. Semantiko-sintaksicheskie etyudy [Denominative relatives in Modern Russian. Semantic-syntactic essays]. Vladivostok. (in Russian)

[хроника]

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТОЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ (1917–2017)...

(Начало на с. 79. Окончание на с. 120)

Доц. Г. А. Жуковская (РГПУ им. А. И. Герцена) в докладе «Лексико-семантические особенности представления прошлого и настоящего в романе Е. Водолазкина „Авиатор“» описала лексику, характерную для начала и конца XX века. Ключевые лексемы становятся для героя рассмотренного произведения не только маркерами эпох, в которых он существует, но и способом осмысления важнейших проблем времени. С. н. с. А. С. Кулева (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) в докладе «Лексикографирование микросдвигов в языке эпохи (на материале „Словаря русской поэзии XX в.“)» продемонстрировала отражение в языке поэзии процессов, характерных для начала советской эпохи.

Работа секции «Лингвистическое своеобразие текстов советской эпохи» открылась докладом чл.-корр. РАО, проф. С. Г. Ильенко «Пушкинистика „до“ и „после“ (достижения периода советской словесности)», в котором на большом материале было показано влияние идеологических установок на издание и комментирование пушкинских текстов. Проф. И. А. Мартьянова (РГПУ им. А. И. Герцена) в докладе «„Интеллигентские рассуждения“ о речи вождя революции в журнале „Левого фронта искусств“» рассказала о посмертной канонизации образа Ленина-оратора, о демагогическом размывании ленинских слов уже в начале 20-х гг. Проф. К. П. Сидоренко (РГПУ им. А. И. Герцена) продемонстриро-

А. О. Звездина, Д. А. Минина, Л. В. Московкин

СФЕРЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-НЕФИЛОЛОГОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ РОССИИ

ANNA O. ZVEZDINA, DARYA A. MININA, LEONID V. MOSKOVKIN

RUSSIAN LANGUAGE COMMUNICATION SPHERES OF FOREIGN STUDENTS STUDYING IN RUSSIAN NON-PHILOLOGICAL HIGH SCHOOLS

Анна Олеговна Звездина
Кандидат педагогических наук
▸ zvezdina.a.o@gmail.com

Дарья Анатольевна Минина
Аспирант
▸ minindar@gmail.com

Леонид Викторович Московкин
Доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания
▸ moskovkin.leonid@yandex.ru
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Anna O. Zvezdina, Darya A. Minina, Leonid V. Moskovkin
Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

В работе излагаются результаты исследования сфер русскоязычного общения иностранных студентов-нефилологов, обучающихся в вузах России. Авторы исходят из положения об обусловленности сфер общения потребностями студентов. Приводится классификация потребностей современного человека в связи со сферами общения. Рассматриваются результаты изучения сфер русскоязычного общения, выявленные в ходе анкетирования 200 иностранных студентов-нефилологов в пяти вузах Санкт-Петербурга и Москвы. Делается вывод о неполном соответствии коммуникативных потребностей студентов представлениям о них преподавателей русского языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; методика обучения; студенты-нефилологи; сферы общения; коммуникативные потребности учащихся.

The article presents the results of the research of Russian language communicative spheres of foreign students in non-philologist Russian universities. The authors base their work on the assumption that communicative spheres are determined by students' needs, and propose the classification of modern person's needs related to their communicative spheres. The article gives a review of the research of Russian language communicative spheres received during the questionnaire survey of 200 foreign non-philologist students in five St. Petersburg and Moscow universities, and concludes that there is an incomplete correspondence between students' communicative needs and their images in their teacher's appreciation.

Keywords: Russian as a foreign language; teaching methods; non-philological specialization; communicative spheres; communicative needs.

Введение

Разработка содержания коммуникативного обучения русскому языку как иностранному требует изучения сфер русскоязычного общения иностранных студентов. Такого рода исследования планомерно осуществлялись в 1970–1980-х годах, их результаты учитывались при составлении учебных программ, лексических минимумов, учебников и учебных пособий. В последние годы систематические исследования такого рода не проводятся.

Необходимость регулярного изучения сфер общения обусловлена их постоянными изменениями, вызванными как социально-экономическими и политическими процессами, так и достижениями технологического характера. Особую значимость приобретает изучение сфер

русскоязычного общения студентов-нефилологов, составляющих большую часть иностранных студентов в вузах России. Данные такого исследования позволят усовершенствовать не только содержание учебных программ и учебников, но и систему обучения русскому языку в целом.

Цель статьи — изложить результаты исследования сфер русскоязычного общения иностранных студентов-нефилологов, обучающихся в вузах России. В процессе работы осуществлялись сбор данных о сферах русскоязычного общения студентов, составление анкеты на основе анализа этих данных, анкетирование студентов, позволившее выявить их коммуникативные потребности, и обработка его результатов, уточнение полученных данных в ходе бесед со студентами и преподавателями.

Исследование проводилось в пяти вузах Санкт-Петербурга и Москвы: Военно-морской академии им. Н. Г. Кузнецова, Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, Санкт-Петербургском горном университете, Московском энергетическом институте, Ленинградском электротехническом институте им. В. И. Ленина (II–III курсы). Респондентами выступили студенты и курсанты из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Общее количество опрошенных составило 200 человек*.

Анкета включала 41 вопрос с целью выяснения актуальных сфер и типичных ситуаций общения. Кроме того, предлагалось в свободной форме описать трудности, которые испытывали студенты во время обучения в России.

Сферы общения и потребности современного человека

В. Л. Скалкин, который ввел в методику обучения иностранным языкам понятие сферы устноязычного общения, понимал под ней «некоторую совокупность однородных коммуникативных ситуаций, характеризующихся однотипностью речевого стимула индивида, отношений между коммуникантами и обстановки общения» [9: 43]. В дальнейшем это понятие получило более широкое толкование — в состав сфер общения стали включать ситуации, связанные с использованием не только устной, но и письменной речи, а в последние годы еще и ситуации интернет-общения.

В 1980-е гг. методисты осознали, что сферы общения — это не что иное, как сферы жизни и деятельности человека, требующие использования языка. Не случайно Л. П. Клобукова в монографии, посвященной обучению иностранных студентов языку специальности, вместо понятия «сфера общения» использует понятие «сфера деятельности» [6: 6–7]. В словаре «Термины и понятия лингвистики» под коммуникативными сферами понимаются «все существующие сферы человеческой деятельности, характеризующиеся однотипными условиями общения и правилами использования языка» [5: 221].

В методической литературе до сих пор отсутствует единое представление о номенклатуре сфер общения — в работах разных авторов не совпадают не только их количество, но и их названия. В. Л. Скалкин выделил социально-бытовую, семейную, социально-культурную, профессионально-трудовую, зрелищно-массовую, административно-правовую сферы общения, сферы общественной деятельности, игр и увлечений [9]. Интерпретируя их применительно к жизни иностранных студентов-нефилологов в России, Т. А. Вишнякова описала учебно-профессиональную, социально-бытовую, общественно-политическую, административно-правовую, социально-культурную сферы общения [4: 21–22]. Те же сферы рассматривала и Л. П. Клобукова, назвав учебно-профессиональную сферу учебно-научной [6: 7–8]. В типовой учебной программе для иностранных студентов-нефилологов, изданной в советское время, представлены учебно-профессиональная, общественно-политическая и социально-культурная сферы [8]. В постсоветское время подчеркивается значимость социально-бытовой, социально-культурной, официально-деловой и учебно-профессиональной сфер [2: 6].

Разные подходы к выделению сфер общения обусловлены различными исходными установками методистов. Для В. Л. Скалкина была значимой социальная (ролевая) характеристика коммуникантов и особенности речевой ситуации, для Л. П. Клобуковой — тематика и условия

протекания акта коммуникации (официальное / неофициальное общение). Однако при выборе основания для классификации сфер общения можно опираться и на получившее отражение в «Новом словаре методических терминов» *положение об обусловленности сфер общения потребностями учащихся* [1: 299]. По нашему мнению, именно изучение потребностей иностранных студентов-нефилологов должно быть первым шагом в определении их сфер русскоязычного общения и дальнейшей корректировки содержания обучения русскому языку.

Потребность — это испытываемая человеком нужда в чем-либо. Приведем основные группы потребностей современного человека, выделенные на основе их различных классификаций в психологической литературе, и попытаемся на их основе уточнить набор сфер общения.

1. Биологические потребности, которые также называют материальными, физиологическими, естественными и пр. (потребности в пище, тепле и одежде, жилище, здоровье, отдыхе и сне, сексуальные потребности), связаны с бытовой стороной жизни, с *бытовой сферой общения*.

2. Социальные потребности соотносятся с ощущением человеком своей причастности к какому-либо коллективу, социальной группе, этносу, обществу (то есть с личностной самоидентификацией), с осознанием своей роли в этом коллективе, с участием в общественной жизни, с общественным признанием. Они связаны с социальной стороной жизни и требуют получения и обсуждения информации о состоянии общества, его истории, о функционировании институтов, обслуживающих общество, и т. д. Сферу общения, удовлетворяющую социальные потребности человека, можно назвать *социальной*.

3. Религиозные потребности, связанные с верой в высшие силы, помогают человеку сохранять внутреннюю гармонию и преодолевать возникающие трудности. Сферу общения, удовлетворяющую эти потребности человека, можно назвать *религиозной*.

4. Потребности в межличностном общении с близкими и друзьями вызваны чувствами дружбы, любви, доверия, взаимного интереса. Сферу общения, связанную с удовлетворением этих потребностей, можно назвать *сферой межличностного общения*.

5. Потребности в труде, движении по карьерной линии, поощрениях за трудовые достижения связаны с *профессиональной сферой общения*.

6. Познавательные потребности (потребности в саморазвитии, получении образования, повышении квалификации) соотносятся с *учебной сферой общения*.

7. Эстетические потребности (чтение художественной литературы, просмотр фильмов, посещение театров, музеев, выставок, обсуждение фильмов, концертов, спектаклей и т. п.) соотносятся с *культурной сферой общения (сферой культурного досуга)*.

8. Творческие потребности (потребности самовыражения, самораскрытия, реализации себя как творческой личности) связаны с *научной и художественной сферами общения*.

Выделение указанных сфер общения обусловлено тем, что многие из описанных выше потребностей для своего удовлетворения требуют использования языка (в методической литературе принято говорить о коммуникативных потребностях). Впрочем, иногда язык и не требуется: для удовлетворения потребности в пище можно попросить кого-нибудь приготовить еду, а можно и самому это сделать; можно купить продукты в обычном магазине, а можно и в универсаме, где обходятся без языка.

Нетрудно заметить, что все указанные сферы общения в значительной степени коррелируют с выделяемыми современными лингвистами функциональными стилями русского языка.

Результаты изучения сфер русскоязычного общения иностранных студентов-нефилологов

Выделенные выше сферы общения характерны и для иностранных студентов-нефилологов, хотя включенные в них речевые ситуации будут обладать своей спецификой, и кроме того, далеко не все из них требуют использования русского языка. Беседы со студентами показали, что русский язык необходим им в России для общения в учебной и бытовой сферах, в меньшей степени в социальной и культурной сферах, в сфере межличностного общения. Русский язык не используется ими в религиозной сфере общения и в сфере

художественного творчества. Отдельное место занимают научная и профессиональная сферы, которые в условиях вузовского обучения целесообразно связывать с учебной сферой общения.

Первая и главная по значимости сфера русскоязычного общения иностранных студентов-нефилологов — *учебная сфера*, которая является одновременно и учебно-профессиональной (это сфера профессиональной подготовки), и учебно-научной (она требует от студента овладения науками и личного вклада в одну из них). Эта сфера общения в России за последние 30 лет претерпела ряд изменений, связанных с реформами в системе высшего образования.

Во-первых, следует отметить усиление научной составляющей вузовского обучения. Эта тенденция проявилась в 1990-е гг., когда большая часть отраслевых институтов была преобразована в университеты, и в 2000-е гг., когда происходил их переход на двухуровневую систему подготовки «бакалавр — магистр» и отказ от специалитета. В основе этих процессов лежали разные причины, одной из которых было стремление сделать выпускников вуза более конкурентоспособными в условиях быстро развивающегося общества. Выражением этой тенденции является включение студентов в деятельность научных коллективов вуза, их более активное участие в студенческих научных обществах, в научных конференциях. Усиление научной составляющей вузовского обучения требует от иностранных студентов, во-первых, освоения методологии научного исследования, а во-вторых, более глубокого овладения научным стилем речи, являющегося необходимым атрибутом академического письма. Данная тенденция согласуется с личностно-ориентированным подходом к обучению, повышением роли самостоятельной работы студентов, она требует моделирования в процессе обучения русскому языку ситуаций, связанных с научной деятельностью.

Второй особенностью современного российского высшего образования является усиление профессиональной направленности обучения («учебный процесс в целом приобретает четко выраженную прагматическую профессиональную направленность» [7: 233]). Эта особенность обусловлена обнаружившимся в 2000-е гг. дефицитом высококвалифицированных специалистов в различных областях производства. Она получает отражение в обеспечении практической направленности вузовских учебных дисциплин, повышении роли производственной практики, привлечении потенциальных работодателей к составлению учебных программ, экспертизе учебной документации и работе в аттестационных и экзаменационных комиссиях. Это тенденция полностью согласуется с компетентностным подходом к образованию. Усиление профессиональной направленности учебного процесса требует от иностранных студентов-нефилологов не только углубленного изучения специальных дисциплин, но и овладения компетенциями специалиста в той или иной области производства, что требует и в процессе обучения их русскому языку моделирования не только учебных, но и профессиональных речевых ситуаций. Вместе с тем необходимо отметить, что тенденции к усилению научной и профессиональной составляющих вузовского образования в значительной степени противоречат друг другу, и поэтому в методике правомерно ставится вопрос о необходимости сбалансированного подхода к их учету в процессе обучении русскому языку иностранных студентов-нефилологов [3; 7].

Анализ ответов студентов на вопросы анкеты, касающиеся учебной сферы, подтвердил значимость как научной, так и профессиональной составляющих вузовского обучения. При этом отмечались трудности, связанные, во-первых, с учебным процессом, например слушание и конспектирование лекций по специальности (73%), во-вторых, с созданием собственного научного труда, например написанием выпускной квалификационной работы (87%), в-третьих, с прохождением производственной практики (21%). Вместе с тем результаты анкетирования показали, что студенты способны решать самостоятельно вопросы в деканате (70%), в университетской библиотеке (85%), при подготовке к занятиям и экзаменам пользуются русскоязычным Интернетом (77%).

Вторая важная для иностранных студентов сфера общения — *бытовая*. За последние 30 лет в ней также произошли существенные изменения. Студенты покупают продукты в супермаркетах, где нет необходимости пользоваться русским языком. Стали мало актуальными обращения на почту (общаются при помощи мобильного телефона или компьютера), в фотоателье и различные ателье по ремонту (дешевле купить новую вещь, чем ремонтировать старую). Вместе с тем русский язык необходим при покупке одежды или обуви (83%), а также при обращении в банк (70%), при заказе еды по телефону (35%). Некоторые студенты (15%) подчеркнули важность умения общаться с врачом. Выяснилось, что респонденты испытывали трудности в общении с контролёром (6%) и пассажирами в транспорте (28%), с экскурсоводами в музее (7%), с прохожими (47%), продавцами в киосках (29%), преподавателями (35%), официантами (38%). Они отмечали, что испытывают трудности, когда хотят купить одежду, обувь, продукты, лекарства, заказать такси, рассказать о болезни, спросить дорогу. Именно поэтому некоторые из них (23%) высказывают желание на занятиях по русскому языку изучать не только язык специальности, но и разговорный язык.

Анализ результатов анкетирования показал, что для курсантов высших военных заведений характерен ряд особенностей бытовой сферы общения, определяемых организацией их быта: они меньше пользуются транспортом, реже ходят по магазинам, реже готовят сами, круг их общения ограничен. По нашему мнению, можно выделять в бытовой сфере общения иностранных студентов-нефилологов особую подсферу бытового общения курсантов военных вузов.

В *сфере межличностного общения* иностранные студенты чаще используют родной язык. Вместе с тем становится все более востребованным общение по-русски в социальных сетях (36%). Многие студенты хотели бы иметь русских друзей (59%), познакомиться с русскими девушками и говорить с ними по-русски (77%). Основным фактором, затрудняющим межличностное общение иностранных студентов, является незнание разговорного языка, неумение правильно отреагировать на слова собеседника, побудить его к действию, сделать комплимент и т. д. Студентов в целом волнуют вопросы русского речевого поведения.

В *социальной сфере общения* также больше используется родной язык. Однако 63% респондентов следят за событиями в России и мире в русскоязычном Интернете, 62% смотрят новостные программы на российских телеканалах. Студентов волнуют вопросы политики, особенно войн (46%), загрязнения окружающей среды (26%), миграции (26%). Особый интерес вызывает Россия (87%). Остаются актуальными такие темы: Государственное устройство России, Государственная символика, Международная политика России, Государственные, национальные и семейные праздники, География России, Природа, климат, животный и растительный мир, Путешествия, Обычаи и традиции, Великие люди России, Наука и техника, Религия в России, Полиция, право, права иностранцев, Советская эпоха, Отношения России и родной страны студентов.

Культурная сфера общения в ее традиционном понимании мало актуальна для иностранных студентов-нефилологов из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Современные студенты не читают художественную литературу на русском языке (100%), русские газеты и журналы (97%), не ходят в музеи и на выставки (87%), не посещают театры (100%). Вместе с тем 27% студентов смотрят фильмы на русском языке, 34% — спортивные передачи, 85% студентов слушают музыку, в том числе и русскую, 17% студентов играют на музыкальных инструментах, 48% занимаются спортом на стадионах и в гимнастических залах. В целом же в культурной сфере преобладает посещение крупных торгово-развлекательных центров, которые для студентов являются не только местом, где можно что-нибудь купить, но и местом, где можно что-нибудь посмотреть, поесть, поиграть в боулинг, сходить в кино и т. д. (69%).

Результаты исследования сфер русскоязычного общения иностранных студентов-нефилологов оказались неожиданными для многих препо-

давателей русского языка. В ходе их обсуждений преподаватели высказывали мнения о необходимости изменения тематического содержания современных учебников русского языка с учетом новых данных о потребностях студентов.

Выводы

1. Сферы общения — это сферы жизни и деятельности человека, требующие использования языка. Они обусловлены потребностями человека. Анализ структуры потребностей современного человека позволил выделить бытовую, социальную, религиозную, межличностную, профессиональную, учебную, культурную, научную и художественную сферы общения.

2. Для иностранных студентов-нефилологов особую значимость имеют учебная, бытовая, межличностная, социальная и культурная сферы. Все они за последние 30 лет претерпели коренные изменения, что следует учитывать в учебных материалах как для начального, так и для продвинутого этапа обучения. Необходимо пересмотреть перечень представленных в учебниках ситуаций общения с точки зрения их соответствия потребностям студентов.

3. Коммуникативные потребности иностранных студентов-нефилологов не в полной мере соответствуют представлениям о них преподавателей русского языка. Признавая важность учета данных настоящего исследования, многие преподаватели, тем не менее, высказались против обучения студентов общению в культурной сфере, опираясь только на потребности студентов.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Авторы выражают благодарность за помощь в проведении анкетирования М. Е. Дудниченко, М. Лихачевой, А. Назаренко, К. В. Рекаевой, Д. А. Щукиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.

2. *Андрюшина Н. П., Владимирова Т. Е., Клобукова Л. П. и др.* Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному: Первый сертификационный уровень. Второй сертификационный уровень. Профессиональные модули. М.; СПб., 2000.

3. *Аникина М. Н.* Учебно-научная и профессиональная сферы общения: поиск сбалансированного подхода в обучении РКИ // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Матер. III Конгресса РОПРЯЛ. Т. 2. СПб., 2012. С. 264–268.

4. *Вишнякова Т. А.* Основы методики преподавания русского языка студентам-нефилологам. М., 1982.

5. *Жеребило Т. В.* Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. Назрань, 2011.

6. *Клобукова Л. П.* Обучение языку специальности. М., 1987.

7. *Клобукова Л. П., Нестерская Л. А., Норейко Л. Н.* Специфика представления учебно-научной и профессиональной сфер общения в учебном пособии «Готовимся к профессиональной деятельности» // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Матер. III Конгресса РОПРЯЛ. Т. 2. СПб., 2012. С. 233–238.

8. Программа по русскому языку для студентов-иностранцев, обучающихся на нефилологических факультетах вузов СССР. М., 1985.

9. *Скалкин В. Л.* Сферы устноязычного общения и обучение речи // Русский язык за рубежом. 1973. № 4. С. 43–48.

REFERENCES

1. Azimov Je. G., Shhukin A. N. (2009) *Novyj slovar' metodicheskih terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam) [New dictionary of terms and concepts of teaching methodology (theory and practice of teaching languages)]*. Moscow. (in Russian)

2. Andrjushina N. P., Vladimirova T. E., Klobukova L. P. i dr. (2000) *Gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart po russkomu jazyku kak inostrannomu: Pervyj sertifikacionnyj uroven'. Vtoroj sertifikacionnyj uroven'. Professional'nye moduli [State educational standart on Russian as a foreign language: B2 and C1. Professional volumes]*. Moscow; Saint-Petersburg. (in Russian)

3. Anikina M. N. (2012) Uchebno-nauchnaja i professional'naja sfery obshhenija: poisk sbalansirovannogo podhoda v obuchenii RKI [Academic and professional spheres of communication: search of a balanced approach in teaching Russian as a foreign language]. *Dinamika jazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii. Materialy III Kongressa ROPRJaL [Dynamics of linguistic and cultural processes in contemporary Russia. Proceedings of the 3rd Congress of ROPRYAL]*, vol. 2, Saint-Petersburg. pp. 264–268. (in Russian)

4. Vishnjakova T. A. (1982) *Osnovy metodiki prepodavanija russkogo jazyka studentam-nefilologam [Basic principles of teaching Russian as a foreign language to non-filologists]*. Moscow. (in Russian)

5. Zherebilo T. V. (2011) *Terminy i ponjatija lingvistiki: Obshhee jazykoznanie. Sociolingvistika: Slovar'-spravochnik [Terms and concepts of linguistics. General linguistics. Sociolinguistics. Glossary]*. Nazran. (in Russian)

6. Klobukova L. P. (1987) *Obuchenie jazyku special'nosti [Teaching language for professional purposes]*. Moscow. (in Russian)

7. Klobukova L. P., Nesterskaja L. A., Norejko L. N. (2012) Specifika predstavlenija uchebno-nauchnoj i professional'noj sfer obshhenija v uchebnom posobii «Gotovimsja k professional'noj dejatel'nosti» [Specific characteristics of representation of the material of academic and professional spheres of communication in the study guide «Preparing for Career»]. *Dinamika jazykovyh i kul'turnyh processov v sovremennoj Rossii. Materialy III Kongressa ROPRJaL [Dynamics of linguistic and cultural processes in contemporary Russia. Proceedings of the 3rd Congress of ROPRYAL]*, vol. 2, Saint-Petersburg. pp. 233–238. (in Russian)

8. *Programma po russkomu jazyku dlja studentov-inostrancev, obuchajushhihsja na nefilologicheskih fakul'tetah vuzov SSSR (1985) [Russian language programme for foreign students of non-philological high schools of the USSR]*. Moscow. (in Russian)

9. Skalkin V. L. (1973) Sfery ustnojazychnogo obshhenija i obuchenie rechi [Spheres of oral communication and language teaching]. *Russkij jazyk za rubezhom [Russian language abroad]*, no. 4, pp. 43–48. (in Russian)

ЖИВОЙ КАК ЖИЗНЬ

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА А. Т. ХРОЛЕНКО

ALIVE LIKE LIFE ITSELF. THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR ALEXANDRE T. KHROLENKO

1 января 2018 года исполняется 80 лет со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, кавалера ордена Дружбы народов, доктора филологических наук, профессора Курского государственного университета *Александра Тимофеевича Хроленко*. Эта незаурядная личность уже много лет своим научным подвигом расширяет границы культурного пространства филологии, неустанно ищет и находит новые идеи, включается в острые современные дискуссии по эколингвистике и живет творческой судьбой истинного педагога-мыслителя. Его биография во многом интересна и поучительна.

Уроженец д. Вишенки Демидовского района Смоленской области, А. Т. Хроленко окончил филологический факультет Воронежского государственного университета (1960). Затем был направлен на работу учителем-словесником в родную школу пос. Лазаревского (Сочи), где жил в юные годы. Молодой педагог увлекал учеников своим энтузиазмом: он не только прививал им любовь к родному слову, но и организовывал походы в горы, сотрудничал со СМИ. В 1964 году А. Т. Хроленко после серьезного конкурсного отбора поступил в воронежскую аспирантуру по специальности «Русский язык». Александр Тимофеевич начинает отсчет своей научной деятельности с того момента, когда, как он говорит, «юный кандидат филологических наук Евгения Борисовна Артёменко предложила своему первому аспиранту тему кандидатской диссертации „Паратактические конструкции в языке русской народной лирической песни“». Диссертация была успешно защищена, и дальнейшее развитие А. Т. Хроленко как учёного и преподавателя оказалось связано с г. Курском.

Докторскую диссертацию «Поэтическая фразеология русской народной лирической песни» он защитил в Ленинграде в 1984 году. Оппонентами выступили крупные лингвисты Н. И. Толстой (Москва), В. М. Мокиенко и Е. Г. Ковалевская (Ленинград). С ними Александр Тимофеевич всегда сохранял добрые связи. А еще он часто общался с замечательным фольклористом из Пушкинского Дома профессором А. А. Гореловым, который раскрыл перед А. Т. Хроленко целые залежи народных песен, баллад, стихов. Ученый всегда вспоминает с теплом и своих воронежских учителей, особенно В. И. Собинникову и Е. Б. Артеменко. Но надо сказать, что именно петербургский научный колорит сразу полюбился А. Т. Хроленко: богатые архивы, интересные музеи, лекции ярких, самобытных ученых — всё это возвышало провинциального лингвиста над суетой обыденной науки. Он, подобно своим учителям, стремился ввысь и старался всегда поддерживать высокий уровень филологической квалификации. И сейчас мы можем с уверенностью сказать о Школе профессора А. Т. Хроленко, которая известна далеко за её пределами.

В Курском государственном педагогическом институте (впоследствии — педагогическом университете, ныне государственном университете) А. Т. Хроленко был деканом факультета русского языка и литературы, долгие годы заведовал кафедрой русского языка филологического факультета, а сейчас является профессором этой кафедры.

Круг его научных интересов широк. Александр Тимофеевич щедро делится своими знаниями со студентами, магистрантами и аспирантами, под его руководством защищено более

сорока кандидатов и четыре доктора филологических наук. Профессор А. Т. Хроленко разработал и читает такие курсы, как «Основы филологии», «История филологии», «Основы лингвокультурологии», «Актуальные проблемы современной филологии», «Культура филологического труда», «Современные проблемы науки и образования», «Теория языка», «Введение в языкознание», «Социолингвистика» и другие. Каждый свой курс Александр Тимофеевич оснащает учебными пособиями. Только за последние годы в Москве, в издательстве «Флинта-Наука», опубликованы следующие его труды: «Основы лингвокультурологии» (2004, 3-е изд. — 2006), «Теория языка» (2004, 2-е изд. — 2006), «Современные информационные технологии для гуманитария: практическое руководство» (в соавт. с А. В. Денисовым, 2007), «Введение в лингвофольклористику» (2010), «История филологии» (2013), «Основы современной филологии» (2013), «Культура филологического труда» (2014), «Введение в филологию» (2015, 2-е изд. — 2016), «Введение в экофилологию» (2017); издаются и другие научные и учебные монографии как в России, так и за рубежом. Александр Тимофеевич говорит: «Я занимаюсь тем, что люблю: читаю лекции и пишу книги».

Однако главным направлением научных исследований А. Т. Хроленко, без сомнения, делом всей его жизни остается изучение языка русского фольклора. В семидесятые годы XX века оформилась самостоятельная область языкознания — *лингвофольклористика*. Название этой дисциплины было предложено самим Александром Тимофеевичем в одной из статей в журнале «Русская речь» («Что такое лингвофольклористика» — 1974, № 1). В Курске под руководством А. Т. Хроленко сложилась одна из трех научных лингвофольклористических школ наряду с воронежской и петрозаводской; ее авторитет признан в России и за рубежом. Александр Тимофеевич посвятил годы разработке принципов составления словаря языка русского фольклора. Исследователями курской школы составлены многочисленные словники и частотные словари мегатекстов фольклорных произведений. На материале былинного жанра А. Т. Хроленко в соавторстве с М. А. Бобуновой были созданы и опубликованы «Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: Часть первая: Мир природы» (2005), «Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: Часть вторая: Мир человека» (2005), на материале народной лирики — словари-конкордансы Курской (2007), Архангельской (2008), Олонецкой губерний (2009), песен Сибири (2010). Несколько изданий выдержала хрестоматия «Язык фольклора». Для анализа фольклорного текста был создан комплекс лингвокультурологических методик, которые оказались адекватными и для исследования языка произведений художественной литературы. Обобщив итоги работы, отраженные в многочисленных публикациях, А. Т. Хроленко разработал учебный курс для магистрантов и написал соответствующее пособие «Введение в лингвофольклористику» (2010). В 2008 году свет увидела монография «Лингвофольклористика. Листая годы и страницы», название которой говорит о длинном, насыщенном яркими событиями пути этого редкого ученого.

Накануне своего солидного юбилея профессор А. Т. Хроленко энергичен, подтянут, полон идей, эрудирован, остроумен и блестящ, как всегда. На его лекциях для специалистов всегда аншлаг. Он бывает ироничен и даже задорен в своих мыслях, вобравших, как кажется, всю мудрость оракулов науки, русских и зарубежных философов и филологов от древности до наших дней. Энциклопедичность А. Т. Хроленко поразительна! Александр Тимофеевич никогда не откажет в помощи, поделится советом, скажет доброе слово. Для глубоко уважающих и любящих его коллег, друзей и учеников он остается эталоном служения науке, человеческой значительности и порядочности.

Курский государственный университет,
Московский государственный областной университет,
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет

ХРОЛЕНКО А. Т. ВВЕДЕНИЕ В ЭКОФИЛОЛОГИЮ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. — М.: ФЛИНТА : НАУКА, 2017. — 264 С.

Проблемы экофилологии в современной науке — самые актуальные. Они всегда напоминают нам о сложных вопросах языкового общения и показывают тот национально-культурный фон, в котором живет обычный человек, порой не замечая за своими потребительскими интересами главного: сбережение языка — это государственная задача.

Автор книги — профессор Курского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ А. Т. Хроленко — крупный специалист по общей филологии, теории языка и лингвофольклористике. В последние годы он выпустил ряд новых книг, как раз идущих в русле культурологической проблематики и осмысления языка как философского, исторического, этнологического феномена: «История филологии» (М., 2013), «Культура филологического труда» (М., 2014), «Введение в филологию» (М., 2015). В них расширяется представление о такой, казалось бы, всем знакомой области, как филология. Но со временем меняются приоритеты этой науки, уточняются ее предмет и объект, она включается в более современные классификации и начинает «работать» по-другому. Не случайно поэтому и в данной книге, и в прежних трудах автор размышляет над вопросом: что такое филология — это традиционная наука со своим набором методов и средств или «наука нерешенных проблем»?

Нам кажется, что в потоке многочисленных определений и толкований этого термина более содержательной является точка зрения наших предшественников, тех, кто стоял у основания современной филологии и видел в ней «творения человеческого духа» в их развитии (такое определение дано в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза-Ефрона) или «любовь к изучению... слова-мысли» (выдержка из «Энциклопедического словаря» братьев Гранат). Из современных ученых нам ближе всего позиция С. С. Аверинцева, определившего эту науку как «содружество гуманитарных дисциплин, изучающих историю и выясняющих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» (*Аверинцев С. С.* Филология // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972. С. 974). Мы не станем здесь включаться в многолетнюю дискуссию по этому вопросу, но добавим, что границы данного предмета знания, конечно же, не укладываются только в рамки истории. Это и искусство чтения, и проникновения в человеческий мир, и прикладная дисциплина, учащая азам науки. Филология, выражаясь словами Г. О. Винокура, — «решительно всё».

И вот в таком пёстром, насыщенном красками образе данной науки *экофилология* сейчас занимает чуть ли не главное место, потому что меняется подход к пониманию смысла и назначения гуманитаристики в целом. В XXI веке она призвана решать уже более сложные, противоречивые задачи и отвечать, как сейчас говорят, на вызовы времени. А их немало: «чужебесие» и «чужесловие», языковая глобализация, стирающая границы национальных культур и расшатывающая основы здорового языкового организма, опрощение культуры и снижение речевого интеллекта нации, тенденция к усилению словесного «канцелярита» в обществе, колоссальное влияние электронного языка, который поколением «нэкст» и воспринимается как родной (!), сложные внутриполитические, религиозные, исторические процессы в социальной жизни страны — всё это вызывает нестабильность и в языке, и в его культурной наполненности и в то же время рождает нестандартные эвристические и креативные возможности языка — он продолжает развиваться и приспосабливаться к новым условиям. Оценка этих факторов филологическим сообществом — важный инструмент в осмыслении процессов современной жизни и управления ими в созидательном ключе. Здесь

главное место, безусловно, должен занимать ученый-филолог, мыслитель-практик, гуманист.

Книга А. Т. Хроленко впервые в таком ключе ставит многие из обозначенных выше проблем и предлагает пути их решения с опорой на исторические корни филологии, на ее традицию и опыт. Вместе с тем автор не «анахронист», как бы находящийся в плену своих мечтаний и книжных прозрений, он — наш современник, деятель, созидатель, пытающийся размышлять вместе с читателем над непростыми проблемами угроз и бед русской речи, ставящий базовые вопросы сбережения языка, оценивающий их перспективы, предлагающий практические способы оздоровления речевой культуры и, наконец, не забывающий о субъекте экофилологии — языковой личности — творце современной истории «культурных взрывов», находящемся в самом центре «местодействия» (выражение евразийца П. Н. Савицкого) земной цивилизации науки.

Показателен первый раздел книги, где А. Т. Хроленко говорит о предыстории отечественной экофилологии и ее становлении как науки. Естественно, что автор начинает свой анализ с XVIII века, когда приобщение к европейской культуре вызвало сильный натиск чужеродных элементов в русский язык, и впервые так широко обнажились проблемы сохранения духовно-исторических основ родной речи. Автор делает обзор идей В. К. Тредиаковского и В. Е. Адодурова, уделяет особое внимание созданию языка русской науки М. В. Ломоносовым — его терминологическом «верстаке» и новаторствах в созидании искусства грамматики и слова, называет А. П. Суморокова «первым русским экофилологом» (с. 23), обращается к оценке феномена «Словаря Академии Российской» как первого опыта нормативного упорядочивания, а значит, очищения русского языка. Конечно, в этой части можно было бы указать и другие имена мыслителей-энциклопедистов, которые откликались на злободневные проблемы экологии языка: например, отметить воспитательную роль философского трактата «О пользе наук и училищах» В. Н. Татищева, в котором выдающийся историк показывал свои эстетические взгляды на тенденции в развитии языка того времени и в целом на ценность филологического образования. Думается, что в этой части стоило бы уделить больше внимания риторикам — основным «учительным» книгам Древней Руси. Именно они в XVIII веке и ранее и являлись камертоном сбережения языка и его традиционной парадигмы: и в грамматике, и в стилистике, и в самом логосе речи. Эти труды теперь стали доступны научной аудитории, благодаря деятельности В. И. Аннушкина, А. А. Волкова и других лингвистов, издававших в разные годы риторики, хрестоматии и отдельные исследования, как раз включившие эту потаенную отрасль филологии в контекст *современной* науки. Хотя в следующем разделе автор и перечисляет главные риторики, он их практически не анализирует, лишь тезисно передавая краткое содержание того или иного труда. На наш взгляд, они нуждаются именно в экофилологическом зрении современного филолога.

При описании событий XIX века А. Т. Хроленко отметил самые важные аспекты просвещения, повлиявшие на экофилологическую традицию России: гапломанию в дворянском обществе и «языковую смуту», очень кратко, к сожалению, рассказал о деятельности А. С. Шишкова и более подробно — о И. В. Гёте. Справедливо А. Т. Хроленко говорит о заслугах А. Х. Востокова и особенно И. И. Срезневского с его бессмертными «Мыслями об истории русского языка», выдвинувшими программу его изучения именно в русле национальной культурно-исторической традиции. Почему-то исследователи часто обходят стороной фигуру Н. И. Греча — редкого, неординарного, прозорливого мыслителя, который в своих «Чтениях о русском языке», изданных в 1840 году, высказывал немало интересных суждений как раз по проблемам экофилогии. Весьма лаконичен очерк о В. И. Дале (с. 44–47), в котором, к сожалению, его Словарь не цитируется, а передаются только рефлексии современных поэтов и писателей. Полагаем, что именно само *слово* великого лексикографа — то, как он его описывает, как определяет его народные признаки, как включает в картину мира традиционного быта, религии, истории, и определяет *экофилологическое* значение данного труда именно в XIX столетии. Тогда это было в новинку. В. И. Даль же создал энциклопедию народной жизни слова и призывал своих читателей к бережному отношению к жемчужным россыпям живых языков и голосов подлинного фольклора души простого человека. Вот здесь и стоило бы понаблюдать ученому XXI века над словесным орнаментом науки прошлого, увидеть в ней

«другие берега», показать, как в конкретном слове выражено «хранилище народной мудрости». Было бы разумно в этой части отдельно сказать о роли писательской культуры и вообще художественного текста в создании народного портрета языка, в его гравировке и придании ему удивительных, живых, простых и ясных форм — От Пушкина до Тютчева. В XIX веке роль творцов языка, какими были русские гении слова, особенно важна: им подражали, в дискуссиях с ними рождался облик новой литературы, их сюжеты и истории создавали из отдельных, не всегда связанных ручейков стихии народной жизни мощную реку *национальной* художественной традиции — и в искусстве, и в науке, и в поэзии. Всё это тоже аспекты нашей экофилологической традиции.

Автор справедливо говорит, что экофилология как наука зародилась в XX веке, когда исторические события перевернули с ног на голову традиционные представления о том, каким должен быть язык, чему стоит уделять внимание и что воспевать. Очень хорошо, что в этом разделе прозвучали имена А. М. Селищева Е. Д. Поливанова, Л. В. Щербы (с. 48–51). Но не они одни формировали лицо этой науки. Пожалуй, ближе всего к содержательной части стоял Г. О. Винокур с его книгой «Культура языка. Очерки по лингвистической технологии» (М., 1925) и философско-лингвистические сообщества того времени. Эта часть нам показалась неполной и отрывочной. Мы солидарны с автором, что здесь необходимо говорить также и о том, как проблемы *экофилологии* отражались в традициях эмигрантской культуры — там они воспринимались намного острее, и отклики были более резкими, с надрывами об утерянном. Но кроме книги Волконских «В защиту русского языка» (с. 51–52) А. Т. Хроленко не говорит *ни о ком*. Затем ученый сразу переходит к освещению проблемы государственной идеологии, тоталитаризма и языка середины — второй половины XX века. Надо отдать должное автору, что он умеет интересно, с ассоциациями и картинками из литературных произведений, умно и одновременно лирично говорить о таких непростых проблемах истории отечественной экофилологии, где Оруэлл пересекается с Бродским, а Чуковский с Солженицыным. Думаем, что и в этой части не хватает фактов именно тоталитарного воздействия на язык и культурную традицию, раз автор так обозначает этот раздел: можно было бы сказать применительно к *экофилологии* о дискуссии в языкознании 1950 года, пролистать вместе с читателями «Новый мир», «Наш современник», «Советскую культуру», «Литературную газету» того времени, в которых без труда найдем колоритные примеры идеологического давления на филологическую интеллигенцию. Всё это в первую очередь выражалось в *слове*, в его пафосе, интонации, в порой гнетущем призыве к уничтожению «контрабандистов». Чего стоили, например, статья некоего М. Илюковича «Герцен глазами контрреволюционера (о Каменевелитературоведе)» или работа «За большевистскую бдительность в литературе», опубликованные в популярной периодике второй половины 1930-х гг., и многие другие, которые открыли бы нынешнему читателю, незнакомому с перипетиями экофилологической идеологии 1930–1960-х гг., окно в мир противоречивых скитаний этой науки, находившейся под давлением властей. Даже такая «неприглядная» сторона нашей истории, корректно и с подобающими оценками рассказанная, была бы вполне уместна в рецензируемой книге.

Концептуальные разделы учебного пособия А. Т. Хроленко выдержаны в более логическом ключе, а потому вызывают нашу симпатию прежде всего как *авторские* находки и желание осмыслить основные аспекты экофилологии в русле современных проблем социума. Конечно, ключевой тезис «язык как основа этноса» автор выбрал не случайно: он показывает самую суть филологической безопасности нации, то, что образует ее генетический код. Среди вопросов, которые обсуждает ученый в этой части книги, самые актуальные и в то же время «незаметные» для рядового читателя: что такое чувство *родного* языка, как оно выразилось в облике его носителей: Пушкина, Гоголя, Кюхельбекера, Берберовой, можно ли его «пощупать»? Каковые эвристические возможности русского языка? — этот вопрос тоже сейчас исключительно важен. Обсуждая его, А. Т. Хроленко точно подметил те «переходные зоны», которые воздействуют на традицию языковой культуры. Здесь вполне уместны его размышления над идеями Н. И. Жинкина о механизмах человеческого мышления и речи (с. 71), реминисценции духа Набокова и Бродского, Потебни, Ильина и Бахтина. Автор книги показывает себя очень начитанным ученым, способным творчески перерабо-

тать большой фактический материал из разных отраслей знания и мастерски использовать его в пропедевтических учебных целях.

Он снова здесь возвращается к своему излюбленному вопросу о параязыке, так или иначе фигурирующему и в других работах, но здесь выступающему с точки зрения выразителя возможностей художественного слова и его удивительных эстетических метаморфоз: «...95 оттенков улыбки и 85 оттенков выражения глаз героев увидим мы, читая „Войну и мир“ Л. Толстого...» (с. 90). Он рассматривает параязык как неотъемлемый объект *культуры* коммуникации, балансирующий между бессознательным и языковым и воспитывающий настоящие чувства, эмоции, образы.

Конечно, в этой книге в отдельной главе справедливо затронуты проблемы внешних угроз русскому языку. Автор подробно, с привлечением интересных источников говорит о глобализации языка, процессе доминирования одной культуры над другой, о причинах этого явления, о тенденциях его развития, приводит интересные факты из истории «экоконъюнктуры» в США, Германии и других странах. Важно, на наш взгляд, замечание А. Т. Хроленко о том, что «гуманитарное знание — это естественный противник глобализации» (с. 100). Схожие процессы захватили и российское общество, где всегда преобладал императивный стиль официального общения, что-то запрещающий или дозволяющий. Очень хорошо иллюстрирует содержание данной проблемы дискуссия о месте русского языка в современном мире (с. 103 и след.), показавшая, что существует два подхода к судьбам «великого и могучего» — «алармистский» (катастрофа! язык гибнет!) и «благостный» (всё нормально...). На наш взгляд, преобладающая сейчас «срединная» позиция тоже неуместна. Филологи и гуманитарии в целом должны активнее вмешиваться в формирование экофилологического лица общества, в воспитание его ценностей, в привитие уважения к историческому прошлому и традициям народов вопреки стремительно набирающей обороты «европеизации» культуры с обезличенными гендерными призывами к свободе и независимости выражения, даже если она находится на грани или за гранью приличия.

В этом бушующем мире страстей вынуждена, к сожалению, существовать и наша филологическая наука. А. Т. Хроленко справедливо указывает на ее беды. Одна из них, как бы мы часто об этом не говорили на съездах и форумах, заключается, по мнению автора книги, в слабой поддержке статуса русского языка и недостаточном внимании «к научному осмыслению происходящих в языке процессов» (с. 107). Мы их только фиксируем, так сказать, постфактум, но не прогнозируем и не анализируем движение. В этом, нам кажется, и должна состоять одна из главнейших государственных задач в сфере языковой политики. Нашей болью, сочувственно размышляет автор, является все время меняющаяся образовательная стратегия государства, иногда ориентирующаяся на какие-то европейские стандарты. Взять, например, ситуацию наших дней, когда преподавателей призывают публиковаться в иностранных базах данных. Для «технарей», может быть, это и имеет смысл, но кому мы будем проповедовать традиционные филологические ценности, «мотивировать» иностранную науку включаться в дискуссии о русском языке? На эту тему проходили дебаты. А. Т. Хроленко очень своевременно пишет, что нельзя «подгонять себя под умозрительные мировые стандарты, а давать детям необходимые знания, приобщать их к нормам родной культуры... В противном случае языковым результатом станут вульгарность, грубость, агрессивность общения» (с. 108).

В рамках нашей рецензии невозможно остановиться на всех разделах этой интересной книги. Практически каждый тезис автора звучит как призыв к осмысленному, бережному отношению к языку. То, что оставят в наследство нынешние поколения, не должно исказить исторического кода, коренным образом изменить русскую культурную цивилизацию. Мы не можем с новыми пороками общества приобретать и новые неизлечимые «болезни» языка. Одной из них является неумеренное заимствование иностранных слов и, с другой стороны, языковой пуризм как проявление нигилистической тенденции. В ходе размышления над этими вечными проблемами экологии слова автор находит решение снова в нашем историческом опыте, в мудрых мыслях академика Л. В. Щербы, указавшего на замечательное свойство русского языка — «не чуждаться никаких иностранных заимствований, если только они идут на пользу дела» (с. 123). «Усыновление слова», по мнению А. Т. Хроленко, — «удел культуры» (с. 132), значит, наша задача состоит в том, что-

бы процесс адаптации не только отдельного слова, но и жестов, интонаций, лозунгов и «мемов» происходил естественным образом, без напора внешней среды, внедряющей те или иные приоритеты уродливого социалекта в массовую культуру. Это работа нескольких десятилетий и даже столетий.

А. Т. Хроленко в своей книге говорит о таком важном факторе экологической культуры, как государство, чьи идеологические институты и в целом политика сильно воздействуют на языковое и речевое строительство, а политическая пропаганда быстро подхватывается обществом и закрепляется в словаре, приводит к истончению исконного смысла слова, к исчезновению чувства сопричастности к родной стихии и использованию её богатств только как механических компонентов, цементирующих определенные типажи значений, культурных объектов (см. подробнее об этом на с. 179 и след.). Замечательно, что на современном этапе есть уже законодательная база, регламентирующая норму языкового употребления и речевого общения (с. 183), функционирует и приносит положительные результаты федеральная целевая программа «Русский язык», о целях которой подробно рассказывает А. Т. Хроленко на страницах книги (см.: с. 184–186). Есть и ощутимые результаты в сфере интернет-коммуникации, занимающейся просвещением всех, кто интересуется проблемами языка в России и за рубежом (портал gramota.ru и фонд «Русский мир). Но этих стараний все же недостаточно для трансляции ценностей культуры. Основные усилия здесь, по справедливому замечанию ученого, должны концентрироваться в семейных традициях, школе, крестьянстве — это важнейшие социальные институты общества, по сути дела, созидающие и охраняющие чистоту культуры.

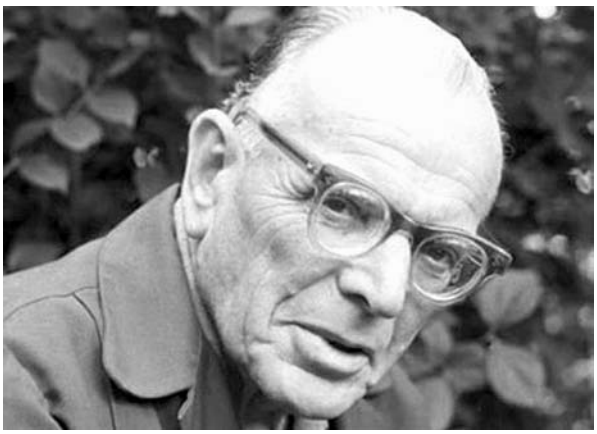
Показателен небольшой раздел «Поучительные примеры сбережения языка», где автор вместе с читателями размышляет над социальными портретами носителей заповедного русского языка, делая обзор интересных статей из современной прессы и касаясь обычаев сохранения культурных традиций у русских эмигрантов (с. 206 и след.).

Наконец, А. Т. Хроленко подобрался и к болезненному вопросу национальной идеи, которая будоражит умы общества и разделяет его на разные части: кому интересен спорт, кто думает о единой идеологии, но многие не замечают того, что именно язык формирует нацию и делает ее культуру великой — будь то русская, или татарская, или дагестанская (с. 210 и след.).

Учебное пособие профессора А. Т. Хроленко действительно *вводит* современного читателя, и прежде всего студента, в живой мир *экофилологии*, с которым каждый из нас сталкивается на ходу, пусть даже не обращая внимания на какие-то словесные «карикатуры», вывески или газетные заголовки. Но теперь, прочитав эту полезную книгу, возможно, задумается над тем, что умение пользоваться словом — целое искусство, капитал, который приобретается годами сознательной деятельности человека, работой разума, личной мотивацией, что «высокая речевая культура обеспечивает соответствующий социальный престиж носителя языка» (с. 241). Сверхзадача экофилологии, по мнению А. Т. Хроленко, заключается в том, чтобы «формировать в обществе убеждение, что любви к родному языку можно и должно целенаправленно учить» (с. 242).

В заключение обратим внимание читателей на еще одну особенность книги. Она написана для учащихся и сделана так, чтобы показать в каком-то смысле образец филологической работы с текстом, с мыслью, с тем, что подпитывает дерзновенный дух и зарождает в нас Божью искру созидательного словесного творчества. Этот призыв автора должен быть услышан.

О. В. Никитин,
д-р филол. наук, профессор
Московского государственного
областного университета



К 125-ЛЕТИЮ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

И. М. Вознесенская

ЛИРИЧЕСКАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ КАК СТИЛЕОБРАЗУЮЩАЯ ЧЕРТА ПОЗДНИХ РАССКАЗОВ К. ПАУСТОВСКОГО

IRINA M. VOZNESENSKAJA
THE LYRICAL TONE AS A STYLISTIC FEATURE
OF THE LATE SHORT STORIES BY KONSTANTIN PAUSTOVSKY

Ирина Михайловна Вознесенская

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

► i.voznesenskaya@spbu.ru

Irina M. Voznesenskaja

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Статья посвящена проблеме индивидуального стиля К. Г. Паустовского. В качестве доминанты, определяющей особенности его стиля, рассматривается лирическая тональность, дается характеристика этой текстовой категории и выявляются средства ее формирования. Анализ проводится на материале рассказов К. Паустовского «Снег», «Дождливый рассвет», «Кордон „273“», «Воронежское лето» и других произведений писателя.

Ключевые слова: художественный текст; идиостиль; тональность речи; подтекст; К. Г. Паустовский.

The paper deals with the problem of Konstantin Paustovsky's individual style, and highlights the lyrical tone as its dominant feature. The author discusses the lyrical tone as a text category, defines its characteristics, identifies the means of its formation. The analysis is performed on material of the short stories "The Snow", "A Rainy Dawn" "The Cordon 273", "Summer in Voronezh", and other works by the writer.

Keywords: the literary text; author's style; tone of speech; subtext; Konstantin Paustovsky.

Исполнилось 125 лет со дня рождения Константина Георгиевича Паустовского (1892–1968). Родился будущий писатель в Киеве, учился в Первой киевской гимназии (как и М. А. Булгаков). В 1914–1929 гг. Паустовский пробует разные профессии: кондуктор и вожатый трамвая, санитар на фронте Первой мировой войны, репортер, учитель. Первая награда Константина Паустовского — солдатский «Георгий» четвертой степени за службу военным санитаром в поезде. Два его брата, Борис и Вадим, в один день погибли на разных фронтах Первой мировой войны.

В 1941–1942 гг. Константин Георгиевич отправляется на фронт военным корреспондентом, публикуется во фронтовой газете «Во славу Родины», в газетах «Защитник Родины», «Красная звезда».

Паустовский более десяти лет вел семинар прозы в Литературном институте. Среди его учеников были — Владимир Тендряков, Григорий Бакланов, Юрий Бондарев, Юрий Трифонов, Борис Балтер, Юрий Казаков. Целое созвездие талантов! В тяжелые периоды Паустовский поддерживал Синявского и Даниэля, Солженицына и Юрия Любимова.

Хорошо известна история с великой актрисой Марлен Дитрих. Однажды она прочитала рассказ Паустовского «Телеграмма», на английском, и была потрясена. Когда в 1964-м она приехала в СССР, уже в аэропорту спросила о Паустовском. Во время своего выступления в ЦДЛ актриса сказала о своем восхищении писателем. Присутствовавшего в зале Константина Георгиевича попросили выйти на сцену и Дитрих, не зная, как выразить своё преклонение перед талантом писателя, опустилась перед ним на колени.

Жизнь и творчество К. Г. Паустовского тесно связаны с родной его сердцу природой средней полосы России, с заповедным краем Мещерских лесов (между Владимиром и Рязанью), с городом Таруса Калужской области, бывших источниками вдохновения писателя и запечатленных в его книгах. В Тарусе работает дом-музей писателя, на местном кладбище этого города над обрывистым берегом реки Таруски он похоронен. В предисловии к своему последнему собранию сочинений К. Паустовский писал: «Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску — на ее скромных берегах я теперь часто и подолгу живу» [7: 40].

Исследователи творчества К. Паустовского, отмечая тематическую и стилистическую эволюцию произведений писателя, тем не менее в качестве стилеобразующей характеристики выделяют их принадлежность к «лирической прозе», отличительными признаками которой являются выраженность авторского «я», наличие подтекста, сверхзадача пейзажа, особая роль детали, тяготение к ассоциативности художественного мышления [1: 6]. Наиболее органично и ярко эти черты проявляются в рассказах 40-х — 60-х годов: «Снег», «Телеграмма», «Дождливый рассвет», «Кордон „273“», «Ильинский омут» и других произведениях этого периода, где авторский индивидуальный стиль приобрел очевидно узнаваемый, неповторимый облик.

Понятие индивидуального стиля, как «своеобразной, исторически обусловленной, сложной, но структурно единой и внутренне связанной системы средств и форм словесного творческого выражения», данное В. В. Виноградовым [3: 105], получило дальнейшую разработку в филологии. Идиостиль понимается в единстве содержательных и языковых характеристик, связанных с авторским мировоззрением, картиной мира писателя и формирующих отличительный, индивидуально-специфичный строй речи. Индивидуальный стиль определяют как «совокупность ментальных и языковых структур художественного мира писателя» [2: 11], однако при этом «простое перечисление лексико-грамматических особенностей само по себе ничего не объясняет <...> должна быть организующая речевой материал идея» и далее: «Стиль есть там, где есть идея» [4: 184). Творческая концепция К. Г. Паустовского, определившая содержание его рассказов и специфику стиля, выражает гармоничное единство мира природы и созвучие ей человека, переживающего волнующие моменты своей внутренней жизни, испытывающего чувствительные движения души.

Событие внутренней жизни может быть вызвано встречей с природой, пробудившей состояние волнения, радости и упоения наблюдаемой картиной. Луговые и лесные дали, берега Оки, места, как писал Паустовский, «типично и трогательно русские по своему пейзажу. В течение многих лет Таруса была как бы заповедником этого удивительного по своей лирической силе, разнообразию и мягкости ландшафта» (Письмо из Тарусы, 8, 289)*. Вот это проникновенное восприятие лирической силы и мягкости природы

России нашло отражение в словесных образах в творчестве писателя. Пейзаж средней России наиболее близок национальному колориту русского ландшафта, образы этих мест, воссозданные в полотнах русских художников, в поэзии и художественной прозе, являются важной составляющей культурной памяти, узнаваемые виды природы образуют один из кодов национальной культуры. Картины В. Поленова, дом которого стоял на Оке, пейзажные полотна В. Борисова-Мусатова, который жил и похоронен в Тарусе, во многом созвучны образам русской природы, запечатленным К. Г. Паустовским.

Заповедный край Мещерских лесов, заливные луга, лесные озера, речки с высокими прибрежными травами, глубокие и темные омуты — такие места, писал Паустовский, «наполняют нас душевной легкостью и благоговением перед красотой своей земли, перед русской красотой» (Ильинский омут, 7, С. 548). Эмоционально окрашенное изображение, передающее теплое, щемящее чувство к своей земле и природе, формирует лирическую тональность рассказов, составляющую характерную черту индивидуального стиля писателя.

> *Мы привыкли говорить «левитановские места» и «нестеровская Россия». Эти художники помогли нам увидеть свою страну с необыкновенной лирической силой. Нет ничего плохого в том, что к зрелищу этих речушек и ольшаников, бледного неба и лесных косогоров всегда примешивается капля грусти, может быть оттого, что каждая встреча с этими местами — вместе с тем и разлука с ними. Нам грустно, что мы не в силах превратить это мимолетное осеннее утро в бесконечный шелест сухого золотого листа, в бесконечный блеск прохладных озер, в бесконечный хоровод легких, как дым, облаков.*
>
> *С крутого песчаного холма открылась внизу пойма неизвестной реки. За ней подымались в небо сосновые боры, кремли дремучих лесов. На их краю виднелась деревня и стояла во мгле, как видение, очень высокая, почерневшая от времени деревянная церковь.*
>
> *Туман лежал в пойме синеватой водой. Только вершины стогов темнели над ним маленькими островами* (Кордон «273», 7, 362).

В приведенном отрывке тональность задается не только включением в контекст слов с эмоциональной семантикой («грусть», «грустно»), коннотациями слова «разлука», но и эпитетами, рисующими спокойное, проникновенное, нежное отношение к природе, лишенной пышной яркости, цветистости, — *мимолетное утро, легкие облака, прохладные озера, бледное небо, почерневшая от времени деревянная церковь*. Следующее далее изображение деревни не только наглядно-конкретно благодаря отбору деталей, но и эмоционально окрашено — любовным, радостным чувством спокойного узнавания знакомых примет деревенского мира:

> *Гришино оказалось обыкновенной деревней. Так, очевидно, о ней было бы сказано в любом описании. Но в этой ее обыкновенности была спокойная и знакомая прелесть: в резных наличниках на оконцах, в высоких крылечках, в ягодах калины над частоколами, в старых бревнах, сваленных у каждых ворот, в сварливых огненных петухах, в серых глазах женщин — то строгих, то застенчивых, то ласковых, в осторожной походке хозяек, когда они несут на коромыслах полные ведра, в кудрявой герани, расцветающей из банок тушенки, в ребятах с волосами, выгоревшими до цвета пеньки.*
>
> *В конце деревни, в уличке, заросшей по твердому белому песку чистой травой, стояла одинокая изба вся в цветах. На крылечке сидел рыжий кот с такими зелеными мрачными глазами, что на них нельзя было долго смотреть. Тотчас за изгородью струилась река с водой цвета крепкого чая. Это была Пра* (Кордон «273», 7, 363).

Для картин природы характерны простые и точные изобразительные средства, среди которых частотны эпитеты *теплый, холодный, светлый, мягкий, легкий, тихий, чистый*: *сухая теплая земля, слабый дождь, тихий теплый дождь, светлый край, теплый свет, тихая заводь, глухие затоны, сумрак прогретых лесов, тихий светлый день, лесные тихие сумерки, тихий закат, холодноватый закат, мутноватая заря, легкие рваные облака, тихий снег, серый, тихий дождь*. Этот ряд эпитетов представлен словами с прямым номинативным значением, называющим физические характеристики реалий природы и передающим спокойные оттенки цвета и света, однако их употребление в контексте рассказов ассоциативно вовлекает в восприятие и переносные значения этих слов (*тихий, теплый, светлый, чистый, слабый* — о человеке, о чувствах), которые имеют характеризующее значение и придают эмоциональную окраску тексту. Тональная окраска речи также формируется благодаря образам природы, создающим приглушенность света и звука: *мгла, туман, сумерки, рассвет, тишина*.

Утром мы ушли в Спас-Клепики. Был тихий светлый день. Ржавые листья слетали на землю. Лесной край уходил в нежную мглу, рядился в прощальный туман. И с переливчатым звоном протянул высоко над нами первый косяк журавлей (Кордон «273», 7, 374).

Художественно значимым в рассказах К. Паустовского является образ дождя, приобретающий в разных сюжетных и ситуативных условиях разные изобразительные и смысловые приращения:

Одинокая капля дождя отвесно упала в воду. От нее пошли тонкие круги. Потом сразу вокруг нас зашевелилась, зашептала трава, вся вода покрылась маленькими кругами, и слабый, но внятный звон поплыл над омутом. Шел тихий теплый дождь.

Далеко в разрывы мягких туч светило широкими лучами солнце, и степь дымилась и блестела. Сильнее запахли травы, хлеба и земля. Из-за бугра потянуло парным молоком, — там паслось стадо <...>

— Доброе лето! — серьезно сказал Федя.

Эти слова он, должно быть, слышал от кого-нибудь из деревенских стариков. Лето было действительно полно неуловимой доброты — и в легком шуме дождей, и в запахе зреющей пшеницы — предвестнике урожая (Воронежское лето, 7, 343).

Несмотря на самостоятельную художественную ценность картин русской природы в произведениях К. Г. Паустовского, основное содержание его рассказов связано с воплощением внутренней жизни человека, акцент сосредоточен на эмоциональном, душевном состоянии героя, переживающего глубокое и волнующее событие духовной жизни, вызванное отношениями с другим человеком или новой ситуацией. При этом изображение чувств или состояния сознания героя передается не прямыми номинациями, а опосредованно — системой косвенных средств и сопровождается характерным для индивидуального стиля писателя лиризмом. Лиризм, понимаемый как «чувствительность в переживаниях, в настроениях; мягкость и тонкость эмоционального начала» [6: 336] получает воплощение в лирической тональности текста. В текстовой категории тональности, по определению Т. В. Матвеевой, «находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [5: 549]. Лирическая тональность может быть определена как формируемая специальным отбором языковых средств организация речи, реализующая мягкость, тонкость и чувствительность в изображении внешнего мира и внутреннего состояния человека, а также вызывающая созвучный эмоциональный отклик у читателя.

Лирическая тональность создается отбором деталей, которые косвенно передают спокойные, сдержанные чувства. Гармонию, умиротворение, покой во внешнем мире выражают характерные для рассказов этого периода изобразительные детали, рисующие небольшие реки, маленькие пристани, пароходики, туман, бакены, прибрежные ивы и деревеньки вдоль речных берегов. Зрительные образы, вызываемые этими деталями, наделены эмоциональными представлениями о спокойном, родном и знакомом мире, лишенном суеты, шума, напряжения. В изобразительном контексте рассказов значимыми являются звуковые детали — скрип сходней на пристани, гудки речных пароходов, скрип калитки в саду, скрип снега на морозе, скрип половиц в старом доме, птичьи голоса, которые контрастно усиливают образ тишины, передающий покой и гармонию окружающего мира.

Ночью над рекой опустился туман. Пароход не мог идти дальше: за туманом не было видно ни бакенов, ни перевальных огней.

Пароход приткнулся к крутому берегу и затих. Только равномерно поскрипывали сходни, переброшенные на берег. По этим сходням матросы завели чалку и закрепили ее вокруг старой ракиты (Шиповник, 7, 410).

Изобразительный ряд не содержит ярких красок, впечатляющей звуковой экспрессии, он строится на оттенках, цветовых, световых, звуковых полутонах, едва проявленных:

Подмосковный зимний денек все задремывал, никак не мог проснуться после затянувшейся ночи. Кое-где на дачах горели лампы. Перепадал снег (Рождение рассказа, 7, 482).

Такой изобразительный фрагмент в абсолютном начале текста, в сильной позиции, служит эмоциональным зачином, как камертон, задает общую тональность рассказа.

Начало произведения или начало эпизода в структуре рассказа, как правило, содержит пейзажную зарисовку, дающую эмоциональный ключ восприятия содержания. Так, в рассказе «Дождливый рассвет» внутреннее состояние героя, приехавшего с фронта в далекий маленький городок, чтобы передать письмо от знакомого по госпиталю приятеля его бывшей жене, выражены через состояние природы. Моросящий дождь, густые сумерки, туман, тишина провинциального городка становятся эмоциональными доминантами рассказа. Это знаки состояния героя, переживающего чувство неясного ожидания, легкой тревоги и смутной надежды перед встречей с незнакомой ему женщиной. Вместе с тем эти изобразительные детали также выражают и состояние человека, приехавшего с войны и оглушенного покоем мирной жизни:

В Наволоки пароход пришел ночью. Майор Кузьмин вышел на палубу. Моросил дождь. На пристани было пусто, — горел только один фонарь.

«Где же город? — подумал Кузьмин. — Тьма, дождь, — черт знает что!»

Он поежился, застегнул шинель. С реки задувал холодный ветер. Кузьмин разыскал помощника капитана, спросил, долго ли пароход простоит в Наволоках.

— Часа три, — ответил помощник. — Смотря по погрузке. А вам зачем? Вы же едете дальше.

— Письмо надо передать. От соседа по госпиталю. Его жене. Она здесь, в Наволоках.

— Да, задача! — вздохнул помощник. — Хоть глаз выколи! Гудки слушайте, а то останетесь.

Кузьмин вышел на пристань, поднялся по скользкой лестнице на крутой берег. Было слышно, как шуршит в кустах дождь. Кузьмин постоял, чтобы глаза привыкли к темноте, увидел понурую лошадь, кривую извозчичью пролетку (Дождливый рассвет, 7, 298).

Одиночество, бесприютность, неопределенность судьбы героя в этом фрагменте передаются через ощущение зябкости, пустоты, тишины, оттеняемой шуршанием моросящего дождя. Психологизм пейзажа формирует тональность текста, создает эмоциональную окрашенность изображения, рождает подтекстовые смыслы. Значимость в выражении эмоциональных смыслов образа моросящего дождя подчеркивается и заголовком («Дождливый рассвет»), и его повтором в композиции рассказа, образующим мотив:

Извозчик замолчал. Кузьмин закурил, откинулся вглубь пролетки. По поднятому верху барабанил дождь. Далеко лаяли собаки. Пахло укропом, мокрыми заборами, речной сыростью. «Час ночи, не меньше», — подумал Кузьмин. Тотчас где-то на колокольне надтреснутый колокол действительно пробил один удар.

«Остаться бы здесь на весь отпуск, — подумал Кузьмин. — От одного воздуха все пройдет, все неприятности после ранения. Снять комнату в домишке с окнами в сад. В такую ночь открыть настежь окна, лечь, укрыться и слушать, как дождь стучит по лопухам» (Дождливый рассвет, 7, 299).

Звуковой образ дождя, становящийся мотивом, не только объединяет отдельные штрихи в пейзажной картинке маленького провинциального городка, но и становится эмоциональным фоном, импрессионистически передающим невысказанность чувств героев, угадываемое настроение грусти, предощущения возможной близости и вместе с тем неизбежной разлуки.

«В конце сада был обрыв над рекой, а за обрывом — предрассветные дождливые дали, тусклые огни бакенов внизу, туман, вся грусть летнего ненастья» (Дождливый рассвет, 7, 309).

Финальные строки рассказа также изобразительно конкретны, однако эти наглядные картины уходящего парохода не только завершают событийную линию на основе кольцевой композиции (герой уезжает, очевидно, навсегда), но эмоционально окрашивают историю чувством сожаления о чем-то несбывшемся, о разлуке:

«Пароход уходил все дальше, гнал на песчаные берега длинные волны, качал бакены, и прибрежные кусты лозняка отвечали торопливым шумом на удары пароходных колес» (Дождливый рассвет, 7, 310).

Река, пароход и маленькая пристань наряду с дождливым туманным сумраком становятся носителями не выраженных буквально смыслов, лирическая тональность формирует русло восприятия рассказа, направляя ассоциации читателя. Как можно заключить из приведенных фрагментов рассказов, индивидуальному стилю К. Паустовского свойственен подтекстовый характер выражения смыслов. По определению Т. И. Сильман, подтекст — это «не выраженное словами, подспудное, но ощутимое для читателя или слушателя значение какого-либо события или высказывания» [8: 84]. Смыслы становятся

«ощутимыми для читателя» вследствие воздействия образов и связанной с ними тональности.

Тональную окраску речи в поздних рассказах К. Паустовского могут также формировать детали, характеризующие пространство дома: *раскрытая книга, запах духов, стук ходиков в тишине комнат, старая лампа, букет иван-чая, плюшевый альбом для фотографий, женская шляпа на рояле, пожелтевшие фотографии на стенах.* Такие детали вызывают ассоциации, хранящие память о прошлом и передающие домашний уют родного пространства, наполняют эмоциональным отношением и образы героев, и изображаемые события.

Татьяна Петровна привыкла и к городку, и к чужому дому. Привыкла к расстроенному роялю, к пожелтевшим фотографиям на стенах, изображавшим неуклюжие броненосцы береговой обороны. Старик Потапов был в прошлом корабельным механиком. На его письменном столе с выцветшим зеленым сукном стояла модель крейсера «Громобой», на котором он плавал (Снег, 7, 238–239).

Включение в повествование изобразительных деталей родного дома героя в рассказе «Снег» позволяет выразительно передать и его нежную любовь к старику-отцу, и острую тоску по родине и прежней мирной жизни, к которой он мечтает вернуться:

Я часто вспоминаю тебя, папа, — читала дальше Татьяна Петровна, — и наш дом, и наш городок. Все это страшно далеко, как будто на краю света. Я закрываю глаза и тогда вижу: вот я отворяю калитку, вхожу в сад. Зима, снег, но дорожка к старой беседке над обрывом расчищена, а кусты сирени все в инее. В комнатах трещат печи. Пахнет березовым дымом. Рояль, наконец, настроен, и ты вставил в подсвечники витые желтые свечи — те, что я привез из Ленинграда. И те же ноты лежат на рояле: увертюра к «Пиковой даме» и романс «Для берегов отчизны дальней». Звонит ли колокольчик у дверей? Я так и не успел его починить. Неужели я все это увижу опять? Неужели опять буду умываться с дороги нашей колодезной водой из кувшина? (Снег, 7, 239–240).

Таким образом, в этом рассказе эмоциональное лирическое звучание наряду с образом заснеженного сада, охраняющего и сохраняющего покой дома, создают детали облика этого дома — рояль, фотографии, ноты, свечи в подсвечниках, колокольчик, треск огня в печи. Оставаясь не названными прямо, волнение и душевное переживание выражены через изображение дорогих сердцу героя предметов, пробудивших в известной мере и его чувства к Татьяне Петровне. Приглушенность, мягкость, деликатность в отборе и характеристике внешних деталей позволяет выразить волнующее состояние внутренней жизни героев без горячей экспрессии, броских эпитетов и эффектных приемов благодаря лирической тональности, актуализирующей подтекстовые смыслы.

В формировании тональности текста важную роль играет ритмико-синтаксическая организация текста. Как справедливо пишут В. И. Коньков и И. А. Митрофанова, «ритм является важным элементом, приметой индивидуального стиля» [4: 186]. Начало рассказа «Телеграмма» может служить ярким примером синтаксических построений, реализующих интонационно-мелодический рисунок, свойственный стилю К. Г. Паустовского:

Октябрь был на редкость холодный, ненастный. Тесовые крыши почернели.

Спутанная трава в саду полегла, и все доцветал и никак не мог доцвесть и осыпаться один только маленький подсолнечник у забора.

Над лугами тащились из-за реки, цеплялись за облетевшие ветлы рыхлые тучи. Из них назойливо сыпался дождь (Телеграмма, 7, 311).

Однородность синтаксических структур создает монотонность текстового ритма, который, взаимодействуя с лексикой, усиливает эмоциональную окраску речи, служащую в этих первых строках рассказа камертоном его последующего звучания.

Таким образом, лирическая тональность является стилеобразующей доминантой поздних рассказов К. Г. Паустовского. Произведения этого периода отличает эмоциональная окрашенность текста, отражающая теплое и нежное чувство автора к родным пейзажам средней России. Вместе с тем словесные картины природы в рассказах писателя имеют не только самостоятельное художественное значение, но могут выполнять и функцию характеристики внутреннего состояния героя, отражения его настроения и переживаний, что ярко представляет психологизм прозы К. Паустовского. Создаваемая пейзажными описаниями тональная окраска речи служит своеобразным проводником подтекстовых смыслов,

сообщая читателю созвучное настроение и пробуждая рефлексию.

Особая роль в формировании лирической тональности текста принадлежит эпитетам, обладающим высоким ассоциативным потенциалом, способным в контексте актуализировать взаимодействие прямых и переносных значений слова, обогащая образные представления с помощью простых и естественных словоупотреблений, не нарушающих тональное звучание речи. Лирическая настроенность повествования создается отбором деталей природы и пространства дома, осложненных эмоциональным отношением, что отражает внутренний мир героев и вызывает ассоциативный отклик, чувство волнения и сопереживание у читателя.

Проникновенное, эмоционально окрашенное изображение природы и человека, их естественные и гармоничные образы, лирическая тональность речи формируют узнаваемые индивидуальные черты стиля К. Г. Паустовского.

ПРИМЕЧАНИЕ

* *Паустовский К. Г.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1967–1970. — Ссылки приводятся по данному изданию. Здесь и далее в круглых скобках указаны том и страница.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексанян Е.* Константин Паустовский — новеллист. М.,1969.

2. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной семантики // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1997. Т. 56, № 1. С. 11–21.

3. *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М., 1971.

4. *Коньков В. И., Митрофанова И. А.* Стилистика художественной речи: учеб. пособ. для студ. учреждений высшего образования. М., 2016.

5. *Матвеева Т. В.* Тональность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. М., 2003. С 549–552.

6. *Ожегов С.И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.

7. «Он старался быть подальше от власти». Галина Арбузова поделилась с «Огоньком» воспоминаниями о своем отчиме писателе Константине Паустовском // Огонёк. 2017. № 21 (от 29.05.2017). С. 40.

8. *Сильман Т. И.* Подтекст как лингвистическое явление // Филол. науки. Научные доклады высшей школы. 1969. № 1. С. 84–90.

REFERECES

1. Aleksanian E. (1969) *Konstantin Paustovskii — novelist [Konstantin Paustovsky as a novelist]*. Moscow. (in Russian)

2. Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (1997) Postulaty kognitivnoi semantiki [Postulates of cognitive semantics]. *Izvestiia RAN. Seriia literatura i iazyk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Language and Literature]*. Vol. 56, no. 1, pp.11–21. (in Russian)

3. Vinogradov V. V. (1971) *O teorii khudozhestvennoi rechi [On the theory of artistic speech]*. Moscow. (in Russian)

4. Kon'kov V. I., Mitrofanova I. A. (2016) *Stilistika khudozhestvennoi rechi: ucheb. posobie dlia stud. uchrezhdenii vysshego obrazovaniia [Stylistics of artistic speech: a textbook for students of institutions of higher education]*. Moscow. (in Russian)

5. Matveeva T. V. (2003) Tonal'nost' [Tonality]. In: *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka Pod redaktsiei M. N. Kozhinoi [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language Edited by M. N. Kozhina]*. Moscow, pp. 549–552. (in Russian)

6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. (1993) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. Moscow. (in Russian)

7. «On staralsia byt' podal'she ot vlasti». Galina Arbuzova podelilas' s «Ogon'kom» vospominaniiami o svoem otchime pisatele Konstantine Paustovskom [«He tried to stay away from power».Galina Arbuzova shared with «Ogonyok» memories of her stepfather writer Konstantin Paustovsky]. *Ogonek [Ogonek]*. 2017, no 21 (05.29.2017). (in Russian)

8. Sil'man T. I. (1969) Podtekst kak lingvisticheskoe iavlenie [Subtext as a linguistic phenomenon]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly [Philological sciences (Scientific essays of higher education)]*, no. 1, pp. 84–90. (in Russian)

[Воспоминания о К. Г. Паустовском]

В автобиографической книге «Размышления» Марлен Дитрих посвятила Константину Георгиевичу Паустовскому целую главу, в которой делилась впечатлениями от встречи с ним: «...Однажды я прочитала рассказ „Телеграмма“ Паустовского. Он произвёл на меня такое впечатление, что ни рассказ, ни имя писателя, о котором никогда не слышала, я уже не могла забыть. Мне не удавалось разыскать другие книги этого удивительного писателя. Когда я приехала на гастроли в СССР, то в московском аэропорту спросила о Паустовском. Тут собрались сотни журналистов, они не задавали глупых вопросов, которыми мне обычно досаждали в других странах. Их вопросы были очень интересными. Наша беседа продолжалась больше часа. Когда мы подъезжали к моему отелю, я уже всё знала о Паустовском... Позже я прочитала оба тома „Повести о жизни“и была опьянена его прозой... С тех пор я чувствовала, как бы некий долг — поцеловать руку писателя, который это написал. И вот — сбылось! Я счастлива, что я успела это сделать».

(http://l.mamsy.ru/u/gm.php?prm=c4SIjnab19_438966752_1650734_1887760)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТОЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ (1917–2017)...

(Начало на с. 79, 99)

вал частотность функционирования в ресурсах Интернета прецедентных текстов из дилогии И. Ильфа и Е. Петрова, а доц. О. П. Семенец (РГПУ им. А. И. Герцена) на основе анализа прецедентных текстов советской эпохи в заголовках газет выявила трансформацию их функций на протяжении 70 лет. Доц. Т. В. Гончарова (Липецкий государственный педагогический университет) на материале языка поэзии и прозы революционной эпохи продемонстрировала особую значимость символики цветообозначений. Доц. И. В. Столярова (РГПУ им. А. И. Герцена) выделила ключевые слова художественных текстов как фрагменты облика 60-х годов XX века.

В секции «Язык советской эпохи: проблемы языкового образования и языковой рефлексии» ряд докладов был посвящен учебникам прошлого. Так, с. н. с., д. ф. н. М. Н. Приёмышева (ИЛИ РАН) рассказала о первых учебниках русского языка С. Г. Бархударова, появившихся в 1930-е гг. и многократно переиздававшихся. Докладчик убедительно показала, что материалы этих учебников и по сей день сохраняют свою значимость. К. С. Евсеенкова (Санкт-Петербург) охарактеризовала с позиций современной науки раздел «Синтаксис» в школьных учебниках 1946–1974 гг.

В центре внимания участников конференции оказалось и воздействие социокультурного контекста на современную языковую личность. Доц. А. И. Дунев (РГПУ им. А. И. Герцена) рассмотрел стереотипы учительской речи «сквозь призму времен и поколений» на материале художественных произведений. Опирающиеся на материал социолингвистических и психолингвистических экспериментов, проведенных со студентами Уральского государственного юридического университета, доклады доц. Н. А. Юшковой и доц. Ю. Б. Феденёвой (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург) были посвящены социокультурному контексту советского времени, политическим реалиям и идеологическим ценностям советского периода в восприятии и интерпретации студентов юридического вуза. Доц. М. В. Шпильман и доц. Е. Г. Басалаева (Новосибирский государственный педагогический университет) показали, что концепт «Советский язык» и вербализующее его словосочетание являются достаточно распространенным объектом языковой рефлексии в интернет-коммуникации. Доц. А. В. Кузьмина и доц. А. М. Четырина (РГПУ им. А. И. Герцена) представили результаты исследования ассоциативного потенциала лексемы «революция» в языковом сознании современных студентов.

Секция «Советизмы в словаре, речи и тексте» была посвящена особенностям функционирования как отдельных слов, так и групп разных типов. Так, проф. И. П. Матханова (Новосибирский государственный педагогический университет) в докладе «Национализировать, индустриализировать, коллективизировать и другие глаголы деятельности: лексико-грамматическая характеристика» проанализировала механизм взаимодействия лексических и грамматических значений на материале глаголов деятельности. Доц. Ю. Б. Пикулева (УрФУ, Екатеринбург) в докладе «Советизмы в современных публицистических текстах: лингвоаксиологическая интерпретация» предложила описание процедуры анализа советизмов в публицистических текстах, выделила языковые сигналы ценностных представлений и установок. Доц. П. А. Якимов (Оренбургский государственный педагогический университет) представил доклад «Лексическое представление религиозной картины мира в творчестве оренбургских поэтов XX века». К. ф. н., с. н. с. Н. В. Козловская (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Семантические свойства философских терминов в отечественной лингвистике 1970–80-х гг.» обобщила результаты анализа работ, посвященных общественно-политической и философской терминологии. В совместном докладе доц. И. С. Куликовой и доц. Д. В. Салминой (РГПУ им. А. И. Герцена) «Мигрирующие лингвистические термины в Национальном корпусе русского языка: динамические процессы» были представлены семантические процессы, связанные с использованием лингвистических терминов в поздний советский период и на рубеже XX–XXI вв. Интересную дискуссию вызвал доклад доц. О. А. Ружа (Новосибирский государственный педагогический университет) «Советская детская книга в современном прочтении». Доц. В. А. Белов (Череповецкий государственный университет) в докладе «Способы толкования значений слов» представил анализ семантических связей и ментальной организации синонимических отношений на основе данных психолингвистических экспериментов. Доц. С. Л. Михеева и доц. О. А. Димитриева (Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева) в докладе «Гастрономическая тема в советском анекдоте» предложили взгляд на характер изменения отношения к еде через призму анекдота.

Доц. Ю. О. Кальниченко (ИТМО, Санкт-Петербург) посвятила свой доклад отображению событий революции 1917 года в многокомпонентных сложных высказываниях В. Набокова. Е. В. Кузьмицкая (Санкт-Петербург) в докладе «Прецедентное имя „Христос“ в словаре и художественном тексте советской эпохи» отметила, что советская эпоха породила ставшее нормой умолчание, проявлявшееся в актуализируемом наборе дифференциальных признаков прецедентного имени.

По единодушному мнению участников и слушателей, конференция «Слово. Словарь. Словесность: язык революции — язык советской эпохи» выявила множество актуальных для современной лингвистики аспектов, связанных с революцией 1917 года и языком советской эпохи и обнаружила искренний интерес ученых к проблемам языка прошлого века.

В. Д. Черняк, А. И. Дунев,
РГПУ им. А. И. Герцена